

REFLEXIO

Научный психологический журнал

Основан в ноябре 1999 года

2018. Том 11, № 2

СОДЕРЖАНИЕ

Аутизм: теория и исследования

- Первушина О. Н.* Аутизм: достаточно ли работы с поведением? 5
- Фёдоров А. А.* Публикации по аутизму в журналах прикладного (ЖАВА) и экспериментального (ЖЕАВ) анализа поведения: библиометрический анализ (1958–2017) 25
- Дорошева Е. А., Грабельникова У. С., Колупаева С. Г.* Особенности восприятия стрессовых факторов и совладания с ними у матерей, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра 43

Психология подросткового возраста

- Санталова Е. А., Киселева О. В.* Взаимосвязь детско-родительских отношений, социальной и школьной дезадаптации и суицидальных рисков подростков 63

Психологический инструментарий

- Голубев А. М., Дорошева Е. А., Одновал И. А.* Адаптация русскоязычной версии Многофакторного опросника состояния скуки: предварительные результаты 86

Дискуссия

- Фёдоров А. А.* Интеллектуальные уловки постнеклассической психологии 114

<i>Резникова Ж. И., Дорошева Е. А.</i> Думают ли животные? Новые возможности исследований, представляемые нейро- физиологией	134
--	-----

Организационная психология и социология

<i>Бодрова Л. А.</i> Организационная структура управления как си- стемообразующая характеристика организации	149
<i>Первушин Н. С.</i> Роль бизнес-тренингов в экономике впечатле- ний: анализ с позиций социологии эмоций	170

Психология и общество

<i>Нечунаев В. В.</i> Преодоление клипового мышления у современ- ных студентов	181
---	-----

Краткие сообщения

<i>Злобина М. В.</i> Анализ конструкта межличностной интолерант- ности к неопределенности	208
Сведения об авторах	221
Информация для авторов	223

REFLEXIO

Scientific journal

Founded in November of 1999

2018. Volume 11, issue 2

CONTENTS

Autism: Theory and Research

- Pervushina O. N.* Autism: is it enough to work with the behavior 5
- Fedorov A. A.* Publishing about autism spectrum disorder in the Journal of Applied Behavior Analysis and the Journal of the Experimental Analysis of Behavior: bibliometric analysis (1958–2017) 25
- Dorosheva E. A., Grabelnikova U. S., Kolupaeva S. G.* Specifics of stress factor perception and coping with them in mothers of children with autism spectrum disorders 43

Psychology of Adolescents

- Santalova E. A., Kiseleva O. V.* Relations of parent-child relationships, social and school maladjustment and suicidal risks in adolescents 63

Psychological Instruments

- Golubev A. M., Dorosheva E. A., Odnoval I. A.* Adaptation of the Russian-language version of Multidimensional State Boredom Scale: preliminary results 86

Discussion

- Fedorov A. A.* Intellectual impostures of post-nonclassical psychology 114
- Reznikova Zh. I., Dorosheva E. A.* Do animals think? New research opportunities presented by neurophysiology 134

Organizational Psychology and Sociology

<i>Bodrova L. A.</i> Organizational management structure as a system characteristic of the organization	149
<i>Pervushin N. S.</i> The role of business training practices in the experience economy: an analysis from the perspective of sociology of emotions	170

Psychology and Society

<i>Nechunaev V. V.</i> Overcoming clip thinking in contemporary students Details of Authors	181
--	-----

Short communications

<i>Zlobina M. V.</i> Analysis of the «interpersonal intolerance of in uncertainty» construct	208
Details of Authors	221
Instructions for Authors	223

УДК 159.9

О. Н. Первушина

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

olgap7@yandex.ru

АУТИЗМ: ДОСТАТОЧНО ЛИ РАБОТЫ С ПОВЕДЕНИЕМ? *

Приводится анализ различного отношения к прикладному анализу поведения для помощи детям с расстройствами аутистического спектра в Северной Америке и Европе. В то время как в США и Канаде методы прикладного анализа поведения поддерживаются на государственном уровне и предлагаются нуждающимся, в большинстве европейских стран наблюдается настороженное отношение к этим методам или даже их неприятие. Статья содержит анализ возможных причин такого положения дел. В качестве основной причины выдвигается разница философских и психологических традиций в подходах к развитию личности.

Ключевые слова: расстройства аутистического спектра (РАС), прикладной анализ поведения (АВА), неприятие АВА в Европе, метод с научно доказанной эффективностью.

Проблема аутизма становится в современном мире все более актуальной в силу увеличения количества случаев расстройств аутистического спектра (далее – РАС). Американская сеть мониторинга аутизма и расстройств развития (American Autism and Developmental Disabilities Monitoring Network) сообщила, что распространенность РАС составляет 1 : 68 (по данным Американских центров по контролю и предотвращению заболеваний, United State Centers for Disease Control and Prevention, 2013, см.: [Keenan et al., 2014]). Аналогичные показатели зафиксированы в Великобритании и по всей Европе. Та-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-013-00925).

кой уровень распространенности РАС предъявляет огромные требования к системам здравоохранения, социальным службам, научному сообществу и обществу в целом. Экономические издержки, связанные с аутизмом, делают его самым дорогостоящим расстройством с общей стоимостью 61 млрд US\$ в год в США и не менее 3,1 млрд UK£ в год в Великобритании, это больше, чем расходуется на сердечные заболевания, инсульты и рак вместе взятые [Buescher et al., 2014].

Общая цель вмешательства при аутизме – помощь, улучшение качества жизни, приобретение независимости и автономности, насколько это возможно. Существует большое количество публикаций, указывающих на то, что наилучшие результаты дают методы, основанные на прикладном анализе поведения (далее – АВА) [Anagnostou et al., 2014]. Фактически авторы отмечают, что существует статистически значимая взаимосвязь между вмешательствами на основе АВА и оптимальными результатами [Fein et al., 2013; Orinstein et al., 2014]. В рамках вмешательств, основанных на АВА, используется модель принятия решений с опорой на анализ данных, полученных в ходе наблюдения за поведением. Программы строятся на основе общих принципов анализа и формирования поведения в рамках подхода Б. Скиннера. В то же время они должны учитывать индивидуальные особенности человека. Построение и коррекция программы зависят от поставленных целей и конкретных достигнутых результатов. Наиболее эффективными признаются интенсивные программы раннего вмешательства на основе АВА, когда дети получают не менее 25 ч занятий в неделю [Myers, Johnson, 2007].

Представляется очень логичным, что нарушение социального взаимодействия, отсутствие или трудности речевой коммуникации, свойственные детям с РАС, выдвигают на первый план работу с поведением. Формирование желательных навыков, устранение нежелательного поведения, расширение поведенческого репертуара являются и главной целью, и основным методом оказания помощи ребенку с РАС.

Огромное число публикаций свидетельствует об эффективности методов, основанных на АВА. В США в 1999 г., после 30 лет исследований, комитет здравоохранения (Surgeon General) рекомендовал АВА в качестве основного метода помощи детям с РАС. С тех пор вмешательства на основе АВА считаются эффективными с медицинской и образовательной точек зрения, являются «обычной практикой» и финансируются государством или системой здравоохранения в большинстве штатов (на ноябрь 2014 г. – в 38 штатах), а также феде-

ральными органами, такими как Office for Personnel Management and Medicare, и крупными корпорациями, такими как JPMorgan Chase & Co., Microsoft, Apple, Goldman Sachs, Intel и др. (по данным Autism Speaks, 2014). Лицензирование осуществляет совет по сертификации Board Certified Behaviour Analysts ¹ – это сообщество профессионалов, которые разрабатывают нормы и критерии для оценки работы специалистов в сфере АВА [Keenan et al., 2014].

Соглашение о введении законов, в соответствии с которыми система здравоохранения предоставляет людям с аутизмом сервис, основанный на АВА, в 38 штатах США возникли в результате интенсивных обсуждений проведенных исследований [Unumb, 2013] ². Эти доказательства являются существенными и включают в себя:

- более 2000 репликаций исследований с малым количеством испытуемых (single system/subject design)
- рандомизированные контролируемые испытания (RCT);
- метаанализ;
- последовательный метаанализ;
- систематические обзоры;
- данные нейронаук (пластичность мозга);
- анализ социальной значимости;
- анализ затрат и выгод [Larsson, 2013].

Аналогичным образом в Канаде АВА рассматривается как эффективная стратегия помощи людям с аутизмом, услуги на основе АВА также широко доступны, хотя степень охвата варьируется в разных провинциях [Autism Society Canada, 2010].

Иная ситуация наблюдается в странах Европы. М. Кеенан в статье «Аутизм и АВА: пропасть между Северной Америкой и Европой» описывает очень разное отношение к АВА и различную его распространенность в странах Северной Америки и Европы [Keenan et al., 2015].

Так, в Англии вмешательства на основе АВА при работе с людьми с РАС не поддерживаются на государственном уровне. Отношение к применению АВА является очень настороженным, о чем свидетельствуют высказывания такого типа:

...в целом движение АВА становится больше похожим на культ, чем на науку: есть харизматичный лидер, доктрина, отказ от критики, преследование и обличение любого, кто критикует (пусть даже и мягко),

¹ BCBA. www.bacb.com.

² Hagopian L. P., Hardesty S. L. Applied behavior analysis. Retrieved from the Web 24/11/2014 <http://www.kennedykrieger.org/node/13378>.

искажение критики, стремление «обратить всех в свою веру»: получить больше новых «последователей» и распространять «учение» [Jordan, 2001. P. 421].

В Великобритании и Ирландии АВА остается непризнанным и не поддерживается правительствами и организациями, которые составляют рекомендации для предоставления сервиса на уровне государства³.

В Германии прикладной анализ поведения также официально не признается и не поддерживается. Там, где программы помощи доступны, они выполняются или контролируются работниками медицинских или психологических учреждений, которые получили квалификацию в поведенческой терапии. Термин «поведенческая терапия аутизма» (Autismus-spezifische Verhaltenstherapie – AVT) используется для описания методов, используемых при работе с людьми с аутизмом. AVT – это не то же самое, что АВА, так как не соответствует стандартам качества, установленным ВСВА. Хотя существует некоторое количество учреждений, специализирующихся на аутизме, которые предоставляют поведенческие программы, большинство из этих центров предпочитают эклектичный подход, с использованием, в том числе, психодинамической терапии и других методов без доказанной эффективности. Объединение родителей «Autismus Deutschland» решительно выступает против акцента на научных доказательствах применяемых методов, считая это ограничениями. В университетах Германии нет учебных программ, полностью посвященных анализу поведения, потому что АВА не признается в сфере образования и медицины. Кроме того, учебные программы большинства курсов по психологии и медицине не готовят студентов к работе с детьми с РАС [Dillenburger et al., 2014].

В Греции первый ВСВА, предлагающий услуги АВА для детей с РАС, появился в реестре ВАСВ в 2009 г., и с тех пор ситуация мало изменилась. Распространена деятельность множества недостаточно квалифицированных специалистов, предлагающих АВА как один из вариантов помощи в рамках эклектичной модели. Недостаточное количество специалистов и недостаток качества аналитических услуг в сфере АВА порождают дискуссии о том: является ли вмешательство

³ NICE – National Institute for Clinical Excellence. Management and support in children and young people with autism. Retrieved <http://pathways.nice.org.uk/pathways/autism#path=view%3A/pathways/autism/management-and-support-in-children-and-young-people-with-autism.xml&content=view-index>.

на основе АВА гуманным, не нарушаются ли этические принципы, обобщаются ли приобретенные навыки, учитываются ли индивидуальные особенности. Эта ситуация представляет собой серьезное препятствие для оказания помощи детям с РАС в их полном объеме, поскольку вводит в заблуждение родителей, специалистов и систему здравоохранения в целом [Keenan et al., 2015].

В Исландии применение АВА для дошкольников с РАС началось в рамках исследовательского проекта в 1995 г., когда группа детей участвовала в репликации исследования Ловааса [Jónsdóttir, Eikeseth, 2000]. В 2000 г. в Государственном центре диагностики и консультирования (State Diagnostic and Counselling Centre – SDCC), учреждении, которое обслуживает всю страну, было принято решение информировать родителей после постановки диагноза о таком варианте помощи в дополнение к преобладающему эклектичному подходу. Сегодня более половины из этих родителей выбирают программу АВА и посещают курсы и семинары, предоставляемые SDCC. Законодательство предусматривает для детей младшего возраста с РАС, а также других детей с особыми потребностями, право на получение дошкольного образования под руководством специалистов. Выделяются средства на специальное образование, количество часов в неделю для каждого ребенка зависит от его потребностей и состояния. Тем не менее нет никаких официальных рекомендаций относительно подхода к обучению, ответственность за предоставление услуг несут руководители школ, и в выборе методов они могут следовать собственным предпочтениям.

Внедрение АВА не было безболезненным, и по-прежнему часть педагогов настроена скептически, они отказываются от АВА по идеологическим причинам и сравнивают его с дрессировкой. Искажение информации об АВА не удивляет, если рассматривать в целом процесс подготовки учителей и других специалистов, которые непосредственно обучают детей с аутизмом. Краткий обзор, проведенный в 2013 г. по содержанию образовательных программ в Университете Исландии, показал, что те, кто работает с детьми с особыми образовательными потребностями, не изучали анализ поведения или научно обоснованные методы, которые необходимы для эффективного обучения [Sigurdardóttir et al., 2013].

В Италии система социального обеспечения бесплатно предоставляет помощь и услуги детям-инвалидам и их семьям, но правила оказания этой помощи в разных регионах разные. Из-за отсутствия какого-либо централизованного ресурса по вопросам аутизма или единого

диагностического центра своевременная диагностика оказывается проблематичной. После постановки диагноза РАС ребенку обычно назначают одно или два занятия в неделю с эрготерапевтом и логопедом. За редким исключением, услуги ВСВА или другого специалиста с эквивалентной квалификацией и опытом недоступны в службе общественного здравоохранения. Это означает, что родителям, если они самостоятельно нашли информацию о методах с научно доказанной эффективностью (а это, как правило, АВА-специалист), приходится нанимать поставщика услуг частным образом. Стоимость этих услуг варьируется и частично (20–40 %) возмещается в некоторых регионах местными органами здравоохранения. Критерии оценки качества сервиса на основе АВА также остаются неясными.

В качестве альтернативы получения сервиса на основе АВА в частном порядке, ребенок может посещать центр абилитации или частную клинику, но очень немногие из них могут обеспечить качественный сервис на основе АВА и иметь в своем штате специалистов, прошедших соответствующую подготовку и аттестацию.

На сегодняшний день в Нидерландах в сфере высшего образования нет возможностей обучения для тех, кто интересуется АВА. Ситуация осложняется еще и тем, что родителей детей с РАС после постановки диагноза информируют только о психолого-педагогических и фармакологических вариантах лечения [Neidt, Schenk, 2012; Schothorst et al., 2009], и родители не получают информацию о методах с доказанной эффективностью, которые применяются в других странах [Peters-Scheffer, 2013]. Изданное недавно в Нидерландах руководство по мультидисциплинарной диагностике и лечению взрослых с РАС [Schothorst et al., 2009] утверждает, что нет доказательств того, что участие в интенсивных программах обучения в детском возрасте, в долгосрочной перспективе значительно улучшает функционирование людей с РАС [Kan et al., 2013].

Этот краткий обзор весьма скромного присутствия АВА в европейских странах может быть дополнен свидетельствами его довольно низкого статуса, когда речь идет об оценке эффективности вмешательства при РАС. М. Keenan [Keenan et al., 2010] считает, что когда обучение анализу поведения по международным стандартам не является общедоступным, неудивительно, что идеологические взгляды могут помешать объективной оценке эмпирических данных. Он приводит пример публикации [Howlin et al., 2014], в которой взгляды авторов в вопросе об АВА резко контрастируют с их собственными эмпирическими выводами. Так, в исследовании показаны чрезвычайно

плохие долгосрочные результаты применения эклектических методов в школьном обучении: 75 % взрослых (средний возраст испытуемых 44 года, они получили диагноз аутизм около 40 лет назад) остались в своем развитии на том же уровне, что у них был в 3-летнем возрасте, в то время как 25 % испытуемых было невозможно протестировать из-за отсутствия навыков общения и проблемного поведения. Nowlin с соавторами [2014] пришли к выводу, что, несмотря на то, что многие посещали специализированные школы для детей с аутизмом, ни один из них не имел доступа к программам интенсивного раннего вмешательства на основе АВА, которые доступны сегодня и которые, по мнению некоторых, благотворно влияют на развитие и интеллект в долгосрочной перспективе.

Казалось бы, авторы одобрительно высказываются относительно АВА и пытаются заинтересовать и исследователей, и практиков в возможностях АВА, но этого не происходит. Никаких значимых последствий эта публикация не приносит. Обобщая характеристику применения АВА в Европе, М. Keenan [Keenan et al., 2015] констатирует, что и сегодня только одна треть (32,3 %) детей младшего возраста с РАС (младше 6 лет) в Европе получает сервис на основе АВА, от 8,6 % в Чехии до 80,6 % в Румынии [Salomone et al., 2016]. Среднее количество часов в неделю составляло 8,69. Однако, учитывая, что эти данные были собраны посредством онлайн опроса, в котором принимали участие хорошо образованные родители (использование Интернета связывают с высоким социально-экономическим статусом), вполне вероятно, что поведенческие вмешательства на основе АВА недоступны для большинства детей с аутизмом в Европе, особенно для тех, кто живет в бедных районах, поэтому реальные цифры, характеризующие применение АВА, видимо, значительно ниже. Miskey Keenan, характеризуя разницу в подходах к помощи людям с РАС и в отношении к АВА, говорит о пропасти между Северной Америкой и Европой. Складывается впечатление, что эта пропасть поглощает существующие доказательства эффективности вмешательств на основе АВА.

Возникает вопрос: с чем связано столь различное отношение к АВА в Северной Америке и Европе?

М. Keenan [Keenan et al., 2015] объясняет сложившуюся ситуацию несколькими причинами.

1. Недоступность обучения прикладному анализу поведения в европейских странах на уровне международных стандартов.

2. Различная идеология в подходах к развитию ребенка, в частности, ребенка с РАС.

3. Отсутствие поддержки методов АВА для помощи детям с РАС известными учеными и, как следствие, отсутствие внедрения в местные системы здравоохранения и образования.

4. Трудность передачи результатов исследований из одной культуры в другую.

5. Ошибочные представления об АВА в правительственных отчетах, в средствах массовой информации и в социальных сетях [Baron-Cohen, 2014], а также в некоторых научных журналах [Cassidy et al., 2007].

6. Разрушительные последствия коммерциализации науки.

7. Этические вопросы применения методов, основанных на АВА.

Рассмотрим указанные причины подробнее.

Недоступность обучения прикладному анализу поведения в европейских странах на уровне международных стандартов. Этот аргумент звучит не совсем убедительно, поскольку М. Кеenan сам говорит о наличии (пусть небольшого) числа АВА-специалистов в различных европейских странах, а также присутствии образовательных программ по анализу поведения и поведенческой терапии. Так, например, в Германии, которая не принимает на государственном уровне прикладной анализ поведения в качестве основного метода для помощи аутистам, Университет прикладных наук в Мюнстере предлагает курсы для студентов и аспирантов по специальности «аутизм, специальная поведенческая терапия». Эти курсы предоставляются в сотрудничестве и при поддержке международных партнеров. Немецкая ассоциация поведенческих терапевтов (Deutsche Gesellschaft für Verhaltenstherapie, DGVT) предлагает обучение в аспирантуре по специальности «терапия аутизма» с сильным поведенческим уклоном.

Ассоциация анализа поведения в Германии (Association for Behaviour Analysis Deutschland – АВА-D) является подразделением Международной ассоциации анализа поведения (Association for Behaviour Analysis International). Подразделение было создано в 2011 г. восемью специалистами в сфере АВА, часть из которых обучались за границей, а также психологами и психиатрами с большим опытом работы в этой области. В Германии один специалист имеет сертификат ВСaBA, 10 – ВСBA и 3 – ВСBA-D.

В Исландии начиная с 2000 г. на государственном уровне родителей детей с РАС информируют о варианте помощи в рамках АВА. Сегодня более половины из этих родителей выбирают программу АВА.

В Греции первый ВСВА, предлагающий услуги АВА для детей с РАС, появился в реестре ВАСВ в 2009 г., первый большой и подробный учебник по анализу поведения на греческом языке был опубликован в 2005 г.; в 2009 г. в Греции прошла конференция Европейской ассоциации анализа поведения, и благодаря усилиям небольшого числа аналитиков (ученых и клиницистов) увеличилось число студентов, изучающих АВА на уровне бакалавриата и аспирантуры. Также наблюдается соответствующее увеличение числа специалистов, которые получают супервизии со стороны ВСВА или ВСВА-D.

В Италии есть около 40 специалистов в области прикладного анализа поведения.

Таким образом, АВА присутствует в образовательном и помогающем дискурсе в европейских странах, но не получает государственной поддержки и не находит признания в среде психологов, дефектологов, логопедов, педагогов.

Различная идеология в подходах к развитию ребенка, в частности ребенка с РАС. Речь идет о разных вариантах понимания развития ребенка: либо как накопления различных навыков, расширение репертуара нормативного поведения и устранения или уменьшения дефекта; либо как созревания, формирования и разворачивания различных когнитивных, эмоциональных, моральных схем и структур, возникновения на их базе новообразований, их развитии и т. д. Второй вариант в значительной степени ориентирован на толерантность и принятие разных вариантов развития. Американская психология личности, ориентированная на идеалы позитивизма и прагматизма, неизбежно должна была впитать идеи бихевиоризма, особенно в его радикальной скиннеровской версии. Скиннер описал самые разные сферы приложения своих идей, уделив большое внимание обучению, воспитанию, развитию ребенка, не забыв об американских идеалах свободы, достоинства, успеха. Не удивительно, что бихевиоризм с его заявкой на строгую научность исследовательских методов, процедур и результатов оказался востребованным в США, где идеи индивидуального успеха, личной эффективности приобрели особую популярность. В то же время в Европе психология личности развивалась в значительной степени под влиянием и в русле понимающей и описательной философии В. Дильтея, Э. Шпрангера, а также философии жизни Г. Риккерта, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше и др. Немецкая фило-

софия в огромной степени способствовала развитию интерпретационных подходов в психологии личности, с опорой на качественные методы и попыткой увидеть, понять и описать человека целостно, в единстве всех его проявлений.

В настоящее время, когда на передний план развития науки выходят когнитивная психология и нейронаука, Европа, как и Америка, активно участвует в их развитии, но складывается впечатление, что в прикладных областях по сей день велико влияние бихевиоризма в Америке и неприятие его в Европе.

В отношении работы с детьми-аутистами такая ситуация наблюдается потому, что сталкиваются две разные парадигмы: понимание аутизма как дефекта развития и как особенного варианта развития. Соответственно, акцент делается либо на поведении и работе с ним, либо на передний план выходят попытки выявления особенностей когнитивной, аффективной сфер, социального взаимодействия детей с аутизмом и поиск путей и способов понимания их в контексте целостного функционирования.

Отсутствие поддержки методов АВА для помощи детям с РАС известными учеными и, как следствие, отсутствие внедрения в местные системы здравоохранения и образования. Это положение тесно связано с предыдущим. Действительно, сложилась традиция, в соответствии с которой поведенческий подход не принимается и активно критикуется европейскими учеными. В то же время необходимо иметь в виду, что здесь развиваются интереснейшие модели, объясняющие аутизм, и, соответственно, основанные на них методы помощи аутистам. Так, S. Baron-Cohen [2014], автор знаменитой теории аутизма (теория эмпатии – систематизации), весьма критично относится к попыткам возрождения радикального бихевиоризма Б. Скиннера и его прикладным версиям. Он считает недостаточным ориентироваться на формирование тех или иных поведенческих навыков, даже если они являются чрезвычайно важными для адаптации в обществе, поскольку за поверхностью поведения всегда скрываются переживания человека, его желания, интересы, мотивы. Работа с поведением не предполагает учета этих важнейших параметров человеческой жизни [Ibid.]. Израильские ученые организуют помощь детям с РАС через работу с семьей, поскольку ими показано что проницательность родителей связана с надежной привязанностью детей и способствует их развитию. Центры помощи детям с РАС в этих случаях создают условия, в которых родители понимают и принимают своих детей, общество также принимает таких детей и их семьи, что, безусловно,

способствует развитию детей и улучшению качества их жизни [Dolev et al., 2014; Koren-Karie et al., 2009; Oppenheim et al., 2009; Marcu et al., 2009].

Трудность передачи результатов исследований и практических методов из одной культуры в другую. Действительно, американская культура более прагматична. Необходима адаптация методов и технологий в рамках АВА к европейскому контексту. Интересно, что есть примеры работы поведенческих аналитиков в разных странах, и они отличаются друг от друга, хотя следуют стандартам АВА (или все же не совсем?).

Интересны в этой связи примеры работы международной организации Autism Partnership в разных странах: США, Гонконге, Великобритании. Организация работает в разных странах, имеет хорошую репутацию. При этом впечатления от работы представителей разных стран очень различны, хотя все они используют методы АВА. Возможно, успех этой организации действительно связан с тем, что работающие там специалисты вольно или невольно учитывают культурную специфичность. Любопытным примером также является серьезный интерес к Денверской модели раннего вмешательства, который наблюдается в Италии. В данном случае работа строится на основе учета одной из важнейших особенностей ребенка с РАС – его нежелания общаться с другими людьми. Родители детей-аутистов, знакомые с данной моделью, весьма вдохновлены ею. Приведем отзыв одного из родителей из книги, посвященной описанию данного варианта работы: «Для меня как для родителя Денверская модель раннего вмешательства оказалась самым мотивирующим подходом. То, что ребенок добивается большего прогресса, когда его учат как можно раньше обращать внимание на других людей, имеет смысл – ведь у него появляется больше возможностей научиться через эти наблюдения. К тому же это очень воодушевляет – работать с ребенком, который смотрит на тебя и обращает на тебя внимание. Из всех навыков, которыми мне довелось овладеть, эти были самыми полезными и самыми часто используемыми» [Rogers et al., 2016].

Таким образом, мы видим ситуацию, когда используется поведенческий подход, но основной целью является выработка внимания, направленного на людей, так как этот навык трактуется как базовый для облегчения и развития социального взаимодействия и формирования других навыков. Такой вариант поведенческого подхода оказывается вполне приемлемым для европейских специалистов.

Ошибочные представления об АВА. Их можно встретить не только в правительственных отчетах, но и в средствах массовой информации и в социальных сетях. Действительно, прикладной анализ поведения зачастую трактуется очень узко. Возможно, это связано с незнанием или нежеланием узнавать его более глубоко в связи с методологическими и теоретическими расхождениями между американскими и европейскими способами жизни, воспитания и обучения. Представители и последователи поведенческого подхода готовы его отстаивать: «Такой подход влечет за собой гораздо больше, чем изменение поведения. Это влечет за собой понимание поведения и понимание взаимодействия между людьми и их средой, в особенности социальной средой [Walsh, 1997. Р. 101]. В такой трактовке поведенческий подход выглядит вполне привлекательно. При оценке различных методов и технологий АВА необходимо иметь в виду, что анализ поведения – это наука, АВА – прикладная наука или технология, Денверская модель раннего старта – одна из многих возможных моделей, в которой применяются принципы анализа поведения. То же самое верно для Поддержания положительного поведения (Positive Behaviour Support – PBS) и Системы альтернативной коммуникации с помощью карточек (Picture Exchange Communication System – PECS), которые поддерживаются в Великобритании и других странах Европы.

Разрушительные последствия коммерциализации науки. Кеепан с соавторами [2010] обратили внимание на разрушительные последствия коммерциализации науки в контексте, когда правительства и родители не видят разницы между конкретными подходами, пакетами, коммерческими продуктами и наукой, на которой они основаны.

В данном контексте имеет смысл говорить о коммерциализации всех продуктов, основанных на АВА. Работа в рамках этого подхода должна проводиться с большой интенсивностью (рекомендуется не менее 20–25 ч в неделю) на протяжении длительного времени. Услуги поведенческих аналитиков и терапевтов довольно дорогие, в результате данный сервис оказывается недоступным для большого количества малообеспеченных семей.

Этика применения методов АВА. Недостаточное количество специалистов и недостаток качества аналитических услуг в сфере АВА порождают дискуссии о том, является ли вмешательство на основе АВА гуманным, не нарушаются ли этические принципы, обобщаются ли приобретенные навыки, учитываются ли индивидуальные особенности. Эта ситуация представляет собой серьезное препятствие для оказания помощи детям с РАС в их полном объеме,

поскольку вводит в заблуждение родителей, специалистов и систему здравоохранения в целом. Так, например, в шведской системе образования существуют такие взгляды, которые препятствуют успешному внедрению АВА. Кеепан с соавторами [2015] приводят пример статьи в «Pedagogiska Magasinet» (у этого журнала около 200 000 подписчиков), в которой была помещена иллюстрация, изображающая детей в виде кукол, беспомощных и контролируемых «модификатором поведения». Эта иллюстрация выиграла приз за лучшую иллюстрацию в 2012 г. Статья предупреждает против «возвращения бихевиоризма» и утверждает, что модификация поведения может иметь место в психотерапии фобий, но не в системе образования. В ней также говорилось, что для модификации поведения нет места в современной педагогической теории и в теории развития, где акцент делается на взаимном уважении между педагогом и учеником, как на необходимом условии для обучения и развития. Кроме того, существовало сомнение в том, что программы, взятые из американского контекста, который отличается исторически и в области взаимоотношений, могут без каких-либо изменений применяться в шведском контексте. Шведские учебные планы для дошкольных учреждений подчеркивают важность демократии, права каждого ребенка выражать собственное мнение и делать выбор. В них говорится, что дошкольное учреждение должно готовить всех детей к обучению на протяжении всей жизни, быть комфортным, безопасным и обеспечивать богатую учебную среду, в которой заботятся о переживаниях, интересах, потребностях и мнениях ребенка, а также учебная среда должна быть свободна от любых форм дискриминации.

Анализ существующих разногласий в применении АВА между европейскими странами и Америкой показывает наличие недопонимания, связанного с культурными и научными традициями, а также недостаточное владение информацией с обеих сторон относительно теоретических подходов, существующих технологий и методов, эффективных при работе с аутистами. Современные методы прикладного анализа поведения нередко включают в себя те необходимые составляющие, которые ставятся во главу угла европейскими учеными (это и особенности функционирования сенсорных систем, и особенности мышления, аффективной сферы, самовосприятия и т. д.), и эта информация не всегда учитывается европейскими учеными при оценке методов АВА. В то же время приверженцы поведенческих методов слишком категоричны в оценке подходов и методов, разрабатываемых европейскими учеными. Складывается впечатление, что отсут-

ствуется стремление к пониманию позиций друг друга. При этом совершенно очевидно необходимость глубокого взвешенного диалога, который сможет вывести работу с аутистами на принципиально иной уровень.

Список литературы

Anagnostou E., Zwaigenbaum L., Szatmari P., Fombonne E., Fernandez B. A., Woodbury-Smith M., Brian J., Bryson S., Smith I. M., Drmic I., Buchanan J. A., Roberts W., Scherer S. W. Autism spectrum disorder: advances in evidence-based practice // *Canadian Medical Association Journal*. 2014. Vol. 186. P. 509–519.

Autism Society Canada. Behavior-based programs. 2010. Retrieved from www.autismsocietycanada.ca/index.php?option=com_content&view=article&id=24&Itemid=57&lang=en.

Autism Speaks. Nebraska Becomes 36th state to require autism coverage. Retrieved from www.autismspeaks.org/advocacy/advocacy-news/nebraska-becomes-36th-state-require-autism-coverage

Baron-Cohen S. What scientific idea is ready for retirement? Radical Behaviorism. Retrieved 06/07/2014 <http://edge.org/response-detail/25473>.

Buescher A. V. S., Cidav Z., Knapp M., Mandell D. S. Costs of autism spectrum disorders in the United Kingdom and the United States // *Jama Pediatrics*. 2014. Vol. 168 (8). P. 721–728.

Cassidy A., McConkey R., Truesdale-Kennedy M., Slevin E. Preschoolers with autism spectrum disorders: the impact on families and the supports available to them // *Early Child Development and Care*. 2007. Vol. 178. P. 115–128.

Dillenburger K., Röttgers H-R., Dounavi K., Sparkman C., Keenan M., Thyer B., Nikopolous, C. Multidisciplinary teamwork in autism: Can one size fit all? // *The Australian Educational and Developmental Psychologist*. 2014. P. 1–16. <http://dx.doi.org/10.1017/edp.2014.13>.

Dolev S., Oppenheim D., Koren-Karie N., Yirmiya N. Early attachment and maternal insightfulness predict educational placement of children with autism // *Research in Autism Spectrum Disorders*. 2014. Vol. 8. P. 958–967.

Fein D., Barton M., Eigsti I. M., Kelley E., Naigles L., Schultz R. T., Stevens M., Helt M., Orinstein A., Rosenthal M., Troyb E., Tyson K. Optimal outcome in individuals with a history of autism // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2013. Vol. 54. P. 195–205.

Howlin P., Savage S., Moss P., Tempier A., Rutter M. Cognitive and language skills in adults with autism: a 40- year follow-up // *Journal*

of Child Psychology and Psychiatry. 2014. Vol. 55. P. 49–58. doi:10.1111/jcpp.12115.

Hughes V. Researchers track down autism rates across the globe. 2011. Retrieved from <http://sfari.org/news-andopinion/news/2011/researchers-track-down-autism-rates-acrossthe-globe>

Jónsdóttir S. L., Eikeseth S. Intensive behavioural intervention of children with autism in a pre-school setting in Iceland and Norway. Poster presentation // IX International Congress, Autism-Europe, Glasgow, 2000, 19–21 May.

Jordan R. Parents' education as autism therapists: applied behaviour analysis in context / Eds. M. Keenan, K. Kerr & K. Dillenburger // Journal of Child Psychology and Psychiatry. 2001. Vol. 42 (3). P. 421–423. doi:10.1017/S0021963001216795.

Kan C. C., Geurts H. M., Van den Bosch K., Forceville E. J. M., Van Manen J., Schuurman C. H., Sizoo B. B., Stekelenburg F., Veldboom E., Verbeeck W. J. C., Vrijmoed D., Van Duin D. Multidisciplinaire richtlijn diagnostiek en behandeling van autismespectrumstoornissen bij volwassenen (Nederlandse Vereniging voor Psychiatrie (NVvP)). Nederlands Instituut van Psychologen (NIP). Utrecht, 2013. De Tijdstroom.

Keenan M., Dillenburger K., Röttgers H.-R., Moderato P. Science for sale in a free market economy: but at what price? ABA and the treatment of autism in Europe // Behavior and Social Issues. 2010. Vol. 19. P. 126–143.

Keenan M., Dillenburger K., Röttgers H., Dounavi K. et al. Autism and ABA: The Gulf Between North America and Europe // Review Journal of Autism and Developmental Disorders. 2015. Vol. 2 (2). P. 167–183.

Koren-Karie N., Oppenheim D., Dolev S., Yirmiya N. Mothers of securely attached children with autism spectrum disorder are more sensitive than mothers of insecurely attached children // Journal of Child Psychology and Psychiatry. 2009. Vol. 50 (5). P. 643–650. doi:10.1111/j.1469-7610.2008.02043.x

Larsson E. V. Is Applied Behavior Analysis (ABA) and Early Intensive Behavioral Intervention (EIBI) an effective treatment for autism? // A Cumulative Review of Impartial Reports. 2013. Retrieved from www.abia.net.au/images/Larsson-Is-ABA-and-EIBI-an-effective-treatment-for-autism.pdf.

Marcu I., Oppenheim D., Koren-Karie N., Dolev S., Yirmiya N. Attachment and Symbolic Play in Preschoolers with Autism Spectrum Disorders // Autism Dev. Disord. 2009. Vol. 39. P. 1321–1328. doi:10.1007/s10803-009-0747-y

Myers S. M., Johnson C. P. Management of children with autism spectrum disorders // *Pediatrics*. 2007. Vol. 120 (5). P. 1162–1182.

Neidt E., Schenk J. J. Behandelprogramma's gebaseerd op de principes van ABA, Een globaal overzicht van toepassingen in Nederland. *Wetenschappelijk Tijdschrift Autisme*. 2012. Vol. 2. P. 47–54.

Oppenheim D., Koren-Karie N., Dolev S., Yirmiya N. Maternal Insightfulness and Resolution of the Diagnosis Are Associated With Secure Attachment in Preschoolers With Autism Spectrum Disorders // *Child Development*. 2009. Vol. 80 (2). P. 519–527.

Orinstein A. J., Helt M., Troyb E., Tyson K. E., Barton M. L., Eigsti I.-M., Naigles L., Fein D. A. Intervention for optimal outcome in children and adolescents with a history of autism // *Journal of Developmental and Behavioral Pediatrics*. 2014. Vol. 35 (4). P. 1–10.

Peters-Scheffer N. C. Fostering development in young children with autism spectrum disorder and intellectual disability: a center based discrete trial approach. Dissertation: Radboud University Nijmegen, 2013.

Rogers S., Dawson G., Vismara L. An early start for your child with autism. New York; London: The Gilford Press, 2016.

Salomone E., Beranová S., Bonnet-Brilhault F., Lauritsen M. B., Budisteanu M., Buitelaar J. et al. Use of early intervention for young children with autism spectrum disorder across Europe // *Autism*. 2015. Vol. 20 (2). P. 233–249.

Schothorst P. F., Van Engeland H., van der Gaag R. J., Minderaa R. B., Stockmann A. P. A. M., Westermann G. M. A., Floor-Siebelink H. A. Richtlijn diagnostiek en behandeling autismespectrumstoornissen bij kinderen en jeugdigen // *Nederlandse Vereniging voor Psychiatrie*. Utrecht: De Tijdstroom, 2009.

Sigurdardóttir Z. G., Pétursdóttir A.-L., Jónsdóttir S. L., Magnússon A. F. Report on the need for a new program in applied behavior analysis at the University of Iceland: 2013. The University of Iceland and the State Diagnostic and Counselling Centre.

Unumb L. Let me hear YOUR voice. Autism and politics. 2013. www.mediator.qub.ac.uk/ms/Quart/DrLorriUnumb.m4v.

Walsh P. Bye-bye behaviourmodification / Eds. K. Dillenburger, M. F. O'Reilly, M. Keenan // *Advances in behaviour analysis*. Dublin: University College Dublin Press, 1997.

O. N. Pervushina

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

olgap7@yandex.ru

AUTISM: IS IT ENOUGH TO WORK WITH THE BEHAVIOR?

The article provide an analysis of different attitudes to applied behavioral analysis to help children with autism spectrum disorders in North America and Europe. While in the United States and Canada methods of applied behavioral analysis are supported at the state level and are offered to people in need, in most European countries there is a cautious attitude to these methods or even rejection of them. The article contains an analysis of possible reasons for this state of affairs. The difference in philosophical and psychological traditions in the approaches of personal development is considered as the main reason for difference in approaches.

Keywords: autism spectrum disorders (ASU), applied behavioral analysis (ABA), rejection of ABA in Europe, method with scientifically proven efficiency.

References

Anagnostou, E., Zwaigenbaum, L., Szatmari, P., Fombonne, E., Fernandez, B. A., Woodbury-Smith, M., Brian, J., Bryson, S., Smith, I. M., Drmic, I., Buchanan, J. A., Roberts, W., & Scherer, S. W. (2014). *Autism spectrum disorder: advances in evidence-based practice*. Canadian Medical Association Journal, 186, 509–519.

Autism Society Canada (2010). Behavior-based programs. Retrieved from www.autismsocietycanada.ca/index.php?option=com_content&view=article&id=24&Itemid=57&lang=en.

Autism Speaks (2014). Nebraska Becomes 36th state to require autism coverage. Retrieved from www.autismspeaks.org/advocacy/advocacy-news/nebraska-becomes-36th-staterequire-autism-coverage

Baron-Cohen, S. (2014). What scientific idea is ready for retirement? Radical Behaviorism. Retrieved from [http:// edge.org/response-detail/25473](http://edge.org/response-detail/25473).

Buescher, A.V. S., Cidav, Z., Knapp, M., Mandell, D. S. (2014). Costs of autism spectrum disorders in the United Kingdom and the United States *Jama Pediatrics*, 168 (8), 721–728.

Cassidy, A., McConkey, R., Truesdale-Kennedy, M., Slevin, E. (2007). Preschoolers with autism spectrum disorders: the impact on families and the supports available to them. *Early Child Development and Care*, 178, 115–128.

Dillenburger, K., Röttgers, H-R., Dounavi, K., Sparkman, C., Keenan, M. Thyer, B., & Nikopolous, C. (2014) Multidisciplinary teamwork in autism: Can one size fit all? *The Australian Educational and Developmental Psychologist*, 1–16. <http://dx.doi.org/10.1017/edp.2014.13>.

Dolev, S., Oppenheim, D., Koren-Karie, N., Yirmiya, N. (2014) Early attachment and maternal insightfulness predict educational placement of children with autism. *Research in Autism Spectrum Disorders*, 8, 958–967.

Fein, D., Barton, M., Eigsti, I. M., Kelley, E., Naigles, L., Schultz, R. T., Stevens, M., Helt, M., Orinstein, A., Rosenthal, M., Troyb, E., Tyson, K. (2013). Optimal outcome in individuals with a history of autism. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 54, 195–205.

Howlin, P., Savage, S., Moss, P., Tempier, A., Rutter, M. (2014). Cognitive and language skills in adults with autism: a 40- year follow-up. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 55, 49–58. doi:10.1111/jcpp.12115.

Hughes, V. (2011). Researchers track down autism rates across the globe. Retrieved from <http://sfari.org/news-andopinion/news/2011/researchers-track-down-autism-rates-acrossthe-globe>

Jónsdóttir, S. L., Eikeseth, S. (2000). Intensive behavioural intervention of children with autism in a pre-school setting in Iceland and Norway. *Poster presentation*. IX International Congress, Autism-Europe, Glasgow 19–21. May.

Jordan, R. (2001). Parents' education as autism therapists: applied behaviour analysis in context. M. Keenan, K. Kerr, K. Dillenburger (eds.). *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 42 (3), 421–423. doi:10.1017/S0021963001216795

Kan, C. C., Geurts, H. M., Van den Bosch, K., Forceville, E. J. M., Van Manen, J., Schuurman, C. H., Sizoo, B. B., Stekelenburg, F., Veldboom, E., Verbeeck, W. J. C., Vrijmoed, D., Van Duin, D. (2013). Multidisciplinaire richtlijn diagnostiek en behandeling van autismespectrumstoornissen bij volwassenen (Nederlandse Vereniging voor Psychiatrie (NVvP). Nederlands Instituut van Psychologen (NIP)). Utrecht: De Tijdstroom.

Keenan, M., Dillenburger, K., Röttgers, H.-R., Moderato, P. (2010). Science for sale in a free market economy: but at what price? ABA and the treatment of autism in Europe. *Behavior and Social Issues*, 19, 126–143.

Keenan, M., Dillenburger, K., Röttgers, H., Dounavi, K. at al. (2015). Autism and ABA: The Gulf Between North America and Europe. *Review Journal of Autism and Developmental Disorders*, 2015, 2 (2), 167–183.

Koren-Karie, N., Oppenheim, D., Dolev, S., Yirmiya, N. (2009). Mothers of securely attached children with autism spectrum disorder are more sensitive than mothers of insecurely attached children. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 50 (5), 643–650. doi:10.1111/j.1469-7610.2008.02043.x

Larsson, E. V. (2013) Is Applied Behavior Analysis (ABA) and Early Intensive Behavioral Intervention (EIBI) an effective treatment for autism? *A cumulative review of impartial reports*. Retrieved from www.abia.net.au/images/Larsson-Is-ABA-and-EIBI-an-effective-treatment-for-autism.pdf.

Marcu, I., Oppenheim, D., Koren-Karie, N., Dolev, S., Yirmiya, N. (2009) Attachment and Symbolic Play in Preschoolers with Autism Spectrum Disorders. *Autism Dev. Disord*, 39, 1321–1328. doi: 10.1007/s10803-009-0747-y

Myers, S. M., Johnson, C. P. (2007). Management of children with autism spectrum disorders. *Pediatrics*, 120 (5), 1162–1182.

Neidt, E., Schenk, J. J. (2012). Behandelprogramma's gebaseerd op de principes van ABA, Een globaal overzicht van toepassingen in Nederland. *Wetenschappelijk Tijdschrift Autisme*, 2, 47–54.

Oppenheim, D., Koren-Karie, N., Dolev, S., Yirmiya, N. (2009). Maternal Insightfulness and Resolution of the Diagnosis Are Associated With Secure Attachment in Preschoolers With Autism Spectrum Disorders. *Child Development*, 80 (2), 519–527.

Orinstein, A. J., Helt, M., Troyb, E., Tyson, K. E., Barton, M. L., Eigsti, I.-M., Naigles, L., & Fein, D. A. (2014). Intervention for optimal outcome in children and adolescents with a history of autism. *Journal of Developmental and Behavioral Pediatrics*, 35 (4), 247–256.

Peters-Scheffer, N. C. (2013). Fostering development in young children with autism spectrum disorder and intellectual disability: a center based discrete trial approach. Dissertation: Radboud University Nijmegen.

Rogers, S., Dawson, G., Vismara, L. (2016). An early start for your child with autism. New York, London: The Guilford Press.

Salomone, E., Beranová, S., Bonnet-Brilhault, F., Lauritsen, M. B., Budisteanu, M., Buitelaar, J. et al., (2016). Use of early intervention

for young children with autism spectrum disorder across Europe. *Autism*, 20 (2), 233–249.

Schothorst, P. F., Van Engeland, H., van der Gaag, R. J., Minderaa, R. B., Stockmann, A. P. A. M., Westermann, G.M. A., Floor-Siebelink, H. A. (2009) . Richtlijn diagnostiek en behandeling autismspectrumstoornissen bij kinderen en jeugdigen. *Nederlandse Vereniging voor Psychiatrie*. Utrecht: De Tijdstroom.

Sigurdardóttir, Z. G., Pétursdóttir, A.-L., Jónsdóttir, S. L., Magnússon, A. F. (2013). Report on the need for a new program in applied behavior analysis at the University of Iceland. Reykjavík: The University of Iceland and the State Diagnostic and Counselling Centre.

Unumb, L. (2013). Let me hear YOUR voice. Autism and politics. Retrieved from www.mediator.qub.ac.uk/ms/Quart/DrLorriUnumb.m4v.

Walsh, P. (1997). Bye-bye behaviourmodification. In K. Dillenburger, M. F. O'Reilly, M. Keenan (eds.). *Advances in behaviour analysis*, 1997. Dublin: University College Dublin Press.

УДК 159.9

А. А. Фёдоров

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

fedleks@yandex.ru

**ПУБЛИКАЦИИ ПО АУТИЗМУ В ЖУРНАЛАХ
ПРИКЛАДНОГО (*JABA*) И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО (*JEAB*)
АНАЛИЗА ПОВЕДЕНИЯ:
БИБЛИОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ (1958–2017) ***

Проведен анализ статей, посвященных изучению аутизма, опубликованных в ведущих бихевиористских журналах: «Журнале прикладного анализа поведения» («Journal of Applied Behavior Analysis», *JABA*) и «Журнале экспериментального анализа поведения» («Journal of the Experimental Analysis of Behavior», *JEAB*). В общем, в базе данных Scopus было идентифицировано 7 211 научных статей и обзоров, вышедших в этих журналах с 1958 по 2017 г. Из них 597 статей содержат термины (в названии, аннотации или списке ключевых слов), по которым определялась тема исследования: «autism» (аутизм), «autistic» (аутистический), «Asperger syndrome» (синдром Аспергера), «pervasive developmental disorder» (первазивное расстройство развития). Показано, что подавляющее большинство статей, посвященных аутизму, публикуется в «Журнале прикладного анализа поведения» (98 %). Изучена динамика публикаций, в том числе посредством построений кумулятивных кривых. При помощи построения понятийной карты на основе анализа ключевых слов выделены шесть тематических кластеров в области изучения аутизма. Проанализирована практика перекрестного цитирования, которая позволяет говорить о схизисе – существенном разрыве между экспериментальными и прикладными исследованиями аутизма в рамках анализа поведения.

Ключевые слова: аутизм, расстройства аутистического спектра, бихевиоризм, анализ поведения, библиометрический анализ, экспериментальная наука, прикладная наука.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-013-00925).

Фёдоров А. А. Публикации по аутизму в журналах прикладного (*JABA*) и экспериментального (*JEAB*) анализа поведения: библиометрический анализ (1958–2017) // *Reflexio*. 2018. Т. 11, № 2. С. 25–42.

Введение

Согласно данным, приведенным в отчете STM¹ за 2015 г., ежегодно публикуется более 2,5 млн научных статей, и это число каждый год увеличивается примерно на 3 % [Ware, Mabe, 2015]. Эта тенденция делает все более актуальными аналитические обзоры, позволяющие структурированно представить публикации в конкретной области знаний. Одним из наиболее эффективных методов построения таких обзоров является библиометрический анализ, дающий возможность на основе количественных данных построить «карту» той или иной области научных исследований. В данной статье при помощи библиометрического анализа изучены публикации, посвященные аутизму, опубликованные в ведущих бихевиористских журналах – «Журнале экспериментального анализа поведения» («*Journal of the Experimental Analysis of Behavior*», JEAB) и «Журнале прикладного анализа поведения» («*Journal of Applied Behavior Analysis*», JABA). Следует отметить, что подобного рода исследования только начинают применяться по отношению к публикациям, посвященным расстройствам аутистического спектра (далее – РАС). Так, в статье 2016 г. авторы прямо указывают, что их исследование является, насколько им известно, первым библиометрическим изучением РАС [Sweileh et al., 2016]. Этот анализ, с одной стороны, имел ограниченный характер, поскольку охватывал период с 2005 по 2014 г., с другой – был глобальным, поскольку включал в себя все статьи, представленные в базе данных Scopus за это время. На основе полученных данных авторы – среди прочего – заключили, что существует линейный рост публикаций, посвященных РАС, а одним из главных фокусов анализа является молекулярная генетика. Фокусом данной статьи являются исследования РАС, проведенные в рамках анализа поведения (АВА), результаты которого, возможно, являются самыми многообещающими на сегодняшний день» [Matson et al., 2012. P. 144]. Как упоминалось выше, настоящее исследование ограничено двумя ведущими

¹ Ассоциация STM – одна из ведущих профессиональных ассоциаций, объединяющая научных издателей из многих стран мира, которые в совокупности контролируют примерно 66 % всех журнальных статей.

ми бихевиористскими журналами – «Журналом экспериментального анализа поведения» и «Журналом прикладного анализа поведения». Согласно рейтингу SCIMago Journal Rank (*SJR*), эти журналы имеют самые высокие импакт-факторы среди журналов в области анализа поведения. Так, импакт-фактор *JEAB* на 2016 г. равен 0,941, а *JABA* – 0,587. Третьим по этому показателю является журнал «*Behavior Analyst*» с импакт-фактором 0,376. Таким образом, анализ публикаций в *JEAB* и *JABA*, которые являются не только самыми рейтинговыми, но также самыми престижными журналами в области соответственно экспериментального и прикладного анализа поведения [Handbook of Applied..., 2000], способен дать адекватную картину исследований РАС в рамках бихевиористского подхода.

Методы и база исследования

Данные исследования извлекались из базы данных Scopus, которая была выбрана после тщательного сопоставления с базой Web of Science. Следует отметить, что ни одна из этих баз не может претендовать на безупречное представление публикаций, входящих в сферу данного исследования. Так, например, некоторые статьи, посвященные аутизму, включены в Web of Science Core Collection без аннотаций и ключевых слов и, следовательно, могут быть пропущены при составлении информационной базы, если в их названии отсутствует прямое указание на РАС². При этом база Scopus также не свободна от неточностей³. В целом, в контексте данной статьи база Scopus обладает следующими преимуществами. Во-первых, она охватывает весь период существования обоих журналов – с 1958 для *JEAB* и с 1968 для *JABA*. Глубина архива Web of Science Core Collection в доступной редакции – 1970 г. Во-вторых, при поиске статей в Web of Science помимо ключевых слов используется поле *Keyword Plus*, которое составляется при помощи специального компьютерного алгоритма, анализирующего списки источников, процитированных в статье. Эти «ключевые слова плюс» могут включать в себя термины, не входящие в перечень авторских ключевых слов, а также не встречающихся в названии

² В качестве примера можно указать на статью «Suppression of self-stimulation: three alternative strategies» [Harris, Wolchik, 1979], в которой в качестве испытуемых выступают 4 мальчика с аутистически подобным поведением.

³ Так, например, в ней вообще не проиндексирована статья «Relationship of self-stimulation to learning in autistic children» [Koegel, Covert, 1972].

или аннотации статьи. Репрезентативность этого параметра остается дискуссионной, и, следовательно, составление информационной базы на основе Web of Science может приводить к включению в нее нерелевантных статей⁴.

В качестве терминов, на основе которых проводился поиск, использовались слова «autism», «autistic», «Asperger syndrome», «pervasive developmental disorder» с логическим оператором «OR». В качестве поля поиска использовалось поле «Article title, Abstract, Keywords», означающее, что вышеперечисленные термины идентифицируются в названии, аннотации и / или ключевых словах. Временной интервал был установлен с 1958 по 2017 г. Также в поле «Source title» поиск был ограничен двумя источниками – «Journal of the Experimental Analysis of Behavior» («Журнал экспериментального анализа поведения») и «Journal of Applied Behavior Analysis» («Журнал прикладного анализа поведения»). При первоначальном составлении информационной базы исследования поиск проводился по всем типам документов. Всего было идентифицировано 597 документов, удовлетворяющих условиям поиска, из них 584 – научные статьи. Оставшиеся 13 документов представляют собой научные обзоры, поэтому они также учитывались при проведении дальнейшего исследования.

Для анализа и визуализации полученных результатов использовалась свободно распространяемая программа VOSviewer, версия 1.6.7 [Eck van, Waltman, 2010]. Она позволяет строить библиометрические карты, основываясь на анализе частоты совместной встречаемости ключевых слов, совместного цитирования и др. параметров. В частности, с помощью VOSviewer мы строили понятийные карты, основанные на частоте совместной встречаемости каждой пары терминов. В такого рода картах расстояние между парой терминов является показателем их связи. Также при визуализации используется цветовое обозначение, и термины одного цвета (входящие в один кластер), чаще встречаются совместно друг с другом (т. е. теснее связаны), чем термины, помеченные другими цветами. В целом, как указывают разработчики программы, метод визуализации сходств, лежащий

⁴ Например, при поиске по ключевому слову «autism» в список результатов попадает статья «Reinforcer frequency and restricted stimulus control» [Dube, McIlvane, 1997], в которой изучаются испытуемые с умственной отсталостью, а в тексте аутизм вообще не упоминается (но ссылки на исследования в области аутизма содержатся в списке литературы, в силу чего термин «аутизм» был включен на основе алгоритма в список *Keyword Plus*).

в ее основе, позволяет создавать более структурированные карты, чем многомерное шкалирование, также являющееся популярным методом библиометрического анализа [Eck van, Waltman, 2010].

Результаты и обсуждение

Временные тренды. Как показано на рис. 1, можно отметить устойчивый временной тренд роста числа публикаций, посвященных аутизму. Существенно, что он связан исключительно с «Журналом прикладного анализа поведения». За все время существования «Журнала экспериментального анализа поведения» (т. е. с 1958 по 2017 г.) в нем было опубликовано всего 11 публикаций, посвященных аутизму, при этом максимальное количество ежегодных публикаций не превышало 2. Большая часть публикаций (8 из 11) приходится на 2007–2017 г. Таким образом, 98 % исследований аутизма в рамках бихевиористской парадигмы (586 из 597) относится к прикладному анализу поведения. Распределение публикаций по пятилетиям приведено в табл. 1.

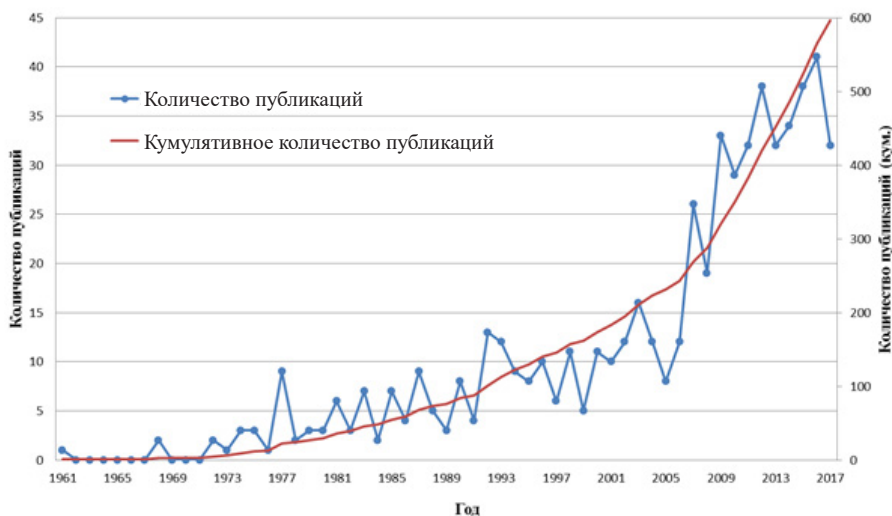

Рис. 1. Динамика количества публикаций, посвященных аутизму, в JABA и JEAB (1958–2017 гг.)

Таблица 1

Распределение публикаций в *JABA* и *JEAB* (1958–2017 гг.) *

Годы	Количество статей по аутизму		Общее количество статей		% статей по аутизму	
	<i>JABA</i>	<i>JEAB</i>	<i>JABA</i>	<i>JEAB</i>	<i>JABA</i>	<i>JEAB</i>
1958–1962	Не выходил	1	Не выходил	301	Не выходил	0,3
1963–1967	Не выходил	0	Не выходил	503	Не выходил	0
1968–1972	4	0	219	533	1,8	0
1973–1977	17	0	369	476	4,6	0
1978–1982	17	0	285	364	6	0
1983–1987	29	0	215	337	13,5	0
1988–1992	31	2	255	317	12,2	0,6
1993–1997	45	0	317	293	14,2	0
1998–2002	49	0	304	246	16,1	0
2003–2007	72	2	308	234	23,4	0,9
2008–2012	149	2	432	241	34,5	0,8
2013–2017	173	4	396	266	43,7	1,5
Общее кол-во	586	11	3100	4111		

* При подсчете числа публикаций учитывались только научные статьи и обзоры. Общее количество публикаций, включая заметки, списки опечаток, редакционные статьи и пр., составило 7 423.

Как видно из приведенных данных (см. табл. 1), наблюдается рост не только абсолютного количества публикаций по аутизму, но также (при этом более впечатляющий) и их относительного числа, особенно в последние 15 лет. Так, за 2013–2017 гг. процент публикаций, связанных с изучением РАС, составил в *JABA* почти 44 %⁵. Более того, медленно растет также доля подобных публикаций в *JEAB*: если до начала 2000-х гг. она колебалась в районе 0 %, то за 2013–2017 гг. выросла до 1,5 %.

Еще одним интересным *общим* трендом является смена лидера: если до 1992 г. большинство статей выходило в области фундаментальной науки, т. е. экспериментального анализа поведения (*JEAB*), то с 1993 г. начинают преобладать статьи в сфере прикладной науки (*JABA*).

Понятийная карта. Учитывая, что подавляющее количество статей, вошедших в базу исследования, было опубликовано в «Журнале прикладного анализа поведения», понятийная карта составлялась только для этого издания. Для анализа и визуализации терминов использовалась программа VOSviewer. Подсчитывалась частота совместной встречаемости авторских ключевых слов с порогом вхождения, равным 7. Были исключены понятия, имеющие общее значение, а также обозначающие непосредственно расстройства аутистического спектра (общий список исключенных слов: *autism, autistic children, developmental disabilities, autism spectrum disorder, children, Asperger syndrome, autism spectrum disorders*), поскольку само составление информационной базы исследования очерчивает предметную область. Формы слов в единственном и множественном числе рассматривались как одно слово (например, *mand* и *mands*). Также в качестве синонимов рассматривались такие понятия, как *discrete-trial instruction, discrete-trial training* и *discrete-trial teaching*. Итоговым критериям соответствует 50 слов из 978.

На рис. 2 приведена визуализация полученной понятийной сети. Размер круга отражает частоту встречаемости термина, т. е. чем больше его площадь, тем чаще встречается это слово или словосочетание в общем списке авторских ключевых слов. Расстояние между терминами является мерой их связи: чем оно меньше, тем сильнее связь, при этом сама связь определяется частотой совместной встречаемости терминов. Цвета, как уже указывалось, используются для обозначения кластеров.

⁵ Как шутливо (и, нужно отметить, недовольно) заметил один из бихевиористов-экспериментаторов в разговоре с автором статьи: «Похоже, бихевиоризм скоро станет синонимом аутизма».

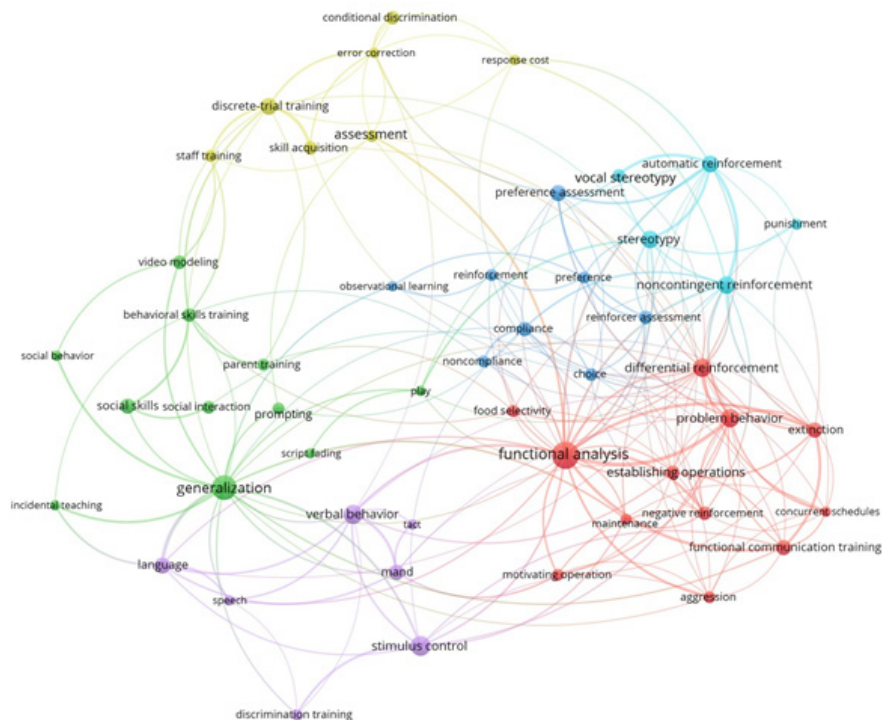

Рис. 2. Понятийная карта ключевых слов публикаций, посвященных аутизму, в *JABA* (1968–2017 гг.)

Понятийная карта показывает, что термины образуют сложную сеть, в которой можно выделить 6 тематических кластеров. Первый (отмечен красным цветом) связан с *функциональным анализом поведения* в контексте изучения различных типов подкрепления (дифференциального, отрицательного, неконтингентного и пр.), а также поддержания и угасания определенных форм поведения. Второй кластер (голубой цвет) тесно связан с первым и фокусируется вокруг понятия «*стереотипии*». При этом отдельно изучается вокальный класс стереотипного поведения, процедуры, способные снизить стереотипии, а также возможности использования стереотипий как подкрепления. Центральные темы третьего кластера (синий цвет) – *оценка предпочтений* и *послушание / непослушание* (compliance / noncompliance). Четвертый кластер (зеленый цвет) связан с изучением *социальных навыков* (игра, взаимодействие с родителями, социальное взаимодействие), обучение поведенческим навыкам, использование видеомоде-

лирования и пр.). При этом фундаментальным теоретическим понятием здесь выступает *генерализация*. Пятый кластер (фиолетовый цвет) фокусируется вокруг проблемы *вербального поведения* (различные его классы – такты, манды и пр.). Наряду с вербальным поведением центральным для него понятием также является «*стимульный контроль*». Шестой кластер (желтый цвет) касается проблемы *усвоения навыков* в основном *обучением методом дискретных проб* (также включая процедуры дискриминации, исправления ошибок и пр.).

Анализ авторов и их взаимодействия. Вошедшие в информационную базу исследования 597 статей были написаны 1 065 авторами, из них 1 048 являются авторами статей, опубликованных в *JABA*, а 31 – авторами статей, опубликованных в *JEAB*. Таким образом, только 14 чел. (1,3 %) имеют публикации в обоих журналах, при этом ни у одного из авторов нет больше одной статьи в *JEAB*. Большая часть авторов имеет не больше одной статьи (67,3 %), при этом только у 7,6 % авторов больше 5 статей. В табл. 2 приведены наиболее продуктивные авторы, изучающие аутизм в рамках анализа поведения.

Таблица 2

Пять наиболее продуктивных авторов, изучающих аутизм
в рамках анализа поведения

Ранг	Автор	Страна	Количество публикаций (N)	Количество цитирований (C)	C/N	Индекс Хирша
1	Fisher W. W.	США	36	841	23,36	39
2	Kodak T	США	30	288	9,60	13
3	Lerman D. C.	США	23	329	14,30	26
4	Ahearn W. H.	США	18	442	24,56	17
5	Koegel R. L.	США	17	1 590	93,53	47

Среди пяти наиболее продуктивных авторов только W. W. Fisher имеет публикации в обоих журналах. При этом, как видно из приведенных данных, наиболее продуктивные авторы не обязательно являются самыми цитируемыми. Так, среди авторов, имеющих не менее 5 публикаций, по количеству цитирований первое место занимает R. L. Koegel, а по соотношению количества цитирований к количеству публикаций (что можно рассматривать как условный показатель эффективности) на первом месте находится E. G. Carr ($N = 6$, $C = 687$, $C/N = 114,5$, $h = 38$).

Взаимодействие авторов анализировалось при помощи программы VOSviewer. С целью получения удобочитаемой сети в качестве порога вхождения выступало минимальное количество в 5 публикаций. Авторы, не связанные с другими, из анализа исключались. Этим критериям соответствуют 72 автора из 1 065, группируемые в 9 кластеров (рис. 3).

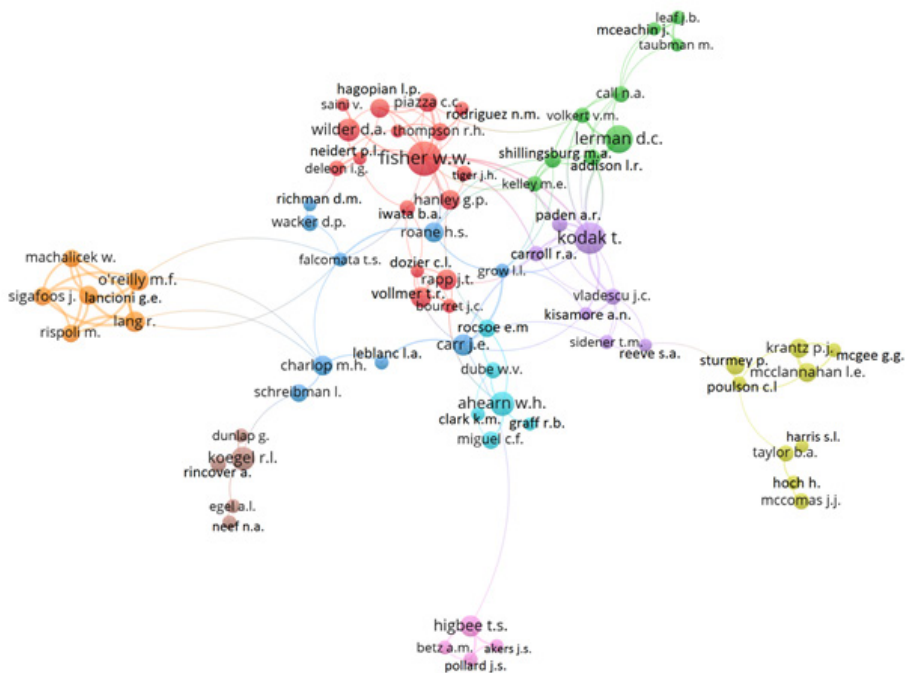

Рис. 3. Карта взаимодействия авторов в публикациях, посвященных аутизму, в *JABA* и *JEAB* (1958–2017 гг.)

Наиболее цитируемая статья из информационной базы исследования принадлежит самым эффективным авторам по критерию C/N ($N = 1$, $C = 266$, $C/N = 266$). Эта статья представляет собой оценочный обзор, посвященный применению системы жетонов, в том числе у детей с РАС [Kazdin, Bootzin, 1972]. Наиболее цитируемая статья, опубликованная после 2000-х гг., посвящена использованию коммуникационной системы обмена изображениями (PECS) с детьми с аутизмом ($C = 245$) [Charlop-Christy et al., 2002].

Анализ цитирования. Для оценки связи между *JEAB* и *JABA* мы провели анализ само- и кросс-цитирования в этих журналах с 1968 по 2017 г. как для всех публикаций, так и в отношении публикаций, посвященных РАС. Период с 1958 по 1967 г. не включался в анализ цитирования, поскольку *JABA* в это время не существовал.

В целом, как видно из табл. 3, процент самоцитирований в *JABA* колеблется от 27,2 до 40,5 %, а в *JEAB* – от 25,1 до 45,1 %. Примечательно, что для этих журналов характерны разнонаправленные временные тренды: если в *JABA* процент самоцитирований возрастает, то в *JEAB* – падает. При этом если сопоставить эти данные с данными, приведенными в табл. 1, видно, что процент самоцитирований коварирует с общим количеством статей: чем больше публикуется в журнале статей, тем выше уровень самоцитирований ($\rho = 0,72$ для *JABA*; $\rho = 0,85$ для *JEAB*; $p < 0,05$).

Уровень кросс-цитирования в этих журналах существенно различается. В среднем, 4,5 % всех цитирований в *JABA* приходится на публикации из *JEAB* (2 место), доходя в отдельные периоды (1993–1997) до 7,8 %. Процент кросс-цитирований для *JEAB* существенно меньше: в среднем, доля цитирований публикаций из *JABA* составляет в нем только 0,9 % (14 место), но при этом наблюдается восходящий тренд: в последние два десятилетия доля цитирований публикаций из *JABA* составила 2 и 2,3 % соответственно.

Наши данные совпадают с результатами, которые приводят другие авторы [Poling et al., 1981; Poling et al., 1994; Elliott et al., 2005]. Анализируя самоцитирование и кросс-цитирование в *JABA* и *JEAB* за 1993–2003 гг., Эллиотт с соавторами [Elliott et al., 2005] указывают, что рост доли цитирований публикаций из *JEAB* в *JABA* связан с направленными усилиями редакции журнала на интеграцию прикладной и фундаментальной областей анализа поведения. При этом в исследуемый период доля публикаций из *JABA* в *JEAB* оставалась прежней, причина чего виделась в том, что редакционная политика

Таблица 3

Самоцитирование и кросс-цитирование в *JABA* и *JEAB*
(1968–2017 гг.) *

Годы	Все статьи						Статьи по аутизму					
	<i>JABA</i>			<i>JEAB</i>			<i>JABA</i>			<i>JEAB</i>		
	<i>JABA</i> %	<i>JEAB</i> %	Место <i>JEAB</i>	<i>JEAB</i> %	<i>JABA</i> %	Место <i>JABA</i>	<i>JABA</i> %	<i>JEAB</i> %	Место <i>JEAB</i>	<i>JEAB</i> %	<i>JABA</i> %	Место <i>JABA</i>
1968– 1972	27,2	5,8	2	44,0	0,1	62	19,0	2,0	10			
1973– 1977	30,2	2,5	3	45,1	0,2	37	27,2	6,9	3			
1978– 1982	22,9	0,7	15	44,9	0,3	31	23,9	0,5	45			
1983– 1987	24,1	2,3	4	39,7	0,6	19	25,0	0,5	27			
1988– 1992	24,1	2,7	2	38,0	0,8	16	33,6	1,4	8			
1993– 1997	28,6	7,8	2	32,8	0,5	25	32,3	8,5	2			
1998– 2002	39,8	7,0	2	35,7	0,6	18	45,8	7,3	2			
2003– 2007	40,1	6,8	2	31,6	0,9	9	45,3	6,5	2			
2008– 2012	40,5	4,8	2	30,2	2,0	5	46,6	4,4	2			
2013– 2017	38,0	4,9	2	25,1	2,3	4	40,2	4,1	2			
Всего	32,3	4,5	2	36,1	0,9	14	38,6	4,4	2	22,7	13,4	2

* Учитывая малое количество публикаций по аутизму в *JEAB*, для них самоцитирование и кросс-цитирование по пятилетиям не анализировалось.

этого журнала оставалась неизменной. Можно указать на то, что наблюдаемый в последнее десятилетие двукратный рост доли публикаций из *JABA* в *JEAB* дает основания надеяться, что редакторы *JEAB* также стали предпринимать усилия в направлении интеграции фундаментальной и прикладной науки, и, следовательно, можно ожидать дальнейшего увеличения цитирований из *JABA*. Тем не менее общее наблюдение, которое Полинг с соавторами [Poling et al., 1981] сделали более трех десятилетий назад, остается справедливым: между фундаментальной и прикладной областями анализа поведения существует до сих пор не преодоленный схизис.

Анализ доли самоцитирований и кросс-цитирований в *JABA* для статей, связанных с изучением аутизма, показывает, что они практически не отличаются от общих тенденций: средний процент самоцитирований составляет 38,6 %, средний процент кросс-цитирований статей из *JEAB* – 4,4 %. На рис. 4 приведена карта ко-цитирований, полученная при помощи программы VOSviewer для статей по аутизму, опубликованных в *JABA*. В качестве порога вхождения выступало минимальное количество в 50 цитирований, чему соответствует 25 источников.

Совершенно иная картина складывается при анализе статей по аутизму, опубликованных в *JEAB*: для них процент самоцитирований составляет 22,7 %, а процент кросс-цитирований статей из *JABA* – 13,4 %. Иными словами, доля самоцитирований ниже, доля кросс-цитирований существенно выше, чем для общего количества публикаций. Интересно, что если в общем *JABA* занимает 14-е место в списке журналов, на которые приходится цитирование в *JEAB* (впереди находятся такие журналы, как «*Journal of Experimental Psychology: Animal Behavior Processes*», «*Psychological Review*», «*Journal of Comparative and Physiological Psychology*», «*Science*», «*Animal Learning & Behavior*», «*Journal of Experimental Psychology*» и др.), то в статьях, посвященных аутизму, *JABA* поднимается до 2-го места. Таким образом, хотя количество статей, посвященных аутизму и опубликованных в *JEAB*, крайне незначительно, можно отметить, что в них гораздо больше внимания уделяется результатам, полученным в прикладных исследованиях.

Таким образом, можно утверждать, что в рамках анализа поведения изучение аутизма сосредоточено в прикладной области, при этом наблюдается устойчивый рост количества публикаций, посвященных РАС, доля которых в 2013–2017 гг. составила почти 44 %. Нами выделены шесть основных кластеров, в которых сосредоточены иссле-

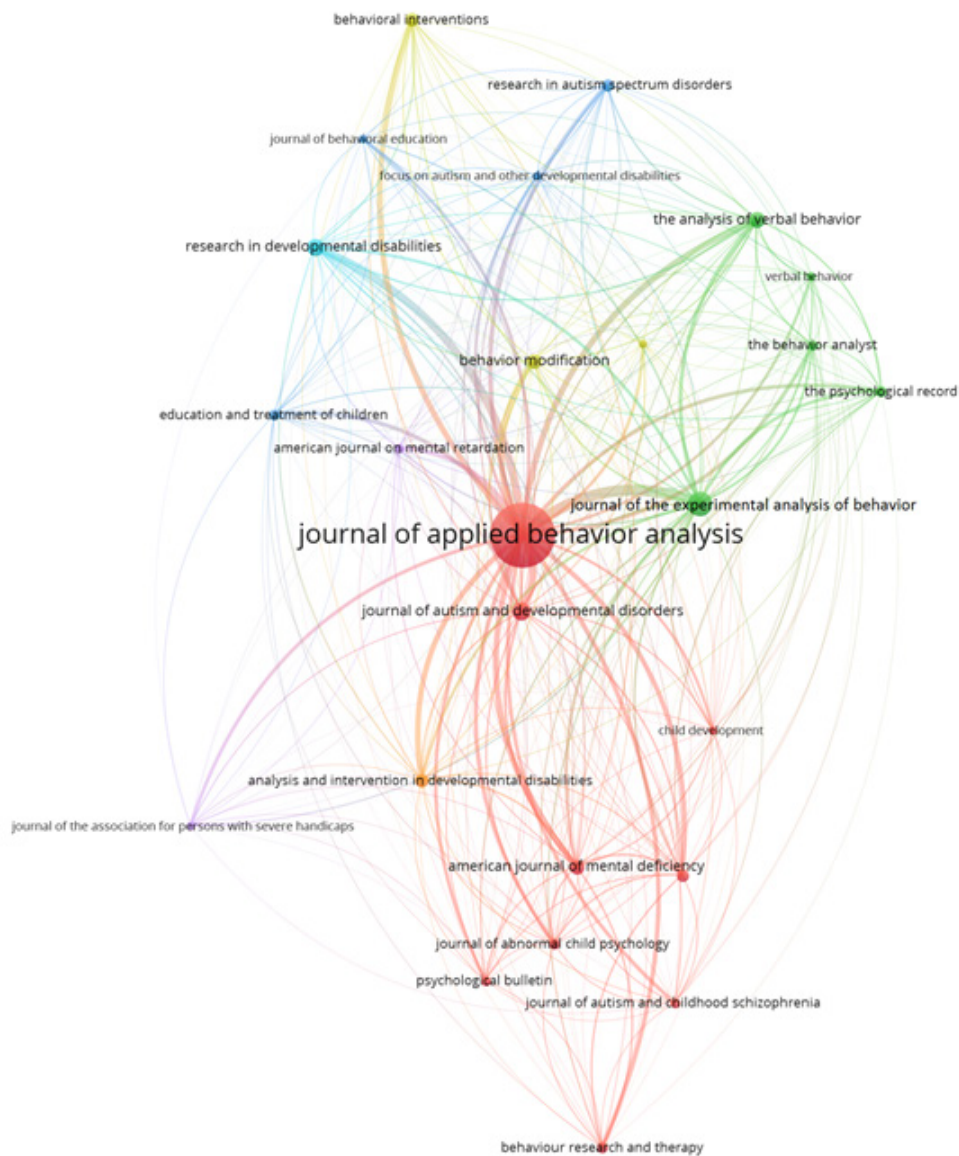

Рис. 4. Карта ко-цитирований в публикациях, посвященных аутизму, в *JABA* (1968–2017 гг.)

дования в этой сфере. При этом как в работах, касающихся аутизма, так и в анализе поведения в целом, существует схизис между прикладными и фундаментальными работами. Возможно, как отмечали

Полинг с соавторами [Poling et al., 1981], это связано с тем, что экспериментаторы до сих пор не смогли (и / или не захотели) убедительно продемонстрировать, что их работы действительно полезны для прикладного анализа поведения. Вероятно, можно согласиться с тем, что этот разрыв не является особой причиной для беспокойства, тем не менее мысль о том, что фундаментальное изучение природы РАС с позиций экспериментального анализа поведения способно продвинуть прикладные работы в этой области, является весьма интригующей.

Список литературы

Charlop-Christy M. H., Carpenter M., Le L., LeBlanc L. A., Kellet K. Using the picture exchange communication system (PECS) with children with autism: assessment of PECS acquisition, speech, social-communicative behavior, and problem behavior // *Journal of Applied Behavior Analysis*. 2002. Vol. 35 (3). P. 213–231.

Dube W. V., McIlvane W. J. Reinforcer frequency and restricted stimulus control // *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*. 1997. Vol. 68 (3). P. 303–316.

Elliott A. J., Morgan K., Wayne Fuqua R., Ehrhardt K., Poling A. Self- and cross-citations in the *Journal of Applied Behavior Analysis* and the *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*: 1993–2003 // *Journal of Applied Behavior Analysis*. 2005. Vol. 38 (4). P. 559–563.

Handbook of applied behavior analysis / Eds. J. Austin, J. Carr. Context Press, 2000.

Harris S., Wolchik S. Suppression of self-stimulation: three alternative strategies // *Journal of Applied Behavior Analysis*. 1979. Vol. 12 (2). P. 185–198.

Kazdin A. E., Bootzin R. R. The token economy: an evaluative review // *Journal of Applied Behavior Analysis*. 1972. Vol. 5 (3). P. 343–372.

Koegel R., Covert A. Relationship of self-stimulation to learning in autistic children // *Journal of Applied Behavior Analysis*. 1972. Vol. 5 (4). P. 381–387.

Matson J. L., Turygin N. C., Beighley J., Rieske R., Tureck K., Matson M. L. Applied behavior analysis in Autism Spectrum Disorders: Recent developments, strengths, and pitfalls // *Research in Autism Spectrum Disorders*. 2012. Vol. 6 (1). P. 144–150.

Poling A., Alling K., Fuqua R. W. The schism between experimental and applied behavior analysis: Is it real and who cares? // *The Behavior Analyst*. 1981. Vol. 4 (2). P. 93–102.

Poling A., Alling K., Fuqua R. W. Self- and cross-citations in the *Journal of Applied Behavior Analysis* and the *Journal of the Experimental Analysis of Behavior: 1983–1992* // *Journal of Applied Behavior Analysis*. 1994. Vol. 27 (4). P. 729–731.

Sweileh W. M., Al-Jabi S. W., Sawalha A. F., Zyoud S. H. Bibliometric profile of the global scientific research on autism spectrum disorders // *SpringerPlus*. 2016. Vol. 5 (1).

van Eck N. J., Waltman L. Software survey: VOSviewer, a computer program for bibliometric mapping // *Scientometrics*. 2010. Vol. 84 (2). P. 523–538.

Ware M., Mabe M. The STM Report: An overview of scientific and scholarly journal publishing, 2015. URL: http://www.stm-assoc.org/2015_02_20_STM_Report_2015.pdf

Материал поступил в редколлегию 10.04.2018

A. A. Fedorov

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

fedleks@yandex.ru

**PUBLISHING ABOUT AUTISM SPECTRUM DISORDER
IN THE *JOURNAL OF APPLIED BEHAVIOR ANALYSIS*
AND THE *JOURNAL OF THE
EXPERIMENTAL ANALYSIS OF BEHAVIOR*:
BIBLIOMETRIC ANALYSIS (1958–2017)**

The article analyzes publications about autism in the leading behavioristic journals – the «*Journal of Applied Behavior Analysis*» (*JABA*) and the «*Journal of the Experimental Analysis of Behavior*» (*JEAB*). In total, 7211 publications published between 1958 and 2017 were identified in Scopus. 597 of them contains terms (in the title, the abstract and/or in the author’s key words) which were used as search topic:

«autism», «autistic», «Asperger syndrome» and «pervasive developmental disorder». It was shown that the vast majority of articles concerning autism are published in «Journal of Applied Behavior Analysis» (98 %). The dynamics of publications including cumulative curves is explored. Six thematic clusters in the field of studying autism are highlighted by constructing the terms map based on keyword analysis. The practice of co-citation is analyzed. The results would suggest that there is the essential schism between experimental and applied research of autism within the framework of behavior analysis.

Keywords: autism, autism spectrum disorder, behaviorism, behavior analysis, bibliometric analysis, experimental science, applied science.

References

Austin, J., Carr, J. (eds.). (2000). *Handbook of Applied Behavior Analysis*. Context Press.

Charlop-Christy, M. H., Carpenter, M., Le, L., LeBlanc, L. A., Kellet, K. (2002). Using the picture exchange communication system (PECS) with children with autism: assessment of PECS acquisition, speech, social-communicative behavior, and problem behavior. *Journal of Applied Behavior Analysis*, 35 (3), 213–231. <https://doi.org/10.1901/jaba.2002.35-213>

Dube, W. V., McIlvane, W. J. (1997). Reinforcer frequency and restricted stimulus control. *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*, 68 (3), 303–316. <https://doi.org/10.1901/jeab.1997.68-303>

Elliott, A. J., Morgan, K., Wayne Fuqua, R., Ehrhardt, K., Poling, A. (2005). Self- and Cross-Citations in the Journal of Applied Behavior Analysis and the Journal of the Experimental Analysis of Behavior: 1993–2003. *Journal of Applied Behavior Analysis*, 38 (4), 559–563. <https://doi.org/10.1901/jaba.2005.133-04>

Harris, S., Wolchik, S. (1979). Suppression of self-stimulation: three alternative strategies. *Journal of Applied Behavior Analysis*, 12 (2), 185–198. <https://doi.org/10.1901/jaba.1979.12-185>

Kazdin, A. E., Bootzin, R. R. (1972). The token economy: an evaluative review. *Journal of Applied Behavior Analysis*, 5 (3), 343–372. <https://doi.org/10.1901/jaba.1972.5-343>

Koegel, R., Covert, A. (1972). Relationship of self-stimulation to learning in autistic children. *Journal of Applied Behavior Analysis*, 5 (4), 381–387. <https://doi.org/10.1901/jaba.1972.5-381>

Matson, J. L., Turygin, N. C., Beighley, J., Rieske, R., Tureck, K., Matson, M. L. (2012). Applied behavior analysis in Autism Spectrum Disorders: Recent developments, strengths, and pitfalls. *Research in Autism Spectrum Disorders*, 6 (1), 144–150. <https://doi.org/10.1016/j.rasd.2011.03.014>

Poling, A., Alling, K., Fuqua, R. W. (1994). Self- and cross-citations in the Journal of Applied Behavior Analysis and the Journal of the Experimental Analysis of Behavior: 1983–1992. *Journal of Applied Behavior Analysis*, 27 (4), 729–731. <https://doi.org/10.1901/jaba.1994.27-729>

Poling, A., Picker, M., Grossett, D., Hall-Johnson, E., Holbrook, M. (1981). The schism between experimental and applied behavior analysis: Is it real and who cares? *The Behavior Analyst*, 4 (2), 93–102.

Sweileh, W. M., Al-Jabi, S. W., Sawalha, A. F., & Zyoud, S. H. (2016). Bibliometric profile of the global scientific research on autism spectrum disorders. *SpringerPlus*, 5(1). <https://doi.org/10.1186/s40064-016-3165-6>

van Eck, N. J., Waltman, L. (2010). Software survey: VOSviewer, a computer program for bibliometric mapping. *Scientometrics*, 84 (2), 523–538. <https://doi.org/10.1007/s11192-009-0146-3>

Ware, M., Mabe, M. (2015). The STM Report: An overview of scientific and scholarly journal publishing. Retrieved from http://www.stm-assoc.org/2015_02_20_STM_Report_2015.pdf

УДК 159.9

Е. А. Дорошева, У. С. Грабельникова, С. Г. Колупаева

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

Elena.dorosheva@mail.ru, unamela@mail.ru, sofiafaylvalent@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ СТРЕССОВЫХ
ФАКТОРОВ И СОВЛАДАНИЯ С НИМИ У МАТЕРЕЙ,
ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ С РАССТРОЙСТВАМИ
АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА ***

У матерей, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра, исследовались особенности субъективной оценки уровня стресса, взаимосвязь ее с тревожностью, особенности совладающего со стрессом поведения и регуляции эмоций. В исследовании участвовали две группы матерей детей с РАС, включающие 13 и 27 чел., и две группы матерей, воспитывающих условно здоровых детей (12 и 26 чел.). Показано, что матери, воспитывающие детей с РАС, склонны оценивать стрессогенность событий жизни выше, чем матери, воспитывающие условно здоровых детей. Повышение субъективной оценки стресса для них прямо связано с увеличением тревожности в целом и ее компонентов. Матери детей с РАС с формирующимся / сформированным синдромом эмоционального выгорания в большей степени, чем матери без отсутствия признаков эмоционального выгорания, склонны прибегать к стратегиям избегания стрессовых ситуаций (антиципирующее избегание, избегание внутри ситуации, уход в когнитивный анализ, уход от социальных взаимодействий).

Ключевые слова: расстройства аутистического спектра, матери детей с РАС, родительский стресс, эмоциональное выгорание, совладающее поведение, эмоциональная регуляция.

Проблема комплексного сопровождения семей, в которых воспитываются дети с расстройствами аутистического спектра (далее – РАС),

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-013-00925).

Дорошева Е. А., Грабельникова У. С., Колупаева С. Г. Особенности восприятия стрессовых факторов и совладания с ними у матерей, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра // Reflexio. 2018. Т. 11, № 2. С. 43–62.

Reflexio. 2018. Том 11, № 2

© Е. А. Дорошева, У. С. Грабельникова, С. Г. Колупаева, 2018

становится все более актуальной в связи с возрастанием диагностированных случаев РАС. Тяжесть протекания этой группы расстройств, резко выраженное поражение сферы социальных взаимодействий, что существенно усложняет коммуникацию, создают огромную нагрузку для родителей, воспитывающих детей с РАС. В то же время большинство программ абилитации предполагают постоянное участие родителей – это постоянное формирование и поддержание поведенческих навыков детей, вовлечение ребенка в контакт и создание условий, мотивирующих его на развитие, и т. д. Показано, что в случаях, когда родители чувствительны к потребностям ребенка, а также задумываются о чувствах, причинах конкретных действий ребенка, рассматривают его поведение не через призму его диагноза, но обращаясь к его индивидуальности, личности, социальная адаптация ребенка протекает существенно более благоприятно [Oppenheim et al., 2009; Koren-Karie et al., 2009]. В то же время воздействие неблагоприятных факторов может провоцировать эмоциональное выгорание матерей, которое, сформировавшись, неизбежно ведет к снижению качества взаимодействия с ребенком [Базалева, 2010]. Все чаще высказываются идеи о том, что модулирующие эффекты факторов родительского стресса должны учитываться при обучении родителей специальным технологиям взаимодействия с детьми, страдающими РАС [Levato et al., 2018].

Благополучие самих родителей также является важной проблемой. Развитие РАС у ребенка приводит к возникновению большого числа трудностей: это снижение материального благополучия, уменьшение свободного времени «на себя», усложнение взаимоотношений с окружающими людьми, вплоть до социальной эксклюзии семьи, изменения самооценки и т. д. В большей степени возникающие сложности касаются матерей, которые постоянно находятся в контакте с детьми [Никольская и др., 2005]. Очевидно, что наличие в семье ребенка с особыми потребностями является таким постоянно действующим источником стресса. Однако конкретные эмпирические данные об уровне стресса у родителей детей с РАС оказываются довольно противоречивы. Многие авторы приходят к выводу, что в силу тяжелого протекания РАС, избирательного поражения коммуникативной сферы уровень стресса родителей, воспитывающих детей с РАС, выше, чем у родителей, чьи дети имеют другие нарушения развития, например, умственную отсталость; но в части исследований такая специфика не отмечается [Brei, 2014]. Неоднозначные данные получены и по проблеме ассоциации тяжести симптомов РАС (суще-

ственно варьирующей у разных детей) и уровня стресса у родителей, однако достаточно ясно показано, что личностные качества самих родителей существенно влияют на их переживание стресса [Brei, 2014; Falk et al., 2014].

В зарубежной научной литературе все чаще обращаются к понятию «кумулятивного (совокупного) стресса» (cumulative stress) – стрессового напряжения, которое возникает в результате суммарного воздействия многих стрессовых факторов [Kuh et al., 2003]. Согласно этому подходу, именно накопление влияний стрессовых факторов определяет реактивность на текущие неблагоприятные воздействия [Seo et al., 2014]. Воспитание ребенка с РАС является фактором, по-видимому, влияющим на то, как родители воспринимают другие проблемы, сложности, на то, насколько они могут их преодолевать. Однако исследований в этой области недостаточно.

Также значительный интерес представляет выявление факторов защиты и риска для формирования негативных состояний, в частности, эмоционального выгорания. Предполагают, что формирование синдрома эмоционального выгорания в значительной степени зависит от эффективности используемых стратегий совладающего поведения [Чутко, Козина, 2014]. Предполагается, что конструктивные стратегии совладания со стрессом в целом являются таковыми и для родителей детей с РАС – к ним относят когнитивные стратегии переоценки ситуации, активный проблемно-ориентированный копинг, открытость новому опыту, готовность искать социальную поддержку [Нестерова и др., 2016]. В то же время специфика совладающего поведения данной группы, связанная с характером стрессовых воздействий, на настоящий момент почти не раскрыта.

Наличие специфических способов регуляции эмоций и стратегий совладающего поведения может предшествовать возникновению ситуации воспитания особого ребенка, предрасполагая в дальнейшем к формированию выраженных стрессовых реакций и эмоционального выгорания либо препятствуя их появлению. Также особенности совладающего поведения и саморегуляции могут возникать в ответ на высокий уровень стресса, обусловленный особенностями заболевания ребенка или общей ситуации в семье. Формирование, в ответ на стресс, тех или иных стратегий совладания может вести к адаптации, или же запускать «замкнутый круг», когда сиюминутная выгода балансировки эмоционального состояния ведет к общей дезадаптации в долговременной перспективе. Изучение целостной картины регуляции внешних и внутренних факторов в стрессовой ситуации

у матерей, воспитывающих детей с РАС, может внести существенный вклад в понимание, какие «точки воздействия» коррекционных программ, направленных на сопровождение таких семей, наиболее перспективны.

Итак, целью данного исследования явилось изучение особенностей реагирования на стресс матерей, воспитывающих детей с РАС.

Решались следующие задачи.

1. Сравнить субъективную оценку стрессогенности событий родителями детей с РАС и родителей условно здоровых детей.

2. Выявить специфику регуляции эмоций и совладающего со стрессом поведения у матерей детей с РАС, имеющих формирующийся и сформированный синдром эмоционального выгорания (далее – СЭВ).

3. Сравнить взаимосвязи эмоционального выгорания и способов совладания со стрессом у матерей детей с РАС и условно здоровых детей.

Материалы и методы исследования

Исследование состояло из двух частей.

1. Изучение реагирования на стресс у матерей детей с РАС. Участвовали 13 матерей детей с РАС (возраст детей – от 3 до 15 лет, средний возраст – 9 лет; возраст матерей от 25 до 55 лет, средний возраст 40 лет) и 12 матерей того же возраста, имеющих условно здоровых детей, также сходного возраста. Респонденты выполняли модифицированную методику оценки уровня стресса Холмса – Раге. Они выбирали из списка событий, предлагаемых авторами методики, те события, которые случились у них на протяжении прошлого года, затем оценивали их стрессогенность по шкале от 0 (совершенно не вызвало стресс) до 100 (вызвало максимально возможный стресс). Подсчитывалась общая оценка воздействия стресса по шкале, предложенной Холмсом и Раге, и субъективная оценка самими матерями. Определялась разность между этими показателями (из субъективной оценки вычиталась стандартная оценка). С помощью критерия Манна – Уитни в группах сравнивали объективную, субъективную оценку уровня стресса и разность этих оценок. Дополнительно респонденты выполняли интегративный тест тревожности. С помощью корреляционного анализа, по Ч. Спирмену, определялась взаимосвязь тревожности в целом и ее компонентов тревожности с показателями стресса, отдельно для респондентов каждой группы.

2. Исследование особенностей регуляции эмоций и совладания со стрессом у матерей детей с РАС, в зависимости от наличия эмоционального выгорания. У 27 матерей детей с РАС (возраст детей – от 2 до 11 лет; возраст матерей – от 26 до 51 лет, средний возраст – 35 лет) была проведена оценка эмоционального выгорания с помощью опросника эмоционального выгорания матерей Л. А. Базалевой. По итогам обследования выборку разделили на две подгруппы – первая включила матерей с формирующимся и уже сформированным СЭВ (соответственно, 9 и 4 чел., всего 13), вторая – матерей без СЭВ (14 чел.).

Дети, матери которых участвовали в первой и второй частях исследования, имеют следующие диагнозы: детский аутизм с умеренной умственной отсталостью, аутизм с синдромом Мартина – Белла, синдром Аспергера, ранний детский аутизм, аутизм с умственной отсталостью и синдромом Вильямса, расстройство аутистического спектра, аутизм с эпилепсией, детский аутизм с тугоухостью, высокофункциональный аутизм с СДВГ, детский аутизм с другими расстройствами поведения.

Подгруппы матерей с формирующимся / сформированным и отсутствующим СЭВ сравнили по выраженности разных способов совладающего со стрессом поведения и стратегий регуляции эмоций. Для выявления копинг-стратегий использовали опросник «Преодоление трудных жизненных ситуаций» В. Янке, Г. Эрдманн, адаптация Н. Е. Водопьяновой, 19 респондентов также заполняли методику диагностики копинг-механизмов Е. Хайма. Для выявления стратегий регуляции эмоций применяли опросник когнитивной регуляции эмоций CERQ Н. Гарнефски и В. Крайг в адаптации О. Л. Писаревой и А. А. Гриценко и опросник родительской регуляции эмоций PERQ Дж. А. Кохен и А. П. Маннарино. Для сравнения показателей в подгруппах использовали U-критерий Манна – Уитни.

Дополнительно в качестве контрольной также формировалась группа матерей, воспитывающих условно здоровых детей. Она подбиралась эквивалентно основной группе по семейному положению, возрасту и полу детей. Дети данной группы – нейротипичные, без серьезных хронических заболеваний. В группу вошли 26 матерей в возрасте от 25 до 45 лет, средний возраст – 34 года. Они выполняли тот же набор методик (за исключением методики диагностики копинг-механизмов Е. Хайма). Поскольку в данной группе не выявлено респондентов со сформированным СЭВ, а формирующийся синдром отмечен лишь у четырех человек, выделить подгруппы «выгоревших» и «не выгоревших» не удалось. Поэтому были подсчитаны

корреляционные связи по Ч. Спирмену общего показателя выгорания со стратегиями совладания со стрессом и регуляции эмоций отдельно для матерей, воспитывающих детей с РАС, и для матерей условно здоровых детей. Корреляционный анализ не дает прямого ответа на вопрос о характеристиках, присущих людям с эмоциональным выгоранием, учитывая то, что СЭВ – номинальный показатель. Кроме того, люди с высоким уровнем эмоционального выгорания могут иметь специфические характеристики, и в этом случае отсутствие высоких показателей эмоционального выгорания в одной из групп может исказить результаты. В то же время использованный способ измерения эмоционального выгорания предполагает получение непрерывно распределенных данных, и корреляционная связь может быть интерпретирована как наличие некоторых тенденций, связанных с риском эмоционального выгорания.

Для выявления особенностей регуляции эмоций у участниц первой части исследования также дополнительно измерялся уровень алекситимии с использованием Торонтской шкалы алекситимии (TAS-26).

Результаты

Особенности реагирования на стресс у матерей детей с РАС. Не выявлено различий между группами матерей, воспитывающих детей с РАС и условно здоровых детей, в уровнях стресса, при оценке стрессогенности событий по стандартной, предложенной авторами методики шкале. В то же время разность стандартных и субъективных баллов стресса оказалась значимо выше в группе матерей, воспитывающих детей с РАС ($U = 27,0, p < 0,01$). Субъективная оценка стресса различается на уровне тенденции ($U = 41,5, p = 0,050$).

Также в группе матерей детей с РАС значимо выше уровень личностной тревожности ($U = 35,5, p < 0,05$) и ее компонента – эмоционального дискомфорта ($U = 37,5, p < 0,05$).

Значимые корреляционные взаимосвязи уровня стресса и различных компонентов тревожности у матерей, воспитывающих детей с РАС, приведены в табл. 1; у матерей, воспитывающих условно здоровых детей, – в табл. 2.

Таким образом, у матерей, воспитывающих детей с РАС, ряд компонентов личностной и ситуативной тревожности прямо связан с «объективным» уровнем стрессовых факторов, субъективно оцениваемым стрессом, а также с разностью этих показателей. Матери условно здоровых детей демонстрируют меньше значимых связей

Таблица 1

Значимые взаимосвязи показателей тревоги и стресса
у матерей детей с РАС, коэффициент корреляции Спирмена
(уровень значимости – 0,05)

Показатель тревожности	Сумма стандартных баллов стресса	Сумма субъективных баллов стресса	Разность субъективных и стандартных баллов стресса
Ситуативная тревожность	0,80	0,80	0,79
Личностная тревожность		0,57	0,61
Эмоциональный дискомфорт (ситуативная тревожность)	0,76	0,66	0,64
Фобический компонент (ситуативная тревожность)	0,70	0,77	0,77
Социальная защита (ситуативная тревожность)		0,62	0,55
Астенический компонент (личностная тревожность)	0,69	0,60	0,56
Фобический компонент (личностная тревожность)	0,59	0,66	0,70

показателей стресса и тревожности; у них не выявлено связей тревожности и стандартных показателей стресса. К сожалению, в связи с небольшим объемом выборки статистическое сравнение величин корреляций неинформативно, что не позволяет сделать обоснованный вывод о различиях связи тревожности и уровня стрессовых факторов у матерей двух групп. Однако полученные нами предварительные результаты обозначают перспективное направление дальнейших исследований.

Таблица 2

Значимые взаимосвязи показателей тревоги и стресса у родителей детей с РАС, коэффициент корреляции Спирмена (уровень значимости – 0,05)

Показатель тревожности	Сумма субъективных баллов стресса	Разность субъективных и стандартных баллов стресса
Ситуативная тревожность	0,81	0,62
Эмоциональный дискомфорт (ситуативная тревожность)	0,73	0,86
Эмоциональный дискомфорт (личностная тревожность)	0,66	0,64
Тревожная оценка перспективы (личностная тревожность)	0,65	0,74

Особенности регуляции эмоций и совладания со стрессом у матерей, воспитывающих детей с РАС, в зависимости от наличия эмоционального выгорания. Группы матерей с формирующимся / сформированным СЭВ и отсутствием признаков эмоционального выгорания выделяли по общему показателю СЭВ, ориентируясь на нормы, предложенные автором использованной методики Л. А. Базалевой (не сложившийся показатель – 101 балл, складывающийся показатель – от 102 до 136, сложившийся показатель – более 136 баллов). Показаны высокозначимые различия выделенных групп по общему уровню эмоционального выгорания ($U = 0,0$, $p < 0,001$), а также по уровню всех фаз СЭВ (напряжение – $U = 5,5$, $p < 0,001$; резистенция – $U = 32,5$, $p < 0,01$; истощение – $U = 15,5$, $p < 0,001$). В первой группе (формирующийся и сформированный СЭВ) показатель выгорания варьировал от 108 до 147 баллов, среднее значение составило $125,8 \pm 13,5$. Во второй группе (без СЭВ) сумма баллов по шкале эмо-

ционального выгорания составила от 38 до 100, среднее значение – $66,1 \pm 19,1$ баллов.

Выявленные различия стратегий эмоциональной регуляции и способов совладания со стрессом приведены в табл. 3.

Таблица 3

Сравнение стратегий эмоциональной регуляции и способов совладающего со стрессом поведения у матерей, воспитывающих детей с РАС, с формирующимся / сформированным и с отсутствующим СЭВ

Показатель	Сумма рангов		U	p
	1 (с формирующимся / сформированным СЭВ)	2 (без СЭВ)		
Способы совладающего поведения				
Беспомощность	168,5	107,5	29,5	0,027
Социальная замкнутость	177,5	98,5	20,5	0,006
Антиципирующее избегание	178,0	98,0	20,0	0,005
Бегство от стрессовой ситуации	167,0	109,0	31,0	0,034
Постоянное возвращение к обдумыванию ситуации («заезженная пластинка»)	176,0	100,0	22,0	0,007
Стратегии эмоциональной регуляции				
Руминации	223,0	155,0	50,0	0,049
Катастрофизация	233,5	144,5	39,5	0,013

Также в группе матерей с формирующимся / сформированным СЭВ выявлены, на уровне тенденции: более выраженное использование контроля над стрессовыми ситуациями ($U = 37,5$, $p = 0,085$);

более высокий уровень использования психоактивных средств, т. е. алкоголя, курения, лекарств, в стрессовых ситуациях ($U = 34,5$, $p = 0,056$); более выраженное избегание контакта с ребенком как способ регуляции эмоций ($U = 52,5$, $p = 0,065$). Позитивная перефокусировка (переключение внимания на более благоприятные аспекты стрессовой ситуации) и поведенческий копинг на уровне тенденции выше, напротив, у матерей без признаков эмоционального выгорания ($U = 52,0$, $p = 0,062$; $U = 37,5$, $p = 0,085$).

Результаты корреляционного анализа общего показателя выгорания со способами совладающего поведения и стратегиями регуляции эмоций приведены в табл. 4. Отображены все показатели, для которых значимые взаимосвязи были выявлены хотя бы в одной из групп.

Таблица 4

Взаимосвязи общего показателя эмоционального выгорания с показателями совладающего поведения и стратегий регуляции эмоций у родителей детей с РАС, коэффициент корреляции Спирмена

Показатель	1. Матери детей с РАС	2. Матери условно здоровых детей
Способы совладающего поведения		
Беспомощность	0,46*	0,27
Самоодобрение	0,09	-0,58**
Поиск социальной поддержки	0,16	-0,61**
Социальная замкнутость	0,77***	0,50*
Бегство от стрессовой ситуации	0,48*	0,44*
«Заезженная пластинка»	0,47*	0,31
Стратегии регуляции эмоций		
Самообвинение	0,21	0,41*
Катастрофизация	0,54*	0,08

Примечание. * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$.

Явно разнонаправленные тенденции в двух группах прослеживаются для копингов «самоодобрение» и «поиск социальной поддержки», обратно связанных с общим показателем СЭВ у матерей условно здоровых детей; а также для стратегии регуляции эмоции «катастрофизация», которая прямо связана с СЭВ у матерей детей с РАС, тогда как в группе матерей нейротипичных детей коэффициент корреляции близок к нулю.

При сравнении числа женщин с алекситимией и с отсутствием / риском алекситимии среди матерей детей с РАС выявлено значимо больше женщин с наличием алекситимии, чем среди матерей, воспитывающих условно здоровых детей ($\chi^2 = 4,4, p = 0,037$). Сравнение показателя алекситимии с помощью *U*-критерия Манна – Уитни не выявило значимых различий групп. Поскольку алекситимия представляет собой диагностический показатель, имеющий «порог», мы считаем, что в данном случае более уместно опираться на сравнение подгрупп, включающих респондентов с наличием / отсутствием признака.

Обсуждение результатов

Выявленная нами разница уровней субъективной оценки стресса в группах матерей, воспитывающих детей РАС и условно здоровых детей, при отсутствии значимых различий в случае стандартной оценки стрессогенных событий указывает на то, что наличие в семье ребенка с РАС оказывает заметное влияние на совокупный стресс матерей. Связь стандартных показателей стресса с разными компонентами тревожности указывает на то, что тревожность возрастает с увеличением числа стрессовых событий в жизни матери, воспитывающей ребенка с РАС. Этот достаточно банальный результат становится интересным при анализе других значимых взаимосвязей – разности между субъективной и стандартной оценками стрессогенности событий последнего года и тревожности. Тревожность в целом и ряд ее компонентов (эмоциональный дискомфорт, связанный с ситуативной тревожностью, ситуативная тревожность в области социальной защищенности, астенический и фобический компоненты личностной тревожности) прямо связаны не только с стандартно оцениваемым уровнем стресса, но и с разрывом между стандартной и субъективной оценкой стресса. Чем выше субъективная «болезненность» стресса для матери ребенка с РАС, тем сильнее ее тревожность. Здесь мы можем предполагать наличие неких переменных, модулирующих связь

объективного воздействия стресса и субъективного его восприятия: они могут быть как внутренними (личностные особенности родителей), так и внешними факторами. Существенное влияние «третьих» факторов на восприятие тяжести стресса еще раз подчеркивает особую уязвимость исследуемой группы.

В то же время у матерей контрольной группы не выявлено значимых взаимосвязей стандартных показателей стресса с тревожностью и ее компонентами. Возможно, это эффект малого размера выборки, но также можно предположить, что колебания уровня стресса в меньшей степени влияют на тревожность матерей, воспитывающих условно здоровых детей, чем матерей детей с РАС. Связи субъективной оценки стресса и компонентов тревожности также выявлены для матерей контрольной группы в меньшей степени. Этот результат интересен, является предварительным и нуждается в дополнительной проверке.

Ранее нами было показано, что уровень эмоционального выгорания значимо выше у матерей, воспитывающих детей с РАС, причем различия достигаются, главным образом, вследствие повышения первой фазы – напряжения [Дорошева, Грабельникова, 2018]. Обращает на себя внимание то, что группы матерей детей с РАС, включающие матерей без признаков СЭВ и с формирующимся / сформированным СЭВ, отличаются друг от друга прежде всего стратегиями преодоления стресса и механизмами регуляции эмоций, которые, согласно литературным данным, снижают адаптацию в долгосрочной перспективе [Aldao et al., 2014; Garnefski, Kraaij, 2006]. При этом между данными группами практически не выявлены различия в адаптивных стратегиях регуляции эмоций и совладающего поведения. Лишь когнитивная перефокусировка (акцентирование внимание на более приятных аспектах ситуаций, вызывающих напряжение) на уровне тенденции выше у матерей без эмоционального выгорания, а контроль ситуации – также на уровне тенденции выше у матерей с эмоциональным выгоранием.

У матерей с формирующимся / сформированным СЭВ выше склонность к «пережевыванию» одних и тех же мыслей – это видно из повышения показателя шкалы «руминации» в методике, измеряющей когнитивные стратегии регуляции эмоций, и из увеличения показателя шкалы «заезженная пластинка», описывающей сходный феномен в опроснике «Преодоление трудных жизненных ситуаций». Оба этих показателя отражают именно размышления в целом, вне зависимости от их аффективной окраски (в использованной нами методике руми-

нации рассматриваются как любые постоянно возникающие мысли). Чтобы выяснить, идет ли речь о руминациях как о неконтролируемом возвращении к отрицательным переживаниям прошлого, нужно проведение дополнительных исследований.

На уровне тенденции у матерей с формирующимся / сформированным СЭВ увеличена и такая стратегия совладания со стрессом, как контроль над ситуацией. Она предполагает анализ проблемных ситуаций, планирование их преодоления и исполнение действий по контролю (т. е. решение проблемы). Контроль как стратегия совладания со стрессом обычно рассматривается как эффективный способ адаптации. Однако в контексте увеличения склонности к анализу ситуаций и с учетом тенденции прямой связи с эмоциональным выгоранием эта стратегия может являться переводом энергии в размышления, уходом от действенных решений.

У матерей с формирующимся / сформированным СЭВ четко прослеживается склонность к избеганию проблемных ситуаций: как в целом, так и на уровне тенденции, во взаимодействии с ребенком. Изменение своего состояния с помощью психоактивных веществ также относится к способам совладания, т. е. к поведению избегания. Выявлено как более высокое избегание уже возникших ситуаций, так и повышение антиципирующего (предвосхищающего) избегания. Нужно отметить, что экономия энергии, происходящая при избегании проблемных ситуаций, в целом свойственна эмоциональному выгоранию, когда ресурса для разрешения сложных ситуаций недостаточно. Весьма возможно, что избегание возникает как составляющая эмоционального выгорания. Но также возможно, что предрасположенность к избегающему поведению повышает вероятность выгорания, в связи с накоплением не решаемых проблем.

Сравнение взаимосвязей СЭВ со стратегиями совладающего поведения и регуляции эмоций позволило описать три разнонаправленные тенденции в группах матерей детей с РАС и нейротипичных детей. Те матери условно здоровых детей, которые в стрессовых ситуациях в большей степени приписывают себе более эффективные действия, лучшее эмоциональное состояние в сравнении с другими, а также матери, более ищущие социальную поддержку, «выгорают» меньше. Не исключено, что данные способы копинг-поведения выступают для них ресурсом, позволяющим справиться со стрессом. Такие связи не выявлены для матерей детей с РАС.

Это может быть связано с тем, что матерям детей с РАС труднее использовать социальную поддержку. Неоднократно констатировались трудности родителей, воспитывающих детей с РАС, связанные с ее получением [Никольская и др., 2005]. Интервьюирование исследованной нами группы также выявило затруднения матерей с поиском поддержки как внутри семьи, так и в широком круге общения [Дорошева, Грабельникова, 2018]. Описанное выше увеличение социальной замкнутости у «выгорающих» матерей, воспитывающих детей с РАС, также указывает на четкую обратную тенденцию: в сложных ситуациях они стремятся «спрятаться» от травмирующих социальных контактов, но не искать сочувствие и помощь у других людей.

Сравнения с другими могут касаться сопоставления себя с родителями здоровых детей, и они работают не в пользу матери «особого» ребенка [Дорошева, Грабельникова, 2018; Никольская и др., 2005]. Таким образом, не исключено, что факторы, специфичные для ситуации воспитания ребенка с РАС, могут влиять на эффективность разных форм копинг-поведения матерей.

Катастрофизация как способ регуляции эмоций имеет прямую связь с уровнем эмоционального выгорания в группе матерей детей с РАС. Катастрофизация предполагает, что человек акцентирует внимание на негативных аспектах сложных ситуаций, ожидает их глобально катастрофических последствий, при этом испытывая положительные эмоции, когда ситуация разрешается благополучно. Также катастрофизация предполагает бездействие перед лицом предполагаемо непреодолимых последствий и тем самым снижает энергетические затраты – нет попыток реального разрешения ситуации. Этот механизм относится к условно неадаптивным способам регуляции эмоций, давая сиюминутный положительный эффект и затрудняя долгосрочную адаптацию (трудные ситуации не разрешаются, человек не приобретает опыт, но запоминает свои глубокие отрицательные переживания). Возможно, матери детей с РАС, испытывающие сильный стресс, обращаются к катастрофизации уже в ситуации эмоционального выгорания. Использование катастрофизации может происходить на том уровне выгорания, которого не достигают матери условно здоровых детей нашей выборки. Катастрофизация позволяет сбросить текущее напряжение, однако не помогает справиться с существующим эмоциональным истощением, т. е. не приводит к уменьшению симптомов выгорания. Это может объяснить разнонаправленный ха-

раक्टर выявленной нами связи катастрофизации и эмоционального выгорания у матерей двух групп.

Обращает на себя внимание увеличение случаев алекситимии среди матерей, воспитывающих детей с РАС. Интерпретировать этот результат можно двояко. С одной стороны, матери, воспитывающие детей с РАС, могут обладать специфическими врожденными чертами, затрудняющими понимание эмоций, т. е. первичной алекситимией, наблюдаемой, собственно, и в случае РАС. (Нужно отметить, что это объяснение приложимо и к выявляемой более высокой субъективной оценке стресса. Низкая стрессоустойчивость может иметь генетическую основу, она присуща людям с РАС.) Но также снижение способности понимать, вербализовать свои и чужие эмоции может быть и способом психологической защиты в тяжелой жизненной ситуации. Отстранение от собственных эмоций, с одной стороны, позволяет локально сохранять равновесие в сложной ситуации, с другой – ведет к нарастанию смутной тревоги, снижению возможности реалистично оценивать проблемные ситуации, ко вторичным трудностям в коммуникации.

Выводы

1. Матери, воспитывающие детей с РАС, склонны оценивать стрессогенность событий жизни выше, чем матери, воспитывающие условно здоровых детей. Повышение субъективной оценки стресса для них прямо связано с увеличением тревожности.

2. Матери детей с РАС с формирующимся / сформированным синдромом эмоционального выгорания в большей степени, чем матери без признаков выгорания, склонны прибегать к стратегиям избегания стрессовых ситуаций. Это предвосхищающее избегание возможных неприятных ситуаций; избегание уже возникших ситуаций; «уход» в размышления о ситуации, ее анализ; на уровне тенденции – использование психоактивных веществ для изменения своего состояния. В данных группах не выявлено различий использования условно адаптивных стратегий совладания со стрессом и регуляции эмоций.

3. Для матерей, воспитывающих детей с РАС и условно здоровых детей, характерны разнонаправленные взаимосвязи эмоционального выгорания со способами совладающего поведения и стратегиями регуляции эмоций. Это может быть связано как с различиями в пред-

ставленных в этих группах уровнях эмоционального выгорания, так и со спецификой ситуации воспитания ребенка с РАС.

4. Исходя из полученных данных, можно предположить, что перспективной мишенью терапевтических воздействий при сопровождении матерей, воспитывающих детей с РАС, является поиск ресурса, который позволит направить усилия на то, чтобы справляться со сложными жизненными ситуациями. Возможно, имеет смысл рекомендовать снижение стратегий когнитивного анализа ситуаций, увеличение возможностей эмоционального отреагирования, безопасного соприкосновения с собственными эмоциями. Выраженное увеличение тревожности при возрастании уровня стресса, тесная связь тревожности и субъективной оценки стресса указывают на необходимость работы с проблемами, провоцирующими тревогу.

Список литературы

Базалева Л. А. Возможности исследования эмоционального выгорания у матерей в психологии личности // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия 3: Педагогика и психология. 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-issledovaniya-emotsionalnogo-vygoraniya-u-materey-v-psihologii-lichnosti> (дата обращения 20.09.2018).

Дорошева Е. А., Грабельникова У. С. Синдром эмоционального выгорания, особенности совладающего поведения и регуляции эмоций у матерей, воспитывающих ребенка с расстройством аутистического спектра // Reflexio. 2018. № 1. С. 5–18.

Нестерова А. А., Айсина Р. М., Сулова Т. Ф. Руководство для родителей ребенка с расстройством аутистического спектра: вопросы самопомощи и социального развития ребенка. М.: РИТМ, 2016.

Никольская О. С., Баенская Е. Р., Либлинг М. М., Костин И. А., Веденина М. Ю., Аршатский А. В., Аршатская О. С. Дети и подростки с аутизмом. Психологическое сопровождение. М.: Теревинф, 2005.

Чутко Л. С., Козина Н. В. Синдром эмоционального выгорания. Клинические и психологические аспекты. М.: МЕДпресс-информ, 2014.

Aldao A., Jazaieri H., Goldin P. R., Gross J. J. Adaptive and maladaptive emotion regulation strategies: Interactive effects during CBT for social anxiety disorder // Journal of Anxiety Disorders. 2014. Vol. 28 (4). P. 382–389.

Brei N. G. Parenting stress in parents of children with autism spectrum symptomatology. A Thesis Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of Science in Psychology. Milwaukee: The University of Wisconsin – Milwaukee, 2014.

Falk N. H., Norris K., Quinn M. G. The factors predicting stress, anxiety and depression in the parents of children with autism // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. 2014. Vol. 44 (12). P. 3185–3203.

Garnefski N., Kraaij V. Relationships between cognitive emotion regulation strategies and depressive symptoms: A comparative study of five specific samples // *Personality and Individual Differences*. 2006. Vol. 40 (8). P. 1659–1669.

Koren-Karie N., Oppenheim D., Dolev S., Yirmiya N. Mothers of securely attached children with autism spectrum disorder are more sensitive than mothers of insecurely attached children // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2009. Vol. 50 (5). P. 643–650.

Kuh D., Ben-Shlomo Y., Lynch J., Hallqvist J., Power C. Life course epidemiology // *Journal of Epidemiology & Community Health*. 2003. Vol. 57 (10). P. 778–783.

Levato L., Harrison B., Smith T., Lecavalier L., Johnson C., Swiezy N., Bearss K., Scahill L. Teaching Parents Behavioral Strategies for Autism Spectrum Disorder (ASD): Effects on Stress, Strain, and Competence // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. 2018. Vol. 48. P. 1031–1040.

Oppenheim D., Koren-Karie N., Dolev S., Yirmiya N. Maternal insightfulness and resolution of the diagnosis are associated with secure attachment in preschoolers with autism spectrum disorders // *Child Development*. 2009. Vol. 80 (2). P. 519–527.

Seo D., Tsou K. A., Ansell E. B., Potenza M. N., Sinha R. Cumulative adversity sensitizes neural response to acute stress: association with health symptoms // *Neuropsychopharmacology*. 2014. Vol. 39 (3). P. 670–680.

E. A. Dorosheva, U. S. Grabelnikova, S. G. Kolupaeva

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

Elena.dorosheva@mail.ru, unamela@mail.ru, sofiafaylvalent@mail.ru

**SPECIFICS OF STRESS FACTOR PERCEPTION
AND COPING WITH THEM IN MOTHERS OF CHILDREN
WITH AUTISM SPECTRUM DISORDERS**

The specifics of the subjective estimation of stress levels, its interactions with anxiety, features of coping with stress and emotion regulation in the mothers of children with autism spectrum disorders (ASD) are considered. The study sample includes two groups of mothers of children with ASD (13 and 27 individuals), and two groups of mothers raising healthy children (12 and 26 individuals). It is shown that mothers bringing up children with ASD tend to rate the stressfulness of life events higher than mothers raising neurotypical children. The increase in the subjective estimation of stress for them is directly related to the anxiety in general and its components. Mothers of children with ASD with an emerging / formed emotional burnout syndrome tend to avoid stressful situations (anticipatory avoidance, avoidance inside a situation, 'escape' in cognitive analysis, avoidance of social interactions) to a greater extent compared to mothers with no signs of emotional burnout. Unlike mothers with neurotypical children, social support and self-approval do not provide protection against emotional burnout to mothers of children with ASD. The reasons for this could be both the specifics of bringing up a child with ASD, often associated with social exclusion and sense of failure, as well as greater severity of burnout syndrome.

Keywords: autism spectrum disorders (ASD), mothers of children with ASD, parental stress, emotional burnout, coping behavior, emotional regulation.

References

Bazaleva, L. A. (2010). Vozmozhnosti issledovaniia emocional'nogo vygoraniia u materej v psihologii lichnosti [Opportunities for the study of emo-

tional burnout in mothers in personality psychology]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psihologiya*, 2010. № 1. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-issledovaniya-emotsionalnogo-vygoraniya-u-materey-v-psihologii-lichnosti>. (in Russ.)

Dorosheva, E. A., Grabelnikova, U. S. (2018). Sindrom emocional'nogo vygoraniya, osobennosti sovladayushchego povedeniya i regulyacii emocij u materej, vospityvayushchih rebenka s rasstrojstvom autisticheskogo spektra [Emotional burnout syndrome, coping behavior and emotion regulation in mothers raising a child with autism spectrum disorder]. *Reflexio*, 2018, no. 1, p. 5–18 (in Russ.)

Nesterova, A. A., Ajsina, R. M., Suslova T. F. (2016). *Rukovodstvo dlya roditelej rebenka s rasstrojstvom autisticheskogo spektra: voprosy samopomoshchi i social'nogo razvitiya rebenka*. [A guide for parents of a child with autism spectrum disorder: issues of self-help and social development of the child]. Moscow, RITM Publ. (in Russ.)

Nikolskaya, O. S., Baenskaya, E. R., Libling, M. M., Kostin, I. A., Vedenina, M. Yu., Arshatsky, A. V., Arshatskaya, O. S. (2005). *Deti i podrostki s autizmom* [Children and adolescents with autism]. *Psihologicheskoe soprovozhdenie*. Moscow, Terevinf Publ. (in Russ.)

Chutko, L. S., Kozina, N. V. (2014). *Sindrom emocional'nogo vygoraniia. Klinicheskie i psihologicheskie aspekty* [Burnout syndrome. Clinical and psychological aspects]. Moscow, MEDprecis-inform. (in Russ.)

Aldao, A., Jazaieri, H., Goldin, P. R., Gross, J. J. (2014). Adaptive and maladaptive emotion regulation strategies: Interactive effects during CBT for social anxiety disorder. *Journal of Anxiety Disorders*, 28 (4), 382–389.

Brei, N. G. (2014). *Parenting stress in parents of children with autism spectrum symptomatology*. A Thesis Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of Science in Psychology. Milwaukee: The University of Wisconsin – Milwaukee.

Falk, N. H., Norris, K., Quinn, M. G. (2014). The factors predicting stress, anxiety and depression in the parents of children with autism. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 44 (12), 3185–3203.

Garnefski, N., Kraaij, V. (2006). Relationships between cognitive emotion regulation strategies and depressive symptoms: A comparative study of five specific samples. *Personality and Individual Differences*, 40 (8), 1659–1669.

Koren-Karie, N., Oppenheim, D., Dolev, S., Yirmiya, N. (2009). Mothers of securely attached children with autism spectrum disorder

are more sensitive than mothers of insecurely attached children. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 50 (5), 643–650.

Kuh, D., Ben-Shlomo, Y., Lynch, J., Hallqvist, J., Power, C. (2003). Life course epidemiology. *Journal of Epidemiology and Community Health*, 57 (10), 778–783.

Levato, L., Harrison, B., Smith, T., Lecavalier, L., Johnson, C., Swiezy, N., Bearss, K., Scahill, L. (2018). Teaching Parents Behavioral Strategies for Autism Spectrum Disorder (ASD): Effects on Stress, Strain, and Competence. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 48, 1031–1040.

Oppenheim, D., Koren-Karie, N., Dolev, S., Yirmiya, N. (2009). Maternal insightfulness and resolution of the diagnosis are associated with secure attachment in preschoolers with autism spectrum disorders. *Child Development*, 80 (2), 519–527.

Seo, D., Tsou, K. A., Ansell, E. B., Potenza, M. N., Sinha, R. (2014). Cumulative adversity sensitizes neural response to acute stress: association with health symptoms. *Neuropsychopharmacology*, 39 (3), 670–680.

УДК 159.9.072

Е. А. Санталова, О. В. Киселева

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

santalova.liza@mail.ru, kiseleva_ov@inbox.ru

ВЗАИМОСВЯЗЬ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ, СОЦИАЛЬНОЙ И ШКОЛЬНОЙ ДЕЗАДАПТАЦИИ И СУИЦИДАЛЬНЫХ РИСКОВ ПОДРОСТКОВ

Представлены результаты исследования взаимосвязи между наличием суицидальных мыслей у подростков и характеристиками детско-родительских отношений (установками, поведением и методами воспитания матерей в восприятии подростков; положением подростка в системе межличностных отношений и характером коммуникаций в семье), а также социальной и школьной дезадаптацией. В исследовании приняли участие 60 учащихся 9-х классов 13–15 лет (30 мальчиков и 30 девочек, средний возраст $14 \pm 0,6$ лет) лица № 7 г. Чулым Новосибирской области. Для проведения психодиагностического исследования были выбраны следующие методики: опросник детской депрессии М. Ковач (1992) (Child's depression inventory (CDI), [Kovacs, 1992], опросник «Поведение родителей и отношение подростков к ним» в адаптации Э. Матейчика и П. Ржичана (1983), проективный тест «Семейная социограмма» Юстицкиса и Э. Г. Эйдемиллера (1999), опросник «Сильные стороны и трудности (ССТ)» (Strengths and Difficulties Questionnaire (SDQ), форма для подростков [Goodman, 2001]. Для сбора информации о составе семьи, опыте употребления психоактивных веществ и наличии суицидальных мыслей проводилось также анкетирование. В результате проведенного исследования было выявлено, что социальная и школьная дезадаптация, сопровождающаяся проявлениями тревожно-депрессивных черт, еще не свидетельствует о наличии суицидальных тенденций у подростков. Анализ взаимосвязей между семейными факторами и суицидальным поведением у подростков показал, что оценка подростками воспитательных стратегий матерей как директивных, чрезмерно контролирующих, положительно связана с наличием у подростков

Санталова Е. А., Киселева О. В. Взаимосвязь детско-родительских отношений, социальной и школьной дезадаптации и суицидальных рисков подростков // Reflexio. 2018. Т. 11, № 2. С. 63–85.

суицидальных мыслей. Также мы можем сказать, что эгоцентрическая сосредоточенность подростков на своих переживаниях, ощущение изолированности и отсутствие близости в семейных отношениях являются важными составляющими суицидальных рисков у подростков.

Ключевые слова: суицидальное поведение, формы суицидального поведения, модель развития суицидального поведения, группа «суицидального риска», семейные факторы, социальная и школьная дезадаптация.

Проблема суицидального поведения достаточно широко освещена в работах отечественных и зарубежных исследователей [Амбрумова, Тихоненко, 1980; Холмогорова, Воликова, 2012; Вихристюк, 2013; Павлова, Банников, 2013; Аксюта, 2015; Банников и др., 2016; Сыроквашина, 2017; Шнейдман, 2001; Joiner, 2005; Brent, Mann, 2006; Bridge et al., 2006; Burke, Alloy, 2016; Klonsky et al., 2016; Kleiman, Nock, 2018]. Но даже несмотря на всестороннюю изученность, ответ на вопрос о причинах антивитального переживания и аутоагрессивного поведения, а также способах их профилактики продолжает оставаться открытым.

Суицидальное поведение проявляется в виде нескольких форм, которые также можно рассматривать и как стадии развития: суицидальные мысли, суицидальные попытки и завершённые суициды [Bridge et al., 2006]. С проявлением суицидальных мыслей мы можем сталкиваться и в неклинической популяции, в том числе среди лиц подросткового возраста. Согласно проведенным исследованиям, около трети представителей данной возрастной группы имеют опыт переживания суицидальных мыслей [Miotto et al., 2003]. Это подтверждается в исследованиях А. Г. Амбрумовой и В. А. Тихоненко, в которых подростковый возраст выделяется в числе одного из факторов суицидального риска [1980]. Пик проявлений суицидального поведения приходится на старший подростковый возраст (от 15 до 19 лет) и в меньшей степени проявляется в предподростковом и раннем подростковом периодах [Anderson, 2002].

На сегодняшний день существует большое количество теорий, с разных сторон объясняющих происхождение и развитие суицидального поведения: классические теории, такие как медицинская модель, социокультурная модель Эмиля Дюркгейма [1994], психодинамические теории суицида, концепция «психической боли» Э. Шнейдмана [2001], модель социально-психологической дезадаптации А. Г. Амбрумовой [1986], многофакторная психосоциальная модель расстройств аффективного спектра А. Б. Холмогоровой и Н. Г. Гаранян [1998; Холмогорова, Воликова, 2012] и др.

За последнее десятилетие были сформулированы современные модели, в центре внимания которых находится именно подростковый суицид: модель развития суицидального поведения у подростков Д. Бридж, Т. Голдштейн, Д. Brent [Bridge et al., 2006]; интерперсональная модель Т. Джойнера [Joiner, 2005]; некоторые последние разработки по когнитивной теории А. Спирито, Д. Мэттьюс, Э. Венцель, А. Т. Бек [Spirito et al., 2011; Matthews, 2013; Wenzel, Beck, 2008].

Модель развития суицидального поведения у подростков Д. Бридж, Т. Голдштейн, Д. Brent построена на эпидемиологических данных и рассматривает суицид как совокупность факторов: социально-культурных, психиатрических, психологических, семейных, биологических. Авторы данной модели видят развитие суицидального поведения следствием сочетания двух типов уязвимости – расстройства настроения и тенденции к импульсивной агрессии (склонность агрессивно реагировать на фрустрацию), что, в свою очередь, связано с некоторыми нейробиологическими особенностями. Семейное окружение и личностные особенности родителей во взаимосвязи с высоким уровнем стресса и доступностью способов совершения суицида рассматриваются сторонниками данной модели как основные причины развития суицидальных намерений у подростков. Кроме того, данная модель рассматривает развитие суицидального поведения с учетом возрастной динамики, описывая на каждом из этапов подросткового возраста ведущие факторы формирования суицидального поведения [Brent, Mann, 2006; Bridge et al., 2006].

Когнитивная модель суицидального поведения у подростков основана на когнитивной теории Аарона Бека, разработанной в 1960–1980 гг. Так, для подростков, склонных к суициду, такие особенности их жизни, как неблагополучная ситуация в семье, насилие, пренебрежение со стороны родителей, наличие психических заболеваний у родителей и / или травля и отвержение со стороны ровесников, способствуют формированию определенного типа мышления. Такому мышлению свойственен негативный взгляд на себя, окружающих и свое будущее, а также определенный тип обработки информации и интерпретации повседневных событий, называемый «ошибками мышления», – катастрофизация, персонализация, свехобобщение, черно-белое мышление, когнитивная ригидность [Spirito et al., 2011].

Согласно интерперсональной модели Т. Джойнера [Joiner, 2005], суицидальная попытка совершается только в том случае, если в одном человеке совпадают три фактора: желание умереть из-за острого чув-

ства одиночества, восприятие себя как бремени для близких людей, приобретенная толерантность к физической боли и редуцированный страх смерти. При этом следует отметить, что более позднее исследование, проведенное на клинической выборке госпитализированных подростков с выраженными тревожными и депрессивными расстройствами и суицидальным поведением, показало, что воспринимаемая собственная обременительность может влиять на актуальную суицидальность, а утраченное чувство принадлежности может усиливать симптомы депрессии. Вместе с тем согласованности компонентов в рассматриваемой модели не выявлено, и модель интерперсональной теории может быть признана действенной лишь отчасти [Miller et al., 2015].

В ряде других современных теоретических подходов к исследованию суицидального поведения у подростков подчеркивается необходимость дифференциации факторов, обуславливающих возникновение суицидальных мыслей, и факторов, связанных с суицидальными действиями. Помимо интерперсональной теории Джойнера, к этой группе подходов относится интегративная мотивационно-волевая модель Рори О'Коннора [O'Connor, 2011] и трехшаговая модель Дэвида Клонски [Klonsky et al., 2016]. Они сосредоточены на анализе факторов, которые являются ключевыми в переходе от мыслей о суициде к потенциально летальной суицидальной попытке, а также обстоятельств, когда и как осуществляется этот переход.

Во всех вышеперечисленных моделях суицидального поведения оценка суицида осуществляется в рамках биопсихосоциального подхода и описывается как результат взаимодействия различных групп факторов. Также следует отметить, что разделение на «истинные» и «демонстративные» суициды в современных концепциях отсутствует, что особенно важно в контексте подросткового суицидального поведения. Один из важных вопросов, решить который стараются современные теории – вопрос о факторах, обуславливающих переход от суицидальных мыслей к суицидальной попытке [Сыроквашина, 2017].

В изучении суицидального поведения существуют и некоторые проблемы. Как отмечают исследователи из Гарвардского университета [Kleiman, Nock, 2018], одной из самых больших трудностей в понимании, прогнозе и предотвращении суицидов является невозможность проводить наблюдения и вмешиваться по мере развертывания суицидальности в реальном времени. В связи с этим важное значение при-

обретают скрининговые исследования, проводимые на неклинических выборках. Подобные исследования выступают в качестве одного из инструментов профилактики суицидального риска в популяции.

Необходимо подчеркнуть еще один проблемный аспект, связанный с изучением проблемы суицидального поведения. Как отмечает в своих работах К. В. Сыроквашина, основные модели суицидального поведения разрабатываются в отношении взрослой популяции, и лишь затем проводится их эмпирическая проверка на выборках подростков. Это определяет необходимость разработки теоретической модели на эмпирическом материале с учетом факторов, актуальных именно для подростков [2017].

Подростковый возраст является наиболее сложным в плане социальной адаптации. Если обратиться к определению, данному в психологическом словаре, то социальная адаптация – это «приспособление человека как личности к существованию в обществе в соответствии с требованиями этого общества, собственными мотивами, потребностями и интересами» [Психологический словарь, 1996]. Социальная адаптация предполагает адекватное восприятие окружающей действительности, адекватную систему общения и отношения с окружающими; способность к труду, обучению, организации досуга и отдыха, изменчивость поведения в соответствии с ролевыми ожиданиями других и т. д. В свою очередь под дезадаптацией подростков понимают невозможность не только соответствия требованиям ситуации обучения в общеобразовательной школе, но и адекватного взаимодействия подростка с окружением в условиях, предъявляемых данному конкретному подростку той индивидуальной микросредой, в которой он существует [Иовчук, Северный, 1995]. В основе социальной дезадаптации лежит ряд факторов, таких как остаточные явления органической патологии ЦНС, патохарактерологическое и невротическое развитие личности либо педагогическая запущенность [Глозман, Самойлова, 1999]. Школьная дезадаптация является одной из форм социальной дезадаптации. Зачастую она проявляется у подростков через низкую успеваемость, неадекватное поведение (в данную группу входят дети с невротическими реакциями, гиперактивные, с преобладающим пониженным настроением, агрессивные и с трудностями общения). Как правило, отсутствие решения подобных трудностей у подростков на начальных этапах приводит к тому, что они углубляются и приобретают комплексность, т. е. такой подросток имеет

не одну, а несколько форм проявления дезадаптации, что создает еще бóльшие риски в плане формирования суицидального поведения.

А. Г. Амбрумова в своих исследованиях подчеркивает, что в целях профилактики суицидального поведения важным представляется исследование детей, входящих в так называемую группу «суицидального риска». Под суицидальным риском принято понимать вероятность совершения самоубийства. Данный фактор включает в себя характеристики, которые при своем наличии или отсутствии влияют на склонность индивида к суицидальному поведению. Обнаружение склонности к суицидальному риску позволяет своевременно выявить лиц, которые относятся к группе риска, а также помочь им [1986]. В число подростков, входящих в группу суицидального риска, мы можем отнести подростков с проявлениями социальной и школьной дезадаптации, а также подростков, у которых нарушены внутрисемейные коммуникации и детско-родительские отношения.

Принимая во внимание все многообразие факторов суицидальных рисков у подростков, мы решили в эмпирической части исследования сосредоточить внимание на семейных характеристиках, в первую очередь детско-родительских отношениях, которым отводится значимое место в вышеописанных теориях, а также показателях социальной адаптации подростка. В своих работах Э. Дюркгейм писал о том, что социальные причины, которые могут привести к суицидальному поведению, тесно связаны с социальным окружением, с социальными процессами и явлениями, которые окружают суицидента [1994]. Для подростка значимым социальным окружением будут являться его семья, близкие, друзья, одноклассники, и нарушение отношений в данном окружении будет выступать в качестве суицидального риска.

Итак, целью нашей работы стало исследование взаимосвязи между наличием суицидальных мыслей и характеристиками детско-родительских отношений (установками, поведением и методами воспитания матерей в восприятии подростков; положением подростка в системе межличностных отношений и характером коммуникаций в семье), а также показателями социальной и школьной дезадаптации у подростков.

Материалы и методы

Исследование было реализовано в 2017 г. совместно с Государственным бюджетным учреждением здравоохранения Новосибир-

ской области «Новосибирским областным детским клиническим психоневрологическим диспансером» в рамках проводимых скрининговых исследований на неклинических выборках подростков. В исследовании приняли участие 60 учащихся 9-х классов 13–15 лет (30 мальчиков и 30 девочек, средний возраст 14 лет, ст. откл. $\pm 0,6$) лица № 7 г. Чулым Новосибирской области.

Для исследования школьной и социальной дезадаптации подростков был применен опросник «Сильные стороны и трудности (ССТ)» (Strengths and Difficulties Questionnaire (SDQ)), форма для подростков [Goodman, 2001]. Данный опросник одобрен экспертами ВОЗ и нашел широкое применение в проведении эпидемиологических исследований населения с целью получения данных об эмоциональных, поведенческих, гиперкинетических расстройствах [Разработка общего инструментария для опросов о состоянии здоровья, 2005].

Исследование детско-родительских отношений подростков проводилось при помощи опросника «Поведение родителей и отношение подростков к ним» (в адаптации Э. Матейчика и П. Ржичана, 1983). С помощью данной методики изучались установки, поведение и методы воспитания родителей так, как видят их дети в подростковом возрасте (оценивались воспитательные стратегии матерей) [Опросник «Поведение родителей и отношение подростков к ним», 2004]. Дополнительно для изучения семейных аспектов функционирования подростков использовался проективный тест «Семейная социограмма» Юстицкиса и Э. Г. Эйдемиллера (1999). Данная методика позволяет выявить положение субъекта в системе межличностных отношений и характер коммуникаций в семье [Практикум по семейной психотерапии, 2010]. Риски в отношении суицидального поведения у подростков оценивались при помощи опросника детской депрессии М. Ковач (Child's depression inventory (CDI), M. Kovacs, 1992), в котором основное внимание мы уделяли шкале «Чувство собственной неэффективности, наличие суицидальных мыслей» [Белова и др., 2008; Павлова, 2013; Kovacs, 1992]. Дополнительно мы проводили анкетирование подростков для получения информации о составе семьи, опыте употребления психоактивных веществ и проявлениях суицидального поведения.

Статистический анализ данных осуществлялся с помощью лицензионного пакета программ IBM SPSS Statistics 22. Для исследования взаимосвязи между изучаемыми параметрами использовался коэффициент корреляции Пирсона (r).

Результаты и их обсуждение

Для исследования социально-психологических характеристик выборки подростков проведено анкетирование, результаты представлены на рис. 1. Согласно полученным данным, большинство исследуемых подростков воспитываются биологическими родителями в полных семьях (63 %), треть исследуемой выборки подростков воспитывается в семье с матерью и отчимом (22 %), значительная часть подростков (8 %) воспитываются в неполной семье матерью. Незначительный процент отводится на подростков из неполных семей с одним родителем-отцом (3 %), а также на приемные (2 %) и опекунские (2 %) семьи.

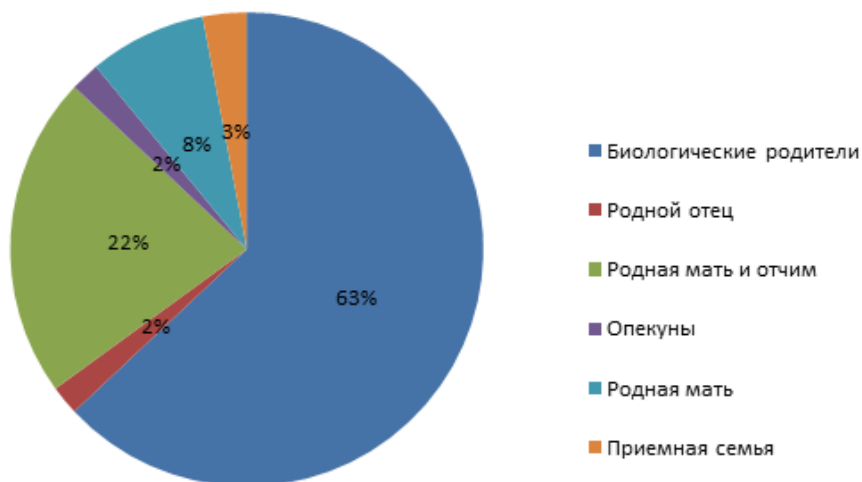

Рис. 1. Состав семьи исследуемых подростков (%)

Как следует из обзора литературы, важным фактором формирования суицидального риска у подростков является употребление психоактивных веществ [В поисках психологических факторов..., 2018], в связи с чем было важно собрать информацию о данном опыте (рис. 2). Полученные данные позволяют говорить о том, что большая часть исследуемой выборки подростков (90 %) не употребляла алкогольных или наркотических веществ. Об эпизодических пробах алкогольных напитков сообщили 7 % подростков, пробы наркотических веществ отмечены в ответах 3 % подростков.

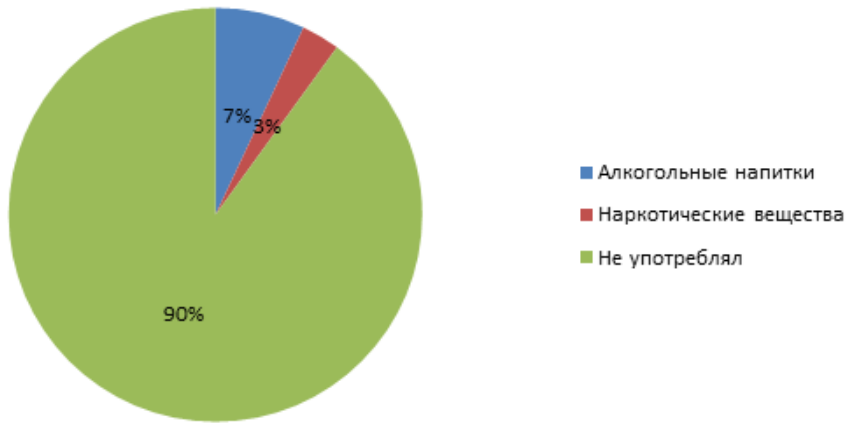

Рис. 2. Опыт употребления психоактивных веществ

В ходе проведения анкетирования утвердительный ответ относительно наличия суицидальных мыслей дали 38 % подростков (рис. 3), это практически около трети исследуемой выборки, что подтверждает в целом статистические данные в подростковой популяции, полученные другими исследователями [Miotto et al., 2003].

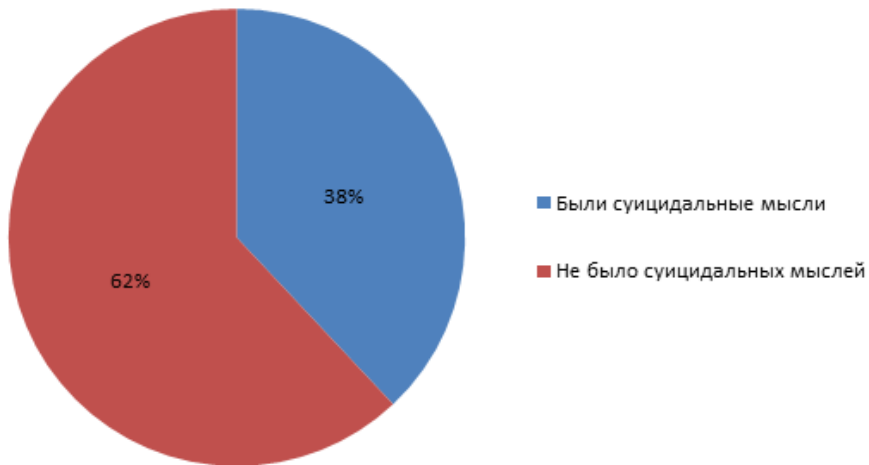

Рис. 3. Проявление суицидального поведения

Далее представляем анализ и интерпретацию результатов психодиагностического исследования. В результате проведенного корреляционного анализа достоверно значимых корреляционных связей между показателями шкалы «Чувство собственной неэффективности, наличие суицидальных мыслей» опросника детской депрессивности [Kovacs, 1992] и показателями шкал опросника «Сильные стороны и трудности (ССТ)» [Goodman, 2001] выявлено не было (табл. 1).

При этом были получены достоверно значимые корреляционные связи между показателями шкалы «Эмоциональные симптомы» опросника «Сильные стороны и трудности (ССТ)» [Ibid.] и показателями шкал «Негативное настроение» ($r = 0,399$; $p < 0,01$) и «Ангедония» ($r = 0,264$; $p < 0,05$) опросника детской депрессии [Kovacs, 1992]. Данные связи могут говорить о том, что тревожные и депрессивные переживания у подростков могут быть связаны с ожиданием неприятностей, ощущением собственной безуспешности, чувством одиночества, что в целом характеризует подростковый возраст. Сочетание этих характеристик способно выступить в качестве преддиктора суицидального поведения. Однако Э. Шнейдман отмечает, что наличие тревожно-депрессивной симптоматики еще не обуславливает суицидального поведения. Сама по себе депрессия никогда не является причиной самоубийства; оно, скорее, является результатом сильной душевной боли в сочетании с дисфорией, сужением поля восприятия и мыслью о предпочтительности смерти перед жизнью. Клинические симптомы депрессии истощают, но по своей природе не ведут к смерти. Во внимание следует принимать чувство безнадежности и степень удовлетворения витальных потребностей (в любви, автономии, позитивном самовосприятии, поддержании отношений), фрустрация которых способна вызвать непереносимую психологическую боль и суицидальное поведение, как поиск избавления от этих страданий [2001].

Корреляционный анализ, проведенный между показателями шкал опросника детской депрессии [Kovacs, 1992] и опросника «Подростки о родителях» [Schaefer, 1965], выявил наличие взаимосвязи между показателями шкал «Чувство собственной неэффективности, наличие суицидальных мыслей» и «Директивность» ($r = 0,262$; $p < 0,05$) (табл. 2).

Таблица 1

Коэффициенты корреляции (по Пирсону) между показателями шкал опросника детской депрессии [Kovacs, 1992] и опросника «Сильные стороны и трудности (ССТ)» [Goodman, 2001]

Название методики	Опросник «Сильные стороны и трудности (ССТ)»					
	Эмоциональные симптомы	Проблемы с поведением	Оценка гиперактивности	Проблемы со сверстниками	Просоциальное поведение	
Опросник детской депрессии М. Ковач						
Негативное настроение	0,399**	0,105	-0,036	0,156	-0,118	
Межличностные проблемы	0,206	0,137	0,158	0,121	-0,005	
Неэффективность	0,183	0,116	0,071	0,113	-0,222	
Ангедония	0,264*	0,182	0,045	0,136	-0,117	
Чувство собственной неэффективности, наличие суицидальных мыслей	0,163	0,027	0,066	0,107	-0,026	

Примечание. * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$

Таблица 2

Коэффициенты корреляции (по Пирсону) между показателями шкал методики «Опросник детской депрессии» [Kovacs, 1992] и методики «Подростки о родителях» [Schaefer, 1965]

Название методики	Опросник «Подростки о родителях»					
	Позитивный интерес	Директивность	Враждебность	Автономность	Непоследовательность	
Опросник детской депрессии М. Ковач	-0,059	0,132	0,17	0,052	0,169	
Негативное настроение	-0,051	-0,086	0,085	0,055	-0,022	
Межличностные проблемы	-0,095	0,14	0,222	0,117	0,117	
Неэффективность	0,001	0,095	0,116	0,135	0,176	
Ангедония	-0,097	0,262*	0,253	0,011	0,208	

Примечание. * $p < 0,05$.

Как известно, негармоничные стратегии семейного воспитания, в частности директивность, могут являться фактором, провоцирующим усиление акцентуированного поведения у подростков, что в сочетании с особенностями данного возрастного периода (реакции эмансипации, группирование со сверстниками, увлечения (хобби), имитация, формирующееся сексуальное влечение) может стать причиной аддиктивного поведения. Чрезмерные запреты и ограничения в воспитании подростков, частые критические замечания могут привести к усилению реакции эмансипации и острым аффективным всплескам у гипертимных подростков. При тревожно-мнительном и астеническом типах акцентуаций характера чрезмерный контроль, запреты и ограничения, критика в адрес личностных черт значительно усиливают астенические черты [Эйдемиллер и др., 2006; Шнейдер, 2005]. Подобное заострение акцентуированных черт, согласно исследованиям А. Г. Амбрумовой, является одним из «внутриличностных» факторов суицидального риска [1986].

Исследование взаимосвязей между суицидальным поведением и положением подростка в системе межличностных отношений и характером коммуникаций в семье показало следующие результаты: были выявлены достоверно значимые корреляционные связи между показателями шкалы «Чувство собственной неэффективности, наличие суицидальных мыслей» опросника детской депрессии [Kovacs, 1992] и параметрами «Изображение “Я” в центре» ($r = 0,261; p < 0,05$) и «изображение “Я” внизу» ($r = 0,342; p < 0,01$) проективного теста «Семейная социограмма» Юстицкиса и Э. Г. Эйдемиллера (1999). Полученные взаимосвязи согласуются с результатами ранее проведенных исследований [Амбрумова, 1986; Аксюта, 2015; Банников и др., 2016; Сыроквашина, 2017; Bridge et al., 2006; Joiner, 2005], в которых описана связь семейных факторов и суицидального поведения. Проявления эгоцентризма у подростка при изображении себя и членов своей семьи могут свидетельствовать о сосредоточенности на своих переживаниях, неудовлетворении основных потребностей в семье, а также нарушении распределения власти и границ между семейными подсистемами. Изображение себя внизу социограммы говорит о переживании эмоциональной отверженности в семье, чувстве одиночества и изолированности. Описанные факторы являются важными составляющими в общей картине суицидального поведения подростков.

Заключение

В настоящее время проблема суицидального поведения широко представлена в работах отечественных и зарубежных исследователей. Общим для всех моделей суицида является его оценка с позиции биопсихосоциального подхода. Суицидальные тенденции широко распространены в популяции подростков, в связи с чем неизбежно встает вопрос профилактики этого явления. Важно отметить, что проведение различного рода скрининговых исследований среди подростков «группы риска» как раз может являться одной из форм профилактики суицидального поведения. Результаты, полученные в данном эмпирическом исследовании, показали, что социальная и школьная дезадаптация на фоне выраженности тревожно-депрессивных черт еще не свидетельствует о наличии суицидальных тенденций у подростков. Анализ взаимосвязей между семейными факторами и суицидальным поведением у подростков в очередной раз подтвердил, что оценка подростками воспитательных стратегий матерей как директивных, чрезмерно контролирурующих, положительно связана с наличием суицидальных мыслей у подростков. Также мы можем сказать, что эгоцентрическая сосредоточенность подростков на своих переживаниях, а также отсутствие близости в отношениях, ощущение изолированности и покинутости в семье являются значимыми составляющими в общей картине формирования суицидального поведения у подростков.

Список литературы

Аксюта А. В. Современные направления психологической профилактики суицидального поведения подростков // Учен. зап. Санкт-Петербургского гос. ин-та психологии и социальной работы. 2015. Т. 24, № 2. С. 127–132.

Амбрумова А. Г., Тихоненко В. А. Диагностика суицидального поведения: Методические рекомендации. М., 1980. 48 с.

Амбрумова А. Г. Суицидальное поведение как объект комплексного изучения // Комплексные исследования в суицидологии: Сб. науч. тр. М.: Московский НИИ психиатрии МЗ СССР, 1986.

Банников Г. С., Федунина Н. Ю., Павлова Т. С., Вихристюк О. В., Летова А. В., Баженова М. Д. Ведущие механизмы самоповреждающего поведения у подростков: по материалам мониторинга в образо-

вательных организациях // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24, № 3. С. 42–68. doi:10.17759/cpp.2016240304

Белова А. П., Малых С. Б., Сабирова Е. З., Лобаскова М. М. Оценка депрессивности в подростковом возрасте // Вестник ЮУрГУ. 2008. № 32. С. 10–18.

В поисках психологических факторов риска суицида: смена парадигмы // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26, № 1. С. 167–174. doi:10.17759/cpp.2018260112

Вихристюк О. В. Влияние средств массовой информации на суицидальное поведение подростков и молодежи (обзор зарубежных источников) // Современная зарубежная психология. 2013. Т. 2, № 1. С. 100–108. URL: <http://psyjournals.ru/jmfp/2013/n1/58059.shtml> (дата обращения 27.09.2018).

Глозман Ж. М., Самойлова В. М. Социально дезадаптированный подросток: нейропсихологический подход // Психологическая наука и образование. 1999. № 2. С. 99–109.

Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд: пер. с фр. с сокр.; под ред. В. А. Базарова. М.: Мысль, 1994. 399 с.

Иовчук Н. М., Северный А. А. Что такое школьная дезадаптация? // Социальная дезадаптация детей и подростков. Проблемы, проявление, преодоление. М., 1995.

Опросник «Поведение родителей и отношение подростков к ним» (ПОР; Е. Шафер) / В. А. Сонин. Психодиагностическое познание профессиональной деятельности. СПб., 2004. С.169–178.

Павлова Т. С., Банников Г. С. Современные теории суицидального поведения подростков и молодежи // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2013. № 4. URL: http://psyedu.ru/journal/2013/4/Pavlova_Bannikov.phtml (дата обращения 28.09.2018).

Павлова Т. С. Диагностика риска суицидального поведения детей и подростков в образовательных учреждениях // Современная зарубежная психология. 2013. Т. 2, № 4. С. 79–91. URL: <http://psyjournals.ru/jmfp/2013/n4/65490.shtml> (дата обращения 11.09.2017).

Практикум по семейной психотерапии: современные модели и методы: Учеб. пособие для врачей и психологов / Под ред. Э. Г. Эйдемиллера. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Речь, 2010. 425 с.

Психологический словарь / Под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. М., 1996.

Разработка общего инструментария для опросов о состоянии здоровья / Под ред. А. Nosikov, С. Gudex; Всемирная организация здравоохранения. М.: Права человека, 2005. 193 с.

Сыроквашина К. В. Современные психологические модели суицидального поведения в подростковом возрасте // Консультативная психология и психотерапия. 2017. Т. 25, № 3. С. 60–75. doi:10.17759/crr.2017250304

Холмогорова А. Б., Воликова С. В. Основные итоги исследований факторов суицидального риска у подростков на основе психосоциальной многофакторной модели расстройств аффективного спектра // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2012. № 2. URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения 25.09.2018).

Холмогорова А. Б., Гаранян Н. Г. Многофакторная модель депрессивных, тревожных и соматоформных расстройств как основа их интегративной психотерапии // Клиническая и социальная психиатрия. 1998. № 1. С. 94–101.

Шнейдер Л. Б. Девиантное поведение детей и подростков. М.: Академ. проспект; Трикста, 2005. 336 с.

Шнейдман Э. Душа самоубийцы: пер. с англ. М.: Смысл, 2001. 132 с

Эйдемиллер Э. Г., Добряков И. В., Никольская И. М. Семейный диагноз и семейная психотерапия. Учеб. пособие для врачей и психологов. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Речь, 2006. 352 с.

Anderson R. N. Deaths: Leading causes for 2000 // National Vital Statistics Reports. 2002, vol. 50 (16), p. 1–85.

Brent D. A., Mann J. J. Familial pathways to suicidal behavior – understanding and preventing suicide among adolescents // New England Journal of Medicine. 2006, vol. 355 (26), p. 2719–2721. doi:10.1056/NEJMp068195

Bridge J. A., Goldstein T. R., Brent D. A. Adolescent suicide and suicidal behavior // Journal of Child Psychology and Psychiatry. 2006. No. 47, p. 372–394.

Burke T. A., Alloy L. B. Moving Toward an Ideation-to-Action Framework in Suicide Research: A Commentary on May and Klonsky (2015) // Clinical Psychology: A Publication of the Division of Clinical Psychology of the American Psychological Association. 2016, vol. 23 (1), p. 26–30. doi:10.1111/cpsp.12134;

Goodman R. Psychometric properties of the Strengths and Difficulties Questionnaire (SDQ) // Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry. 2001, vol. 40, p. 1337–1345.

Joiner T. E. Why people die by suicide. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 2005.

Kleiman E. M., Nock M. K. Real-time assessment of suicidal thoughts and behaviours // *Current Opinion in Psychology*. 2018, vol. 22. P. 33–37. doi: 10.1016/j.copsyc.2017.07.026

Klonsky E. D., May A. M., Saffer B. Y. Suicide, suicide attempt and suicide ideation // *Annual Review of Clinical Psychology*. 2016, vol. 12, p. 307–330. doi:10.1146/annurev-clinpsy-021815-093204

Kovacs M. The children's depression inventory. New York: Multi-Health Systems, 1992.

Matthews J. D. Cognitive Behavioral Therapy Approach for Suicidal Thinking and Behaviors in Depression, Mental Disorders – Theoretical and Empirical Perspectives / R. Woolfolk. 2013. doi : 10.5772/52418. URL: <http://www.intechopen.com/books/mental-disorders-theoretical-and-empirical-perspectives/cognitive-behavioral-therapy-approach-for-suicidal-thinking-and-behaviors-in-depression> (дата обращения 25.08.2013).

Miller A. B., Esposito-Smythers C., Leichtweis R. N. A short-term, prospective test of the interpersonal–psychological theory of suicidal ideation in an adolescent clinical sample // *Suicide and Life-Threatening Behavior*. 2015, vol. 46 (3), p. 337–351.

Miotto P., De Coppi M., Frezza M. et al. Suicidal ideation and aggressiveness in school-aged youths // *Psychiatry Research*. 2003, vol. 120, p. 247–255.

O'Connor R. C. Towards an integrated motivational–volitional model of suicidal behaviour // *International Handbook of Suicide Prevention: Research, Policy and Practice* / Eds. R.C. O'Connor, S. Platt, J. Gordon. Chichester: John Wiley & Sons, 2011, p. 181–198. doi:10.1002/9781119998556.ch11

Schaefer E. S. Children's reports of parental behavior: An inventory // *Child Development*. 1965. Vol. 36 (2). P. 413–424.

Spirito A., Esposito-Smythers C., Wolff J. Cognitive-Behavioral Therapy for Adolescent Depression and Suicidality // *Child and Adolesc Psychiatric Clinics of North America*. 2011. No. 20, p. 191–20.

Wenzel A., Beck A. T. A cognitive model of suicidal behavior: Theory and treatment // *Applied and Preventive Psychology*. 2008. No. 12, p. 189–201

E. A. Santalova, O. V. Kiseleva

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

santalova.liza@mail.ru, kiseleva_ov@inbox.ru

**RELATIONS OF PARENT-CHILD RELATIONSHIPS,
SOCIAL AND SCHOOL MALADJUSTMENT
AND SUICIDAL RISKS IN ADOLESCENTS**

The article presents the results of the study of the relations between the suicidal thoughts in adolescents and the characteristics of parent-child relationships (attitudes, behavior and methods of parenting of mothers in the perception of adolescents, the position of adolescents in the system of interpersonal relationship and the nature of communication in the family), and social and school maladjustment. The study involved 60 students of 9th grades, 13–15 years old (30 boys and 30 girls, average age $14 \pm 0,6$ years) of Lyceum No. 7 in Chulym, Novosibirsk Oblast. The following methods were chosen for conducting the psychodiagnostic study: Child's depression depression (CDI, M. Kovacs, 1992 Children's Reports of Parental Behavior Inventory (adaptation of E. Matějček, P. Říčan, 1983), the projective test «Family Sociogram» by Justitskis and E. G. Eidemiller (1999), Strengths and Difficulties Questionnaire (SDQ), a form for adolescents (Goodman, 2001). A survey was also conducted to collect information on family composition, psychoactive substance use and the presence of suicidal thoughts. As a result of the study, it was revealed that social and school maladjustment, accompanied by manifestations of anxiety and depressive traits, does not indicate the presence of suicidal tendencies in adolescents. Analysis of the relations between family factors and suicidal behavior of adolescents showed that adolescents' assessment of mothers' parenting strategies as directive and overly controlling is positively related to the presence of suicidal thoughts in adolescents. We can also say that adolescents' egocentric focus on their experiences, sense of isolation and lack of closeness in family relationships are important components suicidal risks in adolescents.

Keywords: suicidal behavior, forms of suicidal behavior, model of development of suicidal behavior, group of «suicidal risk», family factors, social and school maladjustment.

References

Aksjuta, A. V. (2015). Sovremennye napravlenija psihologicheskoy profilaktiki suicidal'nogo povedenija podrostkov [Modern trends in the psychological prevention of suicidal behavior of adolescents]. *Uchjonye zapiski Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psihologii i social'noj raboty*. 24 (2), 127–132. (in Russ.)

Ambrumova, A. G., Tihonenko, V. A. Diagnostika suicidal'nogo povedenija: Metodicheskie rekomendacii [Diagnosis of suicidal behavior: guidelines], Moscow, 1980. (in Russ.)

Ambrumova, A. G. (1986). Suicidal'noe povedenie kak ob#ekt kompleksnogo izuchenija / A. G. Ambrumova [Suicidal behavior as an object of complex study] // *Kompleksnye issledovanija v suicidologii: Sbornik nauchnyh trudov* [Complex studies in suicidology: Collection of scientific papers]. Moscow, Moskovskogo NII psikiatrii MZ SSSR. (in Russ.)

Bannikov, G. S., Fedunina, N. Ju., Pavlova, T. S., Vihristjuk, O. V., Letova, A. V., Bazhenova, M. D. (2016). Vedushhie mehanizmy samopovrezhdajushhego povedenija u podrostkov: po materialam monitoringa v obrazovatel'nyh organizacijah [Leading mechanisms of self-damaging behavior in adolescents: based on monitoring materials in educational organizations]: *Konsul'tativnaja psihologija i psihoterapija*. 24 (3), 42–68. (in Russ.)

Belova, A. P., Malyh ,S. B., Sabirova, E. Z., Lobaskova, M. M. (2008). Ocenka depressivnosti v podrostkovom vozraste [Evaluation of depression in adolescence]. *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 32, 10–18. (in Russ.)

V poiskah psihologicheskikh faktorov riska suicida: smena paradigam [In search of psychological risk factors for suicide: a paradigm shift] // *Konsul'tativnaja psihologija i psihoterapija*, 2018, 26 (1), 167–174. (in Russ.)

Vihristjuk, O. V. (2013). Vlijanie sredstv massovoj informacii na suicidal'noe povedenie podrostkov i molodezhi (obzor zarubezhnyh istochnikov) [The influence of the media on suicidal behavior of adolescents and young people (a review of foreign sources)]. *Sovremennaja zarubezhnaja psihologija*, 2 (1), 100–108. (in Russ.)

Glozman, Zh. M., Samojlova, V. M. (1999). Social'no dezadaptirovannyj podrostok: nejropsihologicheskij podhod [Socially maladjusted teenager: a neuropsychological approach]. *Psihologicheskaja nauka i obrazovanie*, 2, 99–109. (in Russ.)

Djurkgejm, Je. (1994). Samoubijstvo. Sociologicheskij jetjud [Suicide. Sociological etude], Moscow, Mysl'. (in Russ.)

Iovchuk, N. M., Severnyj, A. A. (1995). Chto takoe shkol'naja dezadaptacija? [What is school maladjustment?]. *Social'naja dezadaptacija detej i podrostkov. Problemy, pojavlenie, preodolenie* [Social disadaptation of children and adolescents. Problems, manifestation, overcoming], Moscow. (in Russ.)

Oprosnik «Povedenie roditel'ej i otnoshenie podrostkov k nim» (POR; E. Shafer) [The questionnaire "The behavior of parents and the attitude of adolescents to them" (E. Schafer)] / Sonin V. A. Psihodiagnosticheskoe poznanie professional'noj dejatel'nosti [Psychodiagnostic knowledge of professional activity.]. St. Petersburg, 2004, 169–178. (in Russ.).

Pavlova, T. S. (2013). Diagnostika riska suicidal'nogo povedenija detej i podrostkov v obrazovatel'nyh uchrezhdenijah [Modern theories of suicidal behavior of adolescents and young people]. *Psihologicheskaja nauka i obrazovanie psyedu.ru*, 4. (in Russ.)

Pavlova, T. S. (2013). Diagnostika riska suicidal'nogo povedenija detej i podrostkov v obrazovatel'nyh uchrezhdenijah [Diagnosis of the risk of suicidal behavior of children and adolescents in educational institutions]. *Sovremennaja zarubezhnaja psihologija*, 2 (4), 79–91. (in Russ.)

Praktikum po semejnoj psihoterapii: sovremennye modeli i metody. Uchebnoe posobie dlja vrachej i psihologov [Workshop on family psychotherapy: modern models and methods. A manual for doctors and psychologists]: Pod red. Je. G. Jejdemillera. St. Petersburg, Rech, 2010. (in Russ.)

Psihologicheskij slovar' [Psychological dictionary] / Pod red. V. P. Zinchenko, B. G. Meshherjakova. Moscow, 1996. (in Russ.)

Razrabotka obshhego instrumentarija dlja oprosov o sostojanii zdorov'ja [Development of a common toolkit for health surveys] / Pod red. A. Nosikov, C. Gudex; Vsemirnaja organizacija zdravoohraneniya [World Health Organization]. Moscow, Prava cheloveka, 2005. (in Russ.)

Syrokvashina, K. V. (2017). Sovremennye psihologicheskie modeli suicidal'nogo povedeniya v podrostkovom vozraste [Modern psychological models of suicidal behavior in adolescence]. *Konsul'tativnaja psihologija i psihoterapija*, 25 (3), 60–75. (in Russ.)

Holmogorova, A. B., Volikova, S. V. (2012). Osnovnye itogi issledovanij faktorov suicidal'nogo riska u podrostkov na osnove psihosocial'noj mnogofaktornoj modeli rasstrojstv affektivnogo spektra [The main results of studies of suicidal risk factors in adolescents based on the psycho-social multifactorial model of affective spectrum disorders]. *Medicinskaja psihologija v Rossii: jelektronnyj nauchnyj zhurnal*, 2. (in Russ.)

Holmogorova, A. B., Garanjan, N. G. (1998). Mnogofaktornaja model' depressivnyh, trevozhnyh i somatoformnyh rasstrojstv kak osnova ih integrativnoj psihoterapii [Multifactorial model of depressive, anxious and somatoform disorders as the basis of their integrative psychotherapy]. *Klinicheskaja i social'naja psihiatrija*, 1, 94–101. (in Russ.)

Shnejder, L. B. (2005). Deviantnoe povedenie detej i podrostkov [Deviant behavior of children and adolescents], Moscow, Akademicheskij prospekt; Triksta. (in Russ.)

Shnejdman, Je. (2001). Dusha samoubijcy: per. s angl. [Suicide soul]. Moscow, Smysl. (in Russ.)

Jejdemiller, Je. G., Dobrjakov, I. V., Nikol'skaja, I. M. (2006). Semejnyj diaгноз i semejnaja psihoterapija. Uchebnoe posobie dlja vrachej i psihologov [Family diagnosis and family psychotherapy. A manual for doctors and psychologists.], St. Petersburg, Rech. (in Russ.)

Anderson, R. N. (2002). Deaths: Leading causes for 2000. *National Vital Statistics Reports*, 50 (16), 1–85.

Brent, D. A., Mann, J. J. (2006). Familial pathways to suicidal behavior – understanding and preventing suicide among adolescents. *New England Journal of Medicine*, 355 (26), 2719–2721. doi:10.1056/NEJM068195

Bridge, J. A., Goldstein, T. R., Brent, D. A. (2006). Adolescent suicide and suicidal behavior. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 47, 372–394.

Burke, T. A., Alloy, L. B. (2016). Moving Toward an Ideation-to-Action Framework in Suicide Research: A Commentary on May and Klonsky (2015). *Clinical Psychology: Science and Practice*, 23 (1), 26–30. doi:10.1111/cpsp.12134

Goodman, R. (2001). Psychometric properties of the Strengths and Difficulties Questionnaire (SDQ). *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*, 40, 1337–1345

Joiner, T. E. (2005). *Why people die by suicide*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Kleiman, E. M., Nock, M. K. (2018). Real-time assessment of suicidal thoughts and behaviours. *Current Opinion in Psychology*, 22, 33–37. doi:10.1016/j.copsyc.2017.07.026

Klonsky, E. D., May, A. M., Saffer, B. Y. (2016). Suicide, suicide attempt and suicide ideation. *Annual Review of Clinical Psychology*, 12, 307–330. doi:10.1146/annurev-clinpsy-021815-093204

Kovacs, M. (1992). *The children's depression inventory*. New York: Multi-Health Systems.

Matthews, J. D. (2013). Cognitive Behavioral Therapy Approach for Suicidal Thinking and Behaviors in Depression, Mental Disorders – Theoretical and Empirical Perspectives / R. Woolfolk (ed.). doi : 10.5772/52418. URL: <http://www.intechopen.com/books/mental-disorders-theoretical-and-empirical-perspectives/cognitive-behavioral-therapy-approach-for-suicidal-thinking-and-behaviors-in-depression>

Miller, A. B., Esposito-Smythers, C., Leichtweis, R. N. (2015). A short-term, prospective test of the interpersonal–psychological theory of suicidal ideation in an adolescent clinical sample. *Suicide and life-threatening behavior*, 46 (3), 337–351.

Miotto, P., De Coppi, M., Frezza, M. et al. (2003). Suicidal ideation and aggressiveness in school-aged youths. *Psychiatry Research*, 120, 247–255.

O'Connor, R. C. (2011). Towards an integrated motivational–volitional model of suicidal behavior. In R. C. O'Connor, S. Platt, J. Gordon (eds.). *International Handbook of Suicide Prevention: Research, Policy and Practice* (pp. 181–198). Chichester: John Wiley & Sons.

Schaefer, E. S. (1965). Children's reports of parental behavior: An inventory. *Child Development*, 36 (2), 413–424.

Spirito, A., Esposito-Smythers, C., Wolff, J. (2011). Cognitive-Behavioral Therapy for Adolescent Depression and Suicidality. *Child Adolesc Psychiatric Clin N Am*, 20, 191–20.

Wenzel, A., Beck, A. T. (2008). A cognitive model of suicidal behavior: Theory and treatment. *Applied and Preventive Psychology*, 12, 189–201.

УДК 159.99

А. М. Голубев, Е. А. Дорошева, И. А. Одновал

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

drew719@mail.ru, Elena.dorosheva@mail.ru, irina.odnoval@gmail.com

АДАПТАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ВЕРСИИ МНОГОФАКТОРНОГО ОПРОСНИКА СОСТОЯНИЯ СКУКИ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Проводилась предварительная проверка психометрических свойств русскоязычной версии Многофакторного опросника состояния скуки. Выборка исследования составила 365 чел., из них 114 мужчин (средний возраст – 28,4 лет) и 251 женщина (средний возраст – 24,6). Показано, что предлагаемая версия методики обладает достаточно хорошими психометрическими свойствами. Все пять шкал и общий показатель характеризуются внутренней согласованностью от хорошей до высокой. Валидность опросника оценивалась с помощью выявления корреляционных связей с показателями других методик, теоретически связанных с конструктом скуки. Были выявлены ожидаемые обратные связи с показателями психологического благополучия, вовлеченности, осознанности, прямая связь с нейротизмом. Конфирматорный факторный анализ показывает, что пятифакторная модель состояния скуки является приемлемой. Предварительные данные указывают на более высокую ретестовую надежность опросника (с интервалом – 1 месяц), чем предполагается в случае измерения ситуативного показателя. Корреляционные связи с личностными характеристиками также могут указывать на то, что методика измеряет не только ситуативное состояние скуки, но и склонность скучать.

Ключевые слова: состояние скуки, склонность к скуке, Многофакторный опросник состояния скуки, психодиагностика, конфирматорный факторный анализ.

Феномен скуки достаточно часто оказывается в фокусе научных исследований в психологии.

Голубев А. М., Дорошева Е. А., Одновал И. А. Адаптация русскоязычной версии Многофакторного опросника состояния скуки: предварительные результаты // Reflexio. 2018. Т. 11, № 2. С. 86–113.

Одним из первых исследователей, обратившихся к теме скуки как к психологическому феномену, был Э. Тардьё, еще в XIX в. в своей книге «Скука. Психологическое исследование» он приходит к заключению о том, что скука представляет собой психофизиологический комплекс. Э. Тардьё описал следующие причины скуки: «истощение физическое и умственное; недостаток разнообразия и недостаточная сила способностей; ощущение неудавшейся жизни и жизнь, обесцененную каким-нибудь изъяном; однообразие; пресыщение; чувство ничтожества жизни» [2007].

Зачастую скука описывается как результат характеристик какой-либо деятельности или совокупности условий повседневной жизни. Например, Е. П. Ильин относил скуку к эмоциональным состояниям, считая ее, наряду с апатией, обязательной спутницей монотонной работы, результатом потери интереса к ней при однообразии сенсорных воздействий, монотонии. Присутствие скуки он описывал как ослабление силы мотива, превращение его из положительного в отрицательный и в конечном счете – в стремление прервать работу [2005]. Сходно определение скуки А. О. Прохорова, относящего ее к состояниям «сниженного уровня психической активности наряду с грезами, грустью, подавленностью, тоской, печалью, горем, усталостью, страданием, утомлением, монотонией, рассеянностью, релаксацией, протрацией, кризисным состоянием и др.» [1998]. В. Л. Микюлас и С. Д. Воданович описывали «состояние относительно низкой степени возбуждения и уровня удовлетворенности, связанное с ситуацией, в которой отсутствует адекватный уровень стимуляции» [Mikulas, Vodanovich, 1993].

С. Т. Посохова определяет скуку как «сложное, неоднородное психическое состояние, развивающееся в связи с дефицитом внешней и внутренней активности, субъективное переживание которого связано с личностными особенностями и с условиями жизненной ситуации». Состояние скуки в данной концепции характеризуется следующим образом: это сознание обесценивания необходимости, интересности, значительности того, что человек воспринимает или делает; отсутствие знания того, когда данный процесс закончится, своего рода сознание беспросветности; чувство неудовлетворенности от вынужденной пассивности, даром затраченного времени; слабость или поверхностная подвижность внимания [Посохова, Рохина, 2009]. Склонность часто испытывать скуку, связанная с индивидуальными особенностями – второй аспект переживания скуки, делающей ее

не только характеристикой деятельности, но и одной из переменной диспозициональных различий.

Склонность испытывать скуку зачастую, из-за отрицательной эмоциональной окраски этого состояния, становится существенной проблемой для склонного скучать человека. В значительном круге работ была показана ассоциация склонности скуки с различными патологическими состояниями: депрессией и тревогой [Farmer, Sundberg, 1986; Sommers, Vodanovich, 2000], апатией [Ahmed, 1990], враждебностью и гневом [Rupp, Vodanovich, 1997], отрицательными эмоциями в целом [Gordon et al., 1997], алекситимией [Eastwood et al., 2007], соматическими симптомами [Sommers, Vodanovich, 2000], аддиктивным поведением (нарушениями пищевого поведения, потреблением алкоголя, наркотиков, игроманией) [Stickney, Miltenberger, 1999; Mercer, Eastwood, 2010; Lee et al., 2007]. Также показана связь скуки со снижением удовлетворенности работой [Kass et al., 2001], школьной успеваемости [Jarvis, Seifert, 2002], активности и общительности [Посохова, Рохина, 2015], уровня осмысленности жизни [Farmer, Sundberg, 1986] и другими показателями, связанными с благополучием личности. Нужно отметить, что, как любая отрицательная эмоция, скука выполняет регулирующую функцию – она указывает на необходимость смены деятельности на более удовлетворяющую потребностям, может служить источником творчества [Belton, Priyadharshini, 2007; Elpidorou, 2018]. Становясь привычным состоянием, скука указывает на то, что по какой-то причине необходимые изменения не происходят, человек хронически находится в неудовлетворяющей его ситуации.

Следует также отметить, что в последнее время предпринимаются попытки создания интегральных концепций скуки. Например, Е. Вестгейт и Т. Вилсон в своей статье с увлекательным названием «Скучные мысли и скучный ум: модель скуки и познавательной активности» предлагают схему, согласно которой скука включает два компонента: компонент внимания, т. е. несоответствие между когнитивными потребностями и доступными психическими ресурсами, и компонент деятельности – несоответствие между действиями и значимыми целями (либо отсутствием значимых целей). Авторы эмпирически доказывают, что компоненты порождают скуку независимо друг от друга и соответствуют разным видам скуки [Westgate, Wilson, 2018].

Существует ряд зарубежных опросников, направленных на измерение скуки. В отечественном психодиагностическом инструментарии вербальных опросников, позволяющих осуществить самооценочную диагностику текущего или привычного состояния, скуки практически нет; в основном для этой цели используются шкалы отдельных методик, измеряющих другие феномены (например, косвенно склонность к скуке могут диагностировать низкие баллы по шкале «Вовлеченность» в адаптированных на российской выборке версиях методики С. Мадди «Жизнестойкость»). Также используются экспериментальные методы, измеряющие склонность скучать в определенных, задаваемых экспериментатором условиях (см., например: [Посохова, Рохина, 2015]). Их преимущество состоит в исключении фактора самооценки, спорные моменты – в том, что измеряется только текущее состояние испытуемых, интерпретация выявленных данных может быть неоднозначна (смещение феноменов).

Вместе с тем эмпирическое изучение феномена скуки представляется весьма актуальным, как в исследованиях, посвященных определению характеристик какой-либо деятельности, так и для выявления индивидуальных особенностей, а также для проверки теоретических моделей скуки в структуре психического функционирования.

Одна из широко используемых в зарубежных исследованиях методик – Многомерная шкала состояния скуки (Multidimensional State Boredom Scale, MSBS), разработанная С. А. Фолманом и соавторами [Fahlman et al., 2011]. Разработчики методики предполагали, что опросник может быть использован как для изучения склонности к скуке, так и для измерения ситуативного состояния скуки, причем акцент делается на скуке как состоянии.

В основу опросника легла теоретическая модели скуки, разработанная авторами. В ее рамках скука была определена как отрицательное переживание неисполненного желания заняться деятельностью, направленной на удовлетворение потребностей. В терминах активации скучающий человек или перевозбужден, чрезвычайно взволнован, или заторможен, его возбуждение слишком низко. Со стороны когнитивных процессов в состоянии скуки отмечается медленное течение времени и неспособность сфокусировать внимание.

Данная модель была подтверждена эмпирически. Для этого на первом этапе исследования респондентам задавали вопросы: «Опишите, что для Вас означает скука» и «Каков Ваш опыт переживания скуки? Пожалуйста, опишите, что Вы думаете / чувствуете, пока вам скуч-

но». Ответы были подвергнуты анализу, в результате которого выделили шесть основных тем: (а) отключение или усиление при включении в происходящее; (б) скука как негативный или нежелательный опыт; (в) эмоции и мысли, которые сопровождают скуку; (г) изменения восприятия времени; (д) преодоление скуки и (е) отсутствие скуки (например, «я всегда занят и не скучаю»). Последние две темы не рассматривались, как относящиеся не к определению скуки, а к другим смежным темам; первые четыре темы, согласно мнению авторов, соответствовали ранее разработанной ими теоретической модели.

На основе данных тем были сконструированы 76 первоначальных пунктов методики, по итогам эксплораторного факторного анализа их число было сокращено до 44. В результате последующего конфирматорного анализа со сравнением четырех моделей по совокупности показателей пригодности моделей и возможности интерпретировать факторы была выбрана пятифакторная модель, а число пунктов сокращено до 26. Пять выделенных факторов, составивших шкалы опросника, были обозначены как: невовлеченность, высокое возбуждение, низкое возбуждение, невнимание, восприятие времени. Затем были добавлены дополнительные пункты в два фактора с недостаточным их количеством; итоговое число пунктов опросника составило 29. В серии эмпирических исследований были показаны хорошие психометрические показатели методики.

Данная работа посвящена предварительной адаптации русскоязычной версии Многомерной шкалы состояния скуки.

Решались следующие задачи.

1. Перевод опросника.
2. Определение согласованности шкал опросника.
3. Предварительная оценка конструкторной валидности.
4. Оценка пригодности пятифакторной модели состояния скуки с помощью конфирматорного факторного анализа.
5. Предварительная оценка ретестовой надежности опросника.

Материалы и методы исследования

Выборка. В исследовании принимало участие 365 чел. в возрасте от 16 до 77 лет. Из них 114 мужчин (средний возраст – 28,4 лет) и 251 женщина (средний возраст – 24,6).

Материалы. Использовалась русскоязычная версия опросника состояния скуки MSBS С. А. Фолмана и др. [Fahlman et al., 2011]. Для перевода пунктов опросника на русский язык были привлечены профессиональные переводчики. В русскоязычную версию были включены все пункты исходного опросника. Бланк опросника и ключ приведены в приложении.

Нами были рассмотрены предлагаемые авторами названия шкал опросников и для русскоязычной версии внесены некоторые изменения в соответствии с конкретным содержанием шкал. Сохранена точность перевода для названий шкал «невовлеченность» (Disengagement), «невнимательность» (Inattention). Изменены названия шкал: High Arousal – «раздражительность» (поскольку пункты, вслед за компонентом теоретической модели, отражают не просто повышение возбуждения, но и его негативную окраску, проявляющуюся прежде всего в раздражении); Low Arousal – «подавленность» (также для того, чтобы отметить негативную окраску низкого возбуждения); Time Perception – «субъективное замедление времени» (уточнение того, что именно описывается в восприятии времени).

В шкалы входят следующие пункты.

Невовлеченность: 2, 7, 9, 10, 13, 17, 19, 22, 24, 28.

Раздражительность: 5, 12, 14, 21, 27.

Подавленность: 3, 16, 20, 23.

Невнимание: 4, 8, 15, 25, 29.

Субъективное замедление времени: 1, 6, 11, 18, 26.

Кроме основного опросника части респондентов предлагалось выполнить другие методики: Оксфордский опросник счастья [Голубев, Дорошева, 2017]; Опросник психологического благополучия К. Рифф [Шевеленкова, Фесенко, 2005]; Опросник жизнестойкости С. Мадди [Леонтьев, Рассказова, 2006]; Опросник осознанности MAAS [Голубев, 2012]; Пятифакторный опросник осознанности FFMQ [Голубев, Дорошева, 2018]; Маркеры большой пятерки [Князев и др., 2010].

30 респондентов заполняли опросник повторно, через месяц после первого тестирования, для получения предварительных результатов о ретестовой надежности методики.

Статистическая обработка. Внутренняя согласованность шкал опросника оценивалась с помощью коэффициента альфа Кронбаха. В анализе пунктов на соответствие пятифакторной структуре использовался метод наименьших квадратов с косоугольным вращением, а также исправленные корреляции между пунктами и суммарными

показателями шкал. Оценка приемлемости пятифакторной модели состояния скуки осуществлялась средствами структурного моделирования SEM.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Внутренняя согласованность шкал опросника.

Внутренняя согласованность общего показателя скуки достаточно высокая (0,94), как и в оригинальной версии опросника. Значения коэффициента Кронбаха для отдельных шкал варьирует от 0,76 до 0,89: 0,89 (невовлеченность); 0,76 (раздражительность; в английской версии опросника альфа для этой шкалы 0,85), 0,89 (подавленность), 0,85 (невнимание), 0,89 (субъективное замедление времени).

2. Проверка пятифакторной структуры опросника с помощью метода наименьших квадратов.

Структура связей между пунктами опросника осознанности анализировалась с помощью метода наименьших квадратов ОНК с коосугольным вращением прямой облимин (дельта 0). Количество факторов устанавливалось равное пяти, в соответствии с пятифакторной структурой англоязычного варианта опросника. Факторный анализ оправдан: мера Кайзера–Майера–Олкина (КМО = 0,937) свидетельствует о высокой адекватности выборки, критерий сферичности Бартлетта демонстрирует статистически значимый результат ($p < 0,001$). Пятифакторное решение объясняет 63,59 % дисперсии, при этом на первый фактор приходится 38 %. Из табл. 1 видно, что два пункта опросника (5-й и 16-й) неоднозначно распределяются по соответствующим факторам, а два других (13-й и 17-й) имеют наибольшую нагрузку в первом факторе, а не в третьем, как должно было быть. Пятый фактор, который представляет собой шкалу раздражительности, содержит два пункта с невысокими нагрузками, что, вероятно, при небольшом объеме шкалы (всего пять пунктов) может снижать внутреннюю согласованность шкалы (это в принципе и наблюдается). Корреляции между этими пунктами и итоговым показателем по шкале НА также сохраняются невысокими (табл. 2).

В табл. 2 представлены коэффициенты исправленной корреляции, т. е. с вычетом самого пункта при суммировании, между пунктами опросника и итоговыми суммами как по всему опроснику, так и отдельных шкал. Все вопросы, за исключением 14, коррелируют на достаточном уровне с общим показателем по всему опроснику.

Таблица 1

Значения факторных нагрузок пунктов опросника *

Пункт опросника	Факторные нагрузки				
	(1) LA	(2) TP	(3) DIS	(4) IN	(5) HA
2. Я оказался заложником ситуации, не имеющей ко мне никакого отношения.			0,375		
7. Мне все кажется повторяющимся и рутинным.			0,539		
9. Мне кажется, я вынужден заниматься чем-то, не имеющим для меня никакой ценности.			0,815		
10. Мне скучно.			0,679		
13. Я не могу принять решение или не уверен, что делать дальше.	0,471		0,085	0,335	
17. Я хочу сделать что-нибудь интересное, но меня ничего не привлекает.	0,428		0,256		
19. Мне хотелось бы заниматься чем-то более увлекательным.			0,731		
22. Я зря теряю время, которое мог бы потратить на что-то другое.			0,635		
24. Я хочу, чтобы что-то произошло, но не знаю, что именно.			0,350		
28. Я чувствую себя так, будто сижу и жду, когда что-нибудь случится.			0,512		
5. Кажется, сейчас все раздражает меня.	0,399				0,664
12. Мое настроение более изменчиво, чем обычно.					0,483

Окончание табл. 1

Пункт опросника	Факторные нагрузки				
	(1) LA	(2) TP	(3) DIS	(4) IN	(5) HA
14. Я чувствую себя возбужденным.					0,352
21. В настоящий момент я чувствую нетерпение.					0,325
27. Меня раздражают окружающие.					0,577
4. Мне одиноко.	0,738				
8. Я чувствую себя подавленным.	0,796				
15. Я чувствую себя опустошенным.	0,754				
25. Я чувствую себя отрезанным от остального мира.	0,619				
29. Мне кажется, что мне не с кем поговорить.	0,696				
3. Я легко отвлекаюсь.				0,679	
16. Мне трудно сосредоточиться.	0,300			0,680	
20. Концентрация внимания у меня слабее, чем обычно.				0,448	
23. Мои мысли где-то витают.				0,508	
1. Время идет медленнее, чем обычно.		0,783			
6. Я бы хотел, чтобы время шло быстрее.		0,618			
11. Время тянется очень медленно.		0,854			
18. Время движется очень медленно.		0,931			
26. В настоящий момент мне кажется, что время течет медленно.		0,768			

* Примечание. В таблице представлены все значения, превышающие 0,2. Сокращенные названия шкал Многофакторного опросника состояния скуки здесь, в табл. 2, 4 и на рис. 1, 2: DIS – невовлеченность, HA – раздражительность, LA – подавленность, IN – невниманье, TP – субъективное замедление времени.

Таблица 2

Исправленные коэффициенты корреляций между пунктами
опросника и суммарным показателем

Пункт опросника	Общий	DIS	HA	LA	IN	TP
2. Я оказался заложником ситуации, не имеющей ко мне никакого отношения.	0,45	0,45				
7. Мне все кажется повторяющимся и рутинным.	0,64	0,66				
9. Мне кажется, я вынужден заниматься чем-то, не имеющим для меня никакой ценности.	0,64	0,71				
10. Мне скучно.	0,68	0,72				
13. Я не могу принять решение или не уверен, что делать дальше.	0,68	0,58				
17. Я хочу сделать что-нибудь интересное, но меня ничего не привлекает.	0,63	0,62				
19. Мне хотелось бы заниматься чем-то более увлекательным.	0,53	0,63				
22. Я зря теряю время, которое мог бы потратить на что-то другое.	0,56	0,57				
24. Я хочу, чтобы что-то произошло, но не знаю, что именно.	0,60	0,59				
28. Я чувствую себя так, будто сижу и жду, когда что-нибудь случится.	0,73	0,74				
5. Кажется, сейчас все раздражает меня.	0,70		0,69			
12. Мое настроение более изменчиво, чем обычно.	0,62		0,64			

Окончание табл. 2

Пункт опросника	Общий	DIS	HA	LA	IN	TP
14. Я чувствую себя возбужденным.	0,20		0,32			
21. В настоящий момент я чувствую нетерпение.	0,39		0,40			
27. Меня раздражают окружающие.	0,65		0,63			
4. Мне одиноко.	0,66			0,75		
8. Я чувствую себя подавленным.	0,75			0,78		
15. Я чувствую себя опустошенным.	0,71			0,74		
25. Я чувствую себя отрезанным от остального мира.	0,68			0,71		
29. Мне кажется, что мне не с кем поговорить.	0,56			0,66		
3. Я легко отвлекаюсь.	0,49				0,64	
16. Мне трудно сосредоточиться.	0,69				0,79	
20. Концентрация внимания у меня слабее, чем обычно.	0,62				0,65	
23. Мои мысли где-то витают.	0,68				0,69	
1. Время идет медленнее, чем обычно.	0,33					0,69
6. Я бы хотел, чтобы время шло быстрее.	0,35					0,59
11. Время тянется очень медленно.	0,54					0,81
18. Время движется очень медленно.	0,50					0,84
26. В настоящий момент мне кажется, что время течет медленно.	0,52					0,73

3. Конфирматорный факторный анализ.

Для оценки приемлемости пятифакторной модели состояния скуки нами был проведен конфирматорный факторный анализ CFA средствами программы моделирования структурными уравнениями AMOS 22. Был использован метод максимального правдоподобия. В качестве индексов подгонки были взяты CFI, NFI, GFI, среднеквадратичная ошибка аппроксимации RMSEA.

Поскольку целью нашего исследования была оценка отношений между шкалами, а не конкретного исполнения отдельных пунктов опросников, мы проводили CFA не по отдельным вопросам, а по «пакетам», полученным как усредненная сумма по двум или трем пунктам. Такая тактика имеет ряд преимуществ, описанных Р. А. Байер и др. [Baer et al., 2006]. Во-первых, повышается вариативность (разброс значений) и стабильность анализируемых параметров. Во-вторых, сокращается количество параметров, что отражается на снижении риска столкновения с артефактами в матрице корреляций и требует меньший объем выборки данных. Использование пакетов возможно в том случае, если оцениваемые шкалы обладают достаточным уровнем надежности (внутренней согласованности).

Рассматривались три варианта моделей: однофакторная, пятифакторная, пятифакторная со вторичным фактором (иерархическая). Статистически значимыми были регрессионные коэффициенты, дисперсии факторов и ковариации между ошибками. Результаты CFA априорных и скорректированных представлены в табл. 3. Коррекция (пошаговая модификация) моделей осуществлялась введением нескольких дополнительных связей между некоторыми ошибками пунктов, которые давали наибольший эффект на значение χ^2 . Коррекция проводилась до тех пор, пока оценка точности R_{close} не стала превышать 1. Эффект от коррекции для пятифакторных моделей наступал достаточно быстро (3–5 дополнительных связей), что отражалось на среднеквадратичной ошибке аппроксимации RMSEA и других индексах подгонки. Хорошие показатели CFA свидетельствуют о приемлемости пятифакторной модели. Несмотря на то, что априорная однофакторная модель была намного хуже априорных пятифакторных, она также достаточно легко поддавалась коррекции, а различия между скорректированными моделями не обнаруживались на значимом уровне.

Таблица 3

Суммарные оценки альтернативных факторных моделей состояния скуки

Априорные модели	df	χ^2	χ^2/df	NFI	CFI	GFI	RMSEA
Один фактор	54	730,8**	13,5	0,752	0,765	0,771	0,186
5 факторов	44	154,7**	3,5	0,948	0,962	0,938	0,083
5 факторов (иерархическая)	49	181,6**	3,7	0,938	0,954	0,925	0,086
Скорректированные модели							
Один фактор	45	101,1**	2,3	0,996	0,981	0,957	0,059
5 факторов	41	97,9**	2,4	0,967	0,980	0,960	0,062
5 факторов (иерархическая)	44	99,5**	2,3	0,966	0,981	0,958	0,059
Дополнительные модели (априорные)							
Прямая связь с 5 шкалами	5	26,0**	5,2	0,969	0,975	0,974	0,108
Связь TP через DIS	5	17,7*	3,5	0,979	0,985	0,981	0,084

Примечание. * значимость < 0,01; ** значимость < 0,001.

На рис. 1 изображены результаты CFA для пятифакторных моделей. Все шкалы в пятифакторной модели состояния скуки имели значимые связи между собой. В иерархической модели наиболее тесная связь с общим показателем по опроснику скуки была со шкалой невовлеченность (DIS), а наименее тесная с восприятием времени (TP).

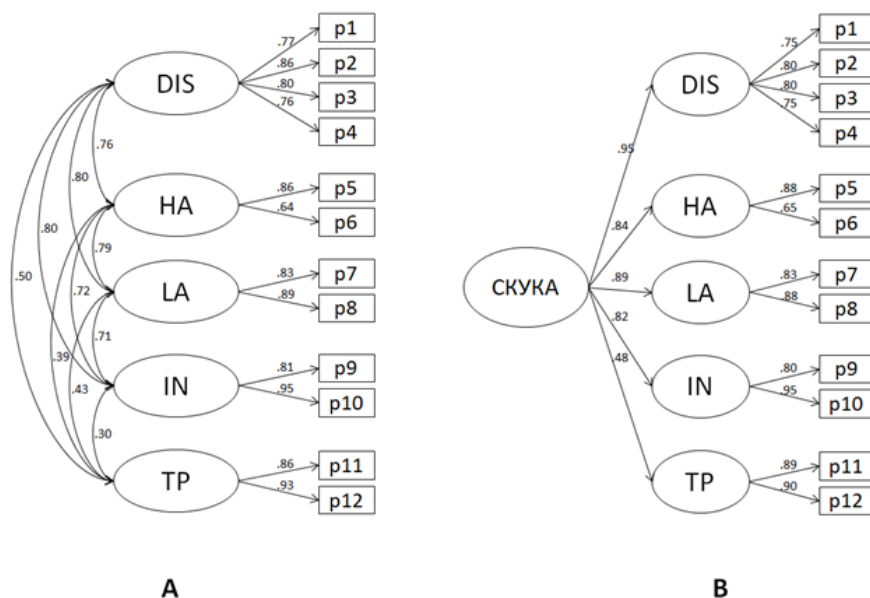

Рис. 1. Скорректированные модели состояния скуки: А – пятифакторная модель, В – иерархическая пятифакторная модель

Следует заметить, что шкалы опросника имеют достаточно высокие корреляции друг с другом (табл. 4), за исключением шкалы восприятия времени (TP). Для анализа особенностей связи этого показателя мы дополнительно рассмотрели модели, в которых был представлен один латентный фактор (общий фактор скуки) и пять явных переменных (значения шкал опросника). В этих моделях переменная TP рассматривалась в разных вариантах: непосредственная связь с латентным фактором (С) и связь с другими четырьмя явными переменными (4 варианта). Из всех вариантов наиболее интересными, заслуживающими внимания, были модель как с прямой связью с латентным фактором скуки, так и модель, где TP связывается с показателем невовлеченности DIS. При этом второй вариант модели (D) по индексам подгонки выглядел несколько более привлекательным

по сравнению с первым (С). Такой результат предполагает более внимательное изучение роли восприятия времени для многофакторной модели состояния скуки, что можно реализовать в отдельных исследованиях (рис. 2).

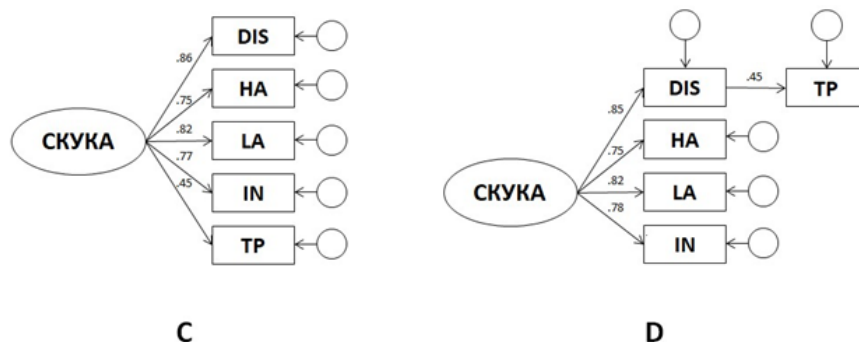

Рис. 2. Априорные модели состояния скуки, построенные на основе показателей шкал опросника: С – показатель TP с непосредственной связью с латентным фактором скуки; D – показатель TP опосредуется связью с показателем DIS

4. Взаимосвязи шкал опросника с другими конструктами.

В табл. 4 представлены результаты рангового корреляционного анализа (по Ч. Спирмену) между шкалами пятифакторного опросника и показателями других методик. Выбор методик основывался на предположениях о вероятных, логически обусловленных (в соответствии с валидностью) связях между различными аспектами состояния скуки и различными психологическими конструктами. В подборе методик в исследовании валидности принимался во внимание также подход разработчиков оригинальной версии опросника скуки.

Аспекты скуки и психологическое благополучие. С. А. Фолман с соавторами установили, что все аспекты состояния скуки имеют обратные связи с удовлетворенностью жизнью, при этом для таких аспектов, как невовлеченность и подавленность эта связь была более тесная по сравнению с другими. Менее выраженную обратную связь с удовлетворенностью жизнью демонстрировала шкала субъективного восприятия времени.

В нашем исследовании психологическое благополучие измерялось с помощью Оксфордского опросника счастья и методики К. Рифф. Так же как и в оригинальном исследовании, были получены значимые связи между всеми аспектами состояния скуки и показателями

благополучия. Особенности, касающиеся тесноты связи, при этом также сохранялись. Можно предположить, что субъективное замедление времени относится в большей степени к аспектам скуки, которые связаны с монотонной, рутинной, привычной деятельностью, отсутствием ярких или рискованных моментов. Обстоятельства монотонии и рутины сами по себе в меньшей степени связаны со снижением благополучия. Как невовлеченность, так и подавленность предполагают снижение энергии, невовлеченность – также дефицит смыслового компонента деятельности, подавленность – наличие отрицательных переживаний; все это явно имеет отношение к снижению психологического благополучия.

В целом, полученные связи соответствуют ожидаемым.

Аспекты скуки и нейротизм. Так же как и ожидалось, были получены значимые прямые корреляционные связи между всеми аспектами состояния скуки и уровнем выраженности нейротизма. Как и в случае с психологическим благополучием, наиболее тесная связь наблюдалась со шкалами невовлеченности и подавленности. Аналогичные результаты получены С. А. Фолман и др. [Fahlman et al., 2011]. Эти связи являются логичными, поскольку нейротизм отражает эмоциональную неустойчивость, более выраженную подверженность стрессам, общую проблему приспособляемости к жизни, склонность испытывать различные негативные состояния, такие как страх, раздражение, грусть, чувство вины и, вероятно, скуки. Из остальных маркеров большой пятерки, кроме нейротизма, была получена единственная слабая обратная связь между сознательностью (самоконтролем) и общим показателем скуки (и только одним ее аспектом – невовлеченностью). Сознательность отражает, в частности, такие качества, как настойчивость, тщательность, хороший контроль в деятельности, и ее взаимосвязь с вовлеченностью представляется логичной.

Аспекты скуки и осознанность. Согласно ряду исследований, осознанность (mindfulness) признается одним из важных аспектов психологического благополучия. Снижение осознанности наблюдается, если человек погружен в прошлое, беспокоится о будущем, фантазирует, действует на автомате, поглощен проблемами. Для такого состояния характерны различные негативные эмоции: неудовлетворенность, разочарование, сожаление, тревога. Проявляются проблемы с вниманием и общей организацией своей жизни, что может способствовать более частому возникновению состояния скуки. Мы предположили, что состояние скуки и состояние осознанности являются обратными. Действительно, нами были получены значимые

связи всех аспектов состояния скуки с общей выраженностью осознанности и четырьмя ее аспектами (за исключением «наблюдения»).

Аспекты скуки и наличие целей в жизни. С. А. Фолман и др. [Fahlman et al., 2011] указывали на связи между всеми аспектами скуки и наличием цели в жизни. В нашем исследовании удалось обнаружить такие связи только с тремя из пяти шкал опросника: невовлеченность, подавленность и невнимательность. Наличие целей в жизни оценивалась нами с помощью соответствующей шкалы опросника К. Рифф, измеряющего психологическое благополучие. Отсутствие связей с двумя другими аспектами скуки может быть объяснено недостаточным объемом выборки, поскольку и в оригинальном исследовании на большем объеме данных корреляции между целями в жизни и такими аспектами, как раздражительность и субъективное замедление времени были невысокими. Можно предположить, что субъективное замедление времени может быть связано с текущими характеристиками деятельности респондентов в большей степени, чем с их общими жизненными установками. Также не исключено, что раздражительность, в отличие от внутренней пустоты, связана в большей степени с препятствиями на пути достижения целей, чем с их отсутствием. Безусловно, эти предположения нуждаются в дополнительной проверке.

Скука и жизнестойкость. Шкала «вовлеченность» опросника С. Мадди определяется как «убежденность в том, что вовлеченность в происходящее дает максимальный шанс найти нечто стоящее и интересное для личности» [Леонтьев, Рассказова, 2006]. Высокая вовлеченность указывает на способность получать удовольствие от своей деятельности, ощущения ее значимости, низкая – связана с ощущением отвергнутости, пребывания «вне» жизни. Мы предположили, что состояние скуки будет противоположным состоянию вовлеченности, и получили ожидаемые обратные корреляционные связи. Кроме того, показатели шкал изучаемого опросника отрицательно коррелируют с показателями шкалы «контроль» опросника жизнестойкости. Высокий показатель по шкале контроля указывает на убеждения в том, что действия, преодоление препятствий влияют на происходящее, позволяют достигать целей; низкие указывают на ощущение беспомощности. Модели скуки описывают возникновение этого состояния как результат того, что человек не может, по каким-то причинам, заниматься тем, что соответствует его потребностям. Исходя из этого, обратная связь скуки и установки на контроль или его отсутствия в структуре жизнестойкости также соответствует представлениям о скуке как психологическом феномене.

Таблица 4

Значения коэффициентов корреляций между различными аспектами скуки и показателями других методик*

Показатель	DIS	HA	LA	IN	TP	Общий
HA	0,610					
LA	0,707	0,631				
IN	0,679	0,615	0,606			
TP	0,447	0,325	0,373	0,263		
Оксфордский опросник счастья	-0,494	-0,269	-0,537	-0,346	-0,304	-0,494
Психологическое благополучие / суммарно / Рифф	-0,646	-0,311	-0,617	-0,423		-0,627
Позитивные отношения / Рифф	-0,309		-0,577			-0,398
Управление средой / Рифф	-0,670	-0,464	-0,574	-0,616		-0,705
Личностный рост / Рифф	-0,428		-0,390			-0,374

Окончание табл. 4									
Показатель	DIS	HA	LA	IN	TP	Общий			
Цели в жизни / Рифф	-0,582		-0,388	-0,375		-0,513			
Самопринятие / Рифф	-0,734	-0,375	-0,693	-0,469		-0,717			
Вовлеченность / опросник Мадди	-0,741	-0,515	-0,711	-0,533	-0,238	-0,760			
Контроль / опросник Мадди	-0,665	-0,440	-0,563	-0,564		-0,663			
Принятие риска / опросник Мадди	-0,336		-0,347			-0,330			
Опросник осознанности МААS	-0,418	-0,294	-0,393	-0,412	-0,278	-0,461			
Описание / FFMQ	-0,280		-0,338	-0,284	-0,203	-0,318			
Осознанная активность / FFMQ	-0,415	-0,305	-0,406	-0,574	-0,303	-0,499			
Безоценочность / FFMQ	-0,353	-0,214	-0,355	-0,340	-0,212	-0,395			
Нереагирование / FFMQ	-0,304	-0,315	-0,408	-0,243	-0,273	-0,383			
Нейротизм / Big5	0,356	0,382	0,525	0,349	0,293	0,478			
Сознательность / Big5	-0,267					-0,260			

* Примечание. Отображены все коэффициенты корреляций, значимые на уровне 0,01.

Таким образом, нами получены ожидаемые связи с другими показателями, указывающие на конструктивную валидность опросника. Кроме того, получены дополнительные результаты: анализ характера связей отдельных аспектов скуки с другими психологическими конструктами позволяет сделать заключение об особенностях такого аспекта скуки, как субъективное замедление времени. Для этого показателя наблюдалось частое отсутствие связей с психологическими конструктами, связанными с другими аспектами скуки. На специфику субъективного замедления времени в ряду других аспектов скуки также указывают результаты конфирматорного анализа. Дальнейшее изучение этого аспекта является важным для установления его действительной роли в многофакторной модели состояния скуки.

5. *Ретестовая надежность пятифакторного опросника состояния скуки.* Предварительное изучение ретестовой надежности для интервала 1 месяц показало умеренные коэффициенты корреляций (от 0,62 до 0,71; для шкалы субъективного замедления времени – 0,45). Такие коэффициенты надежности указывают на достаточную устойчивость показателей во времени, что вызывает некоторые сомнения в измерении текущего состояния скуки, как предполагалось авторами опросника (а не устойчивой характеристики). В дальнейшем необходимо провести исследование на выборке большего объема и более длительными интервалами между тестированиями.

Заключение

1. Русскоязычный вариант многомерного опросника состояния скуки MSBS обладает достаточно хорошими психометрическими свойствами. Все пять шкал и общий показатель характеризуются внутренней согласованностью от хорошей до высокой. Показатели опросника демонстрируют ожидаемые корреляционные связи с другими психологическими конструктами.

2. Конфирматорный факторный анализ показал, что пятифакторная модель состояния скуки является приемлемой. Анализ пунктов опросника методом наименьших квадратов позволил выявить незначительные отклонения в структуре опросника, которые можно откорректировать пересмотром перевода некоторых пунктов.

3. Предварительные данные указывают на более высокую ретестовую надежность опросника, чем предполагается в случае измерения ситуативного показателя. Возможно, опросник измеряет также склонность ко скуке.

Список литературы

Голубев А. М. Природа полноты сознания. Адаптация опросника внимательности и осознанности МААС // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Психология, 2012. Т. 6, вып. 2. С. 44–51.

Голубев А. М., Дорошева Е. А. Апробация «Оксфордского опросника счастья» на российской выборке // Психологический журнал. 2017. Т. 38, № 3. С. 112–122.

Голубев А. М., Дорошева Е. А. Особенности применения русскоязычной версии пятифакторного опросника осознанности // Сиб. психол. журн. 2018. № 69. С. 46–58.

Ильин Е. П. Психофизиология состояний человека. СПб.: Питер, 2005. 412 с.

Князев Г. Г., Митрофанова Л. Г., Бочаров В. А. Валидизация русскоязычной версии опросника Л. Голдберга «Маркеры факторов “Большой пятерки”» // Психологический журнал. 2010. Т. 31, № 5. С. 100–110.

Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. Методическое руководство по новой методике психологической диагностики личности с широкой областью применения. Предназначается для профессиональных психологов-исследователей и практиков. М.: Смысл, 2006.

Посохова С. Т., Рохина Е. В. Скука как особое психическое состояние человека // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. 2009. Сер. 12, Вып. 2, ч. 1. С. 5–13.

Посохова С. Т., Рохина Е. В. Предрасположенность к скуке как признак психической уязвимости личности // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. 2015. Вып. 4. С. 46–54.

Прохоров А. О. Психология неравновесных состояний. М.: Изд-во ИП РАН, 1998. 152 с.

Тардые Э. Скука. Психологическое исследование. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 256 с.

Шевеленкова Т. Д., Фесенко П. П. Психологическое благополучие личности. Обзор основных концепций и методика исследования // Психологическая диагностика. 2005. № 3. С. 95–122.

Ahmed S. M. S. Psychometric properties of the Boredom Proneness Scale // Perceptual and Motor Skills. 1990. Vol. 71. P. 963–966.

Baer R. A., Smith G. T., Hopkins J., Krietemeyer J., Toney L. Using Self-Report Assessment Methods to Explore Facets of Mindfulness // Assessment. 2006. Vol. 13, No 1. P. 27–45.

Belton T., Priyadharshini E. Boredom and schooling: A cross-disciplinary exploration // *Cambridge Journal of Education*. 2007. Vol. 37 (4). P. 579–595.

Gordon A., Wilkinson R., McGown A., Jovanoska S. The psychometric properties of the boredom proneness scale: an examination of its validity // *Psychological Studies*. 1997. Vol. 42. P. 85–97.

Eastwood J. D., Cavaliere C., Fahlman S. A., Eastwood A. E. A desire for desires: Boredom and its relation to alexithymia // *Personality and Individual Differences*. 2007. Vol. 42. P. 1035–1045.

Elpidorou A. The bored mind is a guiding mind: toward a regulatory theory of boredom // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. 2018. Vol. 17 (3). P. 455–484.

Fahlman S. A., Mercer K. B., Gaskovski P., Eastwood A. E., Eastwood J. D. Does a lack of life meaning cause boredom? Results from psychometric, longitudinal, and experimental analyses // *Journal of Social and Clinical Psychology*. 2009. Vol. 28. P. 307–340.

Fahlman S. A., Mercer-Lynn K. B., Flora D. B., Eastwood J. D. Development and Validation of the Multidimensional State Boredom Scale // *Assessment*. 2011. Vol. 20 (1). P. 68–85.

Farmer R., Sundberg N. D. Boredom proneness: The development and correlates of a new scale // *Journal of Personality Assessment*. 1986. Vol. 50. P. 4–17.

Jarvis S., Seifert T. Work avoidance as a manifestation of hostility, helplessness, and boredom // *Alberta Journal of Education Research*, 2002. Vol. 48. P. 174–187.

Kass S. J., Vodanovich S. J., Callender A. State-traitboredom: Relationship to absenteeism, tenure, and job satisfaction // *Journal of Business and Psychology*. 2001. Vol. 16. P. 317–327.

Lee C. M., Neighbors C., Woods B. A. Marijuana motives: Young adults' reasons for using marijuana // *Addictive Behaviors*, 2007. Vol. 32. P. 1384–1394.

Mercer K. B., Eastwood J. D. Is boredom associated with problem gambling behaviour? It depends on what you mean by «boredom» // *International Gambling Studies*. 2010. Vol. 10. P. 91–104.

Mikulas W. L., Vodanovich S. The essence of boredom // *Psychological Record*. 1993. Vol. 43 (1). P. 3–12.

Rupp D. E., Vodanovich S. J. The role of boredom proneness in self-reported anger and aggression // *Journal of Social Behavior and Personality*. 1997. Vol. 12. P. 925–936.

Sommers J., Vodanovich S. J. Boredom proneness: its relationship to psychological- and physical-health symptoms // *Journal of Clinical Psychology*. 2000. Vol. 56. P. 149–155 .

Stickney M. I., Miltenberger R. G. Evaluating direct and indirect measures for the functional assessment of binge eating // *International Journal of Eating Disorders*. 1999. Vol. 26. P. 195–204.

Westgate E., Wilson T. Boring Thoughts and Bored Minds: The MAC Model of Boredom and Cognitive Engagement // *Psychological Review*, 2018. In print. Retrieved from: https://www.researchgate.net/publication/326157367_Boring_Thoughts_and_Bored_Minds_The_MAC_Model_of_Boredom_and_Cognitive_Engagement

Материал поступил в редколлегию 02.09.2018

A. M. Golubev, E. A. Dorosheva, I. A. Odnoval

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

drew719@mail.ru, Elena.dorosheva@mail.ru, irina.odnoval@gmail.com

ADAPTATION OF THE RUSSIAN-LANGUAGE VERSION OF MULTIDIMENSIONAL STATE BOREDOM SCALE: PRELIMINARY RESULTS

The study is devoted to preliminary adaptation of Russian-language version of Multidimensional State Boredom Scale. The sample consists of 365 persons, with 114 males ($M=28,4$) and 251 females ($M=24,6$) among them. It is shown that suggested version of the methods has good psychometric properties. All five scales and total scale have internal consistency from good to high. Validity of the questionnaire was evaluated by means of correlations with scales that theoretically are connected with the boredom construct. Revealed were expected negative correlations with psychological well-being, involvement, mindfulness, as well as positive correlation with neuroticism. Confirmatory factor analysis shows that the five-factor model of the state of boredom is acceptable. According to preliminary results, test-retest reliability of the questionnaire obtained during one month period is rather higher than expected for the situational indicator. Scale's correlations with personal characteristics can also

indicate that the methods measure not only the state of boredom, but also the tendency to be bored.

Keywords: state boredom, tendency to be bored, Multidimensional State Boredom Scale, confirmatory factor analysis (CFA)

References

Golubev, A. M. (2012). Priroda polnoty soznaniia. Adaptatsiia oprosnika vnimatelnosti i osoznannosti MAAS [The nature of mindfulness. Translation and adaptation of MAAS]. *Vestnik NGU. Psihologiya*, 6 (2), 44–51. (in Russ.)

Golubev, A. M., Dorosheva, E. A. (2017). Aprobatsiia «Oksfordskogo oprosnika schast'ia» na rossiyskoy vyborke [Approbation of «Oxford happiness questionnaire» on the Russian Sample]. *Psihologicheskij zhurnal*, 38 (3), 112–122 (in Russ.)

Golubev, A. M., Dorosheva, E. A. (2018). Osobennosti primeniia russkoiazыchnoy versii piatifaktornogo oprosnika osoznannosti [Psychometrical characteristics and applied features of a Russian version of Five facets Mindfulness Questionary (FFMQ)]. *Sibirskij psihologicheskij zhurnal*, 69, 46–58 (in Russ.)

Ilin, E. P. (2005). *Psihofiziologiya sostoyanij cheloveka* [Psychophysiology of human states]. SPb., Piter (in Russ.)

Kniazev, G. G., Mitrofanova, L. G., Bocharov, V. A. (2010). Validizatsiia russkoiazыchnoj versii oprosnika L. Goldberga «Markery faktorov “Bolshoj piaterki”» [Validation of Russian version of L. Goldberg's questionnaire «Markers of Big Five factors»]. *Psihologicheskij zhurnal*, 31 (5), 100–110 (in Russ.)

Leontev, D. A., Rasskazova, E. I. (2006). *Test zhiznestojkosti. Metodicheskoe rukovodstvo po novej metodike psihologicheskoy diagnostiki lichnosti s shirokoy oblast'iu primeniia* [Hardiness Survey. Methodical guidance on a new method of psychological diagnosis of personality with wide range of applications]. Moscow, Smysl. (in Russ.)

Posohova, S. T., Rohina, E. V. (2009). Skuka kak osoboe psihicheskoe sostoianie cheloveka [Boredom as a specific psychological state of a person]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, 12 (2), I, 5–13. (in Russ.)

Posohova, S. T., Rohina, E. V. (2015). Predraspolozhennost' k skuke kak priznak psihicheskoy uiazvimosti lichnosti [Predisposition to boredom as a indicator of a person's psychical vulnerability]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, 4, 46–54 (in Russ.)

Prohorov, A. O. (1998) *Psihologiya neravnovesnyh sostoyanij* [Psychology of nonequilibrium states]. Moscow, Izdatelstvo IP RAN, 1998 (in Russ.)

Tarde, E. (2007). *Skuka. Psihologicheskoe issledovanie* [Boredom. Psychological research]. Moscow, Izdatelstvo LKI (in Russ.)

Shevelenkova, T. D., Fesenko P. P. (2005). Psihologicheskoe blagopoluchie lichnosti. Obzor osnovnyih kontseptsiy i metodika issledovaniya [Psychological well-being of the person. Overview of the basic concepts and methods of the study]. *Psihologicheskaya diagnostika*, 3, 95–122 (in Russ.)

Ahmed, S. M. S. (1990). Psychometric properties of the Boredom Proneness Scale. *Perceptual and Motor Skills*, 71, 963–966.

Baer, R. A., Smith, G. T., Hopkins J., Krietemeyer J., Toney L. (2006). Using Self-Report Assessment Methods to Explore Facets of Mindfulness. *Assessment*, 13 (1), 27–45.

Belton, T., Priyadarshini, E. (2007). Boredom and schooling: A cross-disciplinary exploration. *Cambridge Journal of Education*, 37 (4), 579–595.

Gordon, A., Wilkinson, R., McGown, A., Jovanoska, S. (1997). The psychometric properties of the boredom proneness scale: an examination of its validity. *Psychological Studies*, 42, 85–97.

Eastwood, J. D., Cavaliere, C., Fahlman, S. A., Eastwood, A. E. (2007). A desire for desires: Boredom and its relation to alexithymia. *Personality and Individual Differences*, 42, 1035–1045.

Elpidorou, A. (2018). The bored mind is a guiding mind: toward a regulatory theory of boredom. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*, 17(3), 455–484.

Fahlman, S. A., Mercer, K. B., Gaskovski, P., Eastwood, A. E., Eastwood J. D. (2009). Does a lack of life meaning cause boredom? Results from psychometric, longitudinal, and experimental analyses. *Journal of Social and Clinical Psychology*, 28, 307–340.

Fahlman, S. A., Mercer-Lynn, K. B., Flora, D. B., Eastwood, J. D. (2011). Development and Validation of the Multidimensional State Boredom Scale. *Assessment*, 20 (1), 68–85.

Farmer, R., Sundberg, N. D. (1986). Boredom proneness: The development and correlates of a new scale. *Journal of Personality Assessment*, 50, 4–17.

Jarvis, S., Seifert, T. (2002). Work avoidance as a manifestation of hostility, helplessness, and boredom. *Alberta Journal of Education Research*, 48, 174–187.

Kass, S. J., Vodanovich, S. J., Callender, A. (2001). State-trait boredom: Relationship to absenteeism, tenure, and job satisfaction. *Journal of Business and Psychology*, 16, 317–327.

Lee, C. M., Neighbors, C., Woods, B. A. (2007). Marijuana motives: Young adults' reasons for using marijuana. *Addictive Behaviors*, 32, 1384–1394.

Mercer, K. B., Eastwood, J. D. (2010). Is boredom associated with problem gambling behaviour? It depends on what you mean by “boredom.” *International Gambling Studies*, 10, 91–104.

Mikulas, W. L., Vodanovich, S. (1993). The essence of boredom. *Psychological Record*, 43 (1), 3–12.

Rupp, D. E., Vodanovich, S. J. (1997). The role of boredom proneness in self-reported anger and aggression. *Journal of Social Behavior and Personality*, 12, 925–936.

Sommers, J., Vodanovich, S. J. (2000). Boredom proneness: its relationship to psychological- and physical-health symptoms. *Journal of Clinical Psychology*, 56, 149–155 .

Stickney, M. I., Miltenberger, R. G. (1999). Evaluating direct and indirect measures for the functional assessment of binge eating. *International Journal of Eating Disorders*, 26, 195–204.

Westgate, E., Wilson, T. Boring Thoughts and Bored Minds: The MAC Model of Boredom and Cognitive Engagement. *Psychological Review*, 2018. In print. Retrieved from: https://www.researchgate.net/publication/326157367_Boring_Thoughts_and_Bored_Minds_The_MAC_Model_of_Boredom_and_Cognitive_Engagement

Приложение

Бланк и ключ Многофакторной шкалы состояния скуки

Инструкция: «Пожалуйста, оцените свое согласие с каждым пунктом, указывая, как Вы чувствуете себя прямо сейчас, даже если это отличается от Вашего обычного состояния. Используйте следующую шкалу: 1 – совершенно не согласен, 2 – не согласен, 3 – скорее не согласен, 4 – нейтрально, 5 – скорее согласен, 6 – согласен, 7 – совершенно согласен».

		1	2	3	4	5	6	7
1	Время идет медленнее, чем обычно							
2	Я оказался заложником ситуации, не имеющей ко мне никакого отношения							
3	Я легко отвлекаюсь							
4	Мне одиноко							
5	Кажется, сейчас все раздражает меня							

6	Я бы хотел, чтобы время шло быстрее								
7.	Мне все кажется повторяющимся и рутинным								
8	Я чувствую себя подавленным								
9	Мне кажется, я вынужден заниматься чем-то, не имеющим для меня никакой ценности								
10	Мне скучно								
11	Время тянется очень медленно								
12	Мое настроение более изменчиво, чем обычно								
13	Я не могу принять решение или не уверен, что делать дальше								
14	Я чувствую себя возбужденным								
15	Я чувствую себя опустошенным								
16	Мне трудно сосредоточиться								
17	Я хочу сделать что-нибудь интересное, но меня ничего не привлекает								
18	Время движется очень медленно								
19	Мне хотелось бы заниматься чем-то более увлекательным								
20	Концентрация внимания у меня слабее, чем обычно								
21	В настоящий момент я чувствую нетерпение								
22	Я зря теряю время, которое мог бы потратить на что-то другое								
23	Мои мысли где-то витают								

24	Я хочу, чтобы что-то произошло, но не знаю, что именно							
25	Я чувствую себя отрезанным от остального мира							
26	В настоящий момент мне кажется, что время течет медленно							
27	Меня раздражают окружающие							
28	Я чувствую себя так, будто сижу и жду, когда что-нибудь случится							
29	Мне кажется, что мне не с кем поговорить							

Подсчет баллов по каждой из шкал опросника проводится суммированием баллов (все вопросы являются прямыми).

Невовлеченность: 2, 7, 9, 10, 13, 17, 19, 22, 24, 28.

Раздражительность: 5, 12, 14, 21, 27.

Подавленность: 3, 16, 20, 23.

Невнимание: 4, 8, 15, 25, 29.

Субъективное замедление времени: 1, 6, 11, 18, 26.

Суммарная оценка состояния скуки представляет собой сумму баллов по всем пунктам опросника.

УДК 159.9

А. А. Фёдоров

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

fedleks@yandex.ru

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ УЛОВКИ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ *

Описаны интеллектуальные уловки постнеклассической психологии. К ним отнесены: (1) уловки самоименования; (2) отказ следовать критериям научного знания; (3) злоупотребление математической и физической терминологией; (4) безразличие к фактам; (5) игра в слова; (6) неясная связь с эмпирическими следствиями. Утверждается, что эти уловки тем характернее для постнеклассической психологии, чем ближе она к своему постмодернистскому варианту. Описанные интеллектуальные уловки выполняют две функции: во-первых, они препятствуют созданию научной психологической теории; во-вторых, они легитимизируют ее отсутствие.

Ключевые слова: постнеклассическая психология, интеллектуальные уловки, постмодернизм, научная рациональность, наука.

Одним из наиболее ярких и противоречивых эпизодов так называемых научных войн стала мистификация Сокала (*the Sokal hoax*). Суть мистификации заключалась в том, что в 1996 г. физик Алан Сокал написал и опубликовал в культурологическом журнале «Социальный текст» пародийную статью «Переступая границы: на пути к трансформативной герменевтике квантовой гравитации» [Sokal, 1996]. Эта статья, доказывавшая, что физическая реальность, включая гравитацию, – не более чем социальный и лингвистический конструкт, была

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-013-00715).

лишена какого бы то ни было физического смысла и, по сути, эксплуатирует типичные приемы, характерные для постмодернистской эссеистики. Спустя год вышла книга «Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна», написанная на ее основе и переведенная на множество языков, включая русский. В этой работе авторы описывают четыре вида интеллектуальных уловок, или «злоупотреблений», распространенных в постмодернистских текстах [Сокал, Брикмон, 2002. С. 19].

1. Свободное рассуждение о научных теориях, о которых автор имеет весьма смутное впечатление, включая использование научных терминов без учета их реального значения.

2. Перенос понятий из точных наук в гуманитарные без эмпирического или концептуального обоснования.

3. Демонстрация ложной эрудированности, которая заключается в том, что на читателя обрушиваются ученые слова в контексте, который лишает их всякого смысла.

4. Жонглирование бессмысленными фразами и игра словами, сопровождаемая безразличием к их значениям.

Настоящая статья опирается на этот перечень уловок и расширяет его применительно к текстам, относящимся к постнеклассической психологии. Сторонники последней не раз утверждали, что одной из репрезентаций постнеклассической рациональности выступает постмодернизм. Так, Е. Ю. Патяева не только пишет о том, что постмодернистский стиль мышления соответствует постнеклассическому идеалу рациональности, но и утверждает, что он представляет собой его «более сильную, последовательную и расширенную версию» [2018. С. 176]. М. С. Гусельцева рассматривает постмодернизм не просто как тренд постнеклассической психологии, но как одного из трех «методологических китов», предопределивших ее постнеклассическое развитие [2013а]¹. Укажем, что не все согласны с этим. Так, Е. Е. Соколова приводит в своей статье мнение Е. Я. Режабека о трудной совместимости постмодернизма и постнеклассической рациональности и пишет, что она выступает не против постнеклассического видения в психологии, а «против того конкретного варианта методологии

¹ Следует отметить, что в последних работах М. С. Гусельцева говорит об ошибочности такого соотнесения, полагая, что постнеклассической рациональности больше соответствует не пост-, а метамодернизм [2016]. Укажем, во-первых, на поразительную легкость этого пересоотнесения и, во-вторых, на то, что по своей сути метамодернизм представляет собой лишь попытку вдохнуть жизнь в ослабший постмодернизм (безусловно, этот тезис требует отдельного рассмотрения и обоснования).

постнеклассической психологии, которая характерна для многих современных ее представителей» [2008. С. 144]. Вопрос о том, может ли постмодернистский вариант психологии рассматриваться в качестве манифестации постнеклассической рациональности, безусловно, правомерен, но поиск ответа на него существенно осложняется тем, что в настоящее время отсутствует как единое понимание того, что такое постнеклассическая рациональность, так и что такое постмодернизм. В контексте настоящей статьи достаточно зафиксировать, что осуществляемый в статье анализ проводится на материале работ, в которых говорится именно о *постнеклассической* психологии.

Уловки самоименования

Первый вариант данного злоупотребления связан с заимствованием терминологии теории В. С. Стёпина, которое сопровождается реинтерпретацией выделенных им типов рациональности. Так, М. С. Гусельцева, используя его конструкты, отказывается даже стоять в одном с ним ряду. В рецензии на работу «Психология личности» А. Г. Асмолова она пишет: «М. С. Гусельцеву напрасно и совершенно неточно автор поместил в компанию с В. А. Лекторским, В. С. Стёпиным и М. К. Мамардашвили (с. 5), – ей место скорее после слова “постмодернизм” или рядом с А. В. Юревичем» [Гусельцева, 2007. С. 174]². Сами «типы рациональности» начинают при этом рассматриваться как некие «метафорические конструкты». Выстраиваемый на их основе образ постнеклассической психологии существенно расходится с образом постнеклассической науки в подходе В. С. Стёпина, который предлагает вполне конкретные критерии демаркации научных типов рациональности [2015]. Подобную тактику мы рассматриваем как интеллектуальную уловку, поскольку она без всякой необходимости размывает оригинальный конструкт и, вероятно, просто выражает желание опереться на авторитетную в России концепцию. Заметим, в данном случае речь идет не об укоренившемся в науке понятии (например, о сознании, которое по-разному интерпретируется в разных подходах), а об относительно новой теории, так, по сути, и не сумевшей выйти за пределы российской академической жизни [Фёдоров, 2018]. Далее в результате «поспешного», по словам самой М. С. Гусельцевой, соотнесения постнеклассической рациональности с постмодернизмом (а затем и с метамодернизмом) возникают совер-

² Вероятно, речь идет именно о концептуальных различиях.

шенно отсутствующие в исходной модели коннотации. Для обозначения иного подхода рассмотрим модель В. А. Ядова [2003]. Он называет выделенные им три социологические метапарадигмы классика, постклассика и постпостклассика, явным образом отличая их от классики, неклассики и постнеклассики. Отмежевывается он и от постмодернизма: «И вот наступает период постпостклассики. Я не скажу, что это постмодерн, упаси бог, не надо смешивать»³. Отметим, что в диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук М. С. Гусельцева описывает подход В. А. Ядова в своей терминологии, сопоставляя неклассику с постклассикой, а постнеклассику с постпостклассикой [Гусельцева, 2015].

Второй аспект данной уловки связан с самим словообразованием: приставка «пост-» указывает на то, что нечто происходит после чего-то. Термин «постнеклассический» эксплицитно обозначает разновидность психологии, которая наступила после некой «неклассической». А поскольку (а) наука есть развивающийся институт, в котором новое знание прогрессивнее старого, и (б) постнеклассическая психология *презентует* себя как науку, то (в) постнеклассическая психология прогрессивней «предшествующих» типов психологического знания. Этот «прогрессизм» всегда чувствуется в текстах, хотя может выражаться очень аккуратно. Так, М. С. Гусельцева пишет: «Постнеклассическая рациональность “прогрессивнее”, чем неклассическая рациональность, на том основании, что в ней больше свободы, возможностей и “когнитивной” сложности» [2013а. С. 86]. Иными словами, классическая психология менее свободна, предлагает меньше возможностей и «когнитивно» проще. Предлагаются эмоциональные метафоры, в которых предшествующее знание предстает какой-то «Книгой мертвых» – вместо «живого тела» там «скелет», а вместо «живой бабочки» – ее рентгеновское изображение, – и утверждается, что предшествующие методологии «в постнеклассической реальности неадекватны возросшей сложности задачи» [Там же. С. 57].

Неклассическая физика берет начало с потрясающих воображение открытий и теорий, и хотя вопрос о том, основывалась ли она на новом типе научной рациональности, остается открытым, мало кто усомнится в том, что новые теории были прогрессивнее старых. На каких *психологических* открытиях и разработанных теориях основывается

³ Ядов В. А. Современное состояние мировой социологии (стенограмма лекции в рамках проекта «Публичные лекции “Полит.ру”»). URL: <http://polit.ru/article/2007/10/26/sociolog/> (дата обращения 23.09.2018).

постнеклассическая психология, которые дают ей основание быть прогрессивней? Если же единственным основанием «прогрессивности» являются большие свобода, возможности и сложность, то следует признать, что самым прогрессивным вариантом психологии является фантастическая литература.

Наука без правил науки

Второй интеллектуальной уловкой постнеклассической психологии является отказ следовать критериям научного знания, сопряженный со стремлением сохранить статус науки (вероятно, чтобы использовать ее авторитет). Наука, безусловно, эволюционирует, приобретает новые характеристики и, возможно, избавляясь от некоторых старых. При этом научное знание обладает определенными особенностями, утратив которые оно останется формой знания, но перестанет быть наукой⁴. Важно отметить, что нечто оставшееся может оказаться как чем-то принципиально новым, так и тем, что уже существует; при этом сравнение с наукой в категориях «хуже» / «лучше» может быть просто некорректно. В качестве примеров критериев, поставленных под сомнение в постнеклассической психологии, рассмотрим воспроизводимость и точность.

Кризис воспроизводимости, затронувший не только психологию, но и другие науки, в рамках постнеклассической психологии предлагается разрешить весьма просто: необходимо исключить воспроизводимость из списка важнейших критериев научного знания. Как утверждает, «с методологических позиций постнеклассической науки можно говорить о новых нормах научности в психологии, прежде всего таких, как диалогичность, плюралистичность, множественность истин, нестабильность как свойство систем» [Вачков, Вачкова, 2016. С. 99]. В статье, посвященной воспроизводимости результатов в исследованиях интуиции, отмечается, что в наши дни многие исследователи работают в постнеклассической парадигме, и обращается особое внимание на «методологию невоспроизводимости» В. Н. Бинги [Васильева, Григорьев, 2017]. Отметим, что эта «методология невоспроизводимости», по словам самого автора, связана с паранаукой и изучением паранормальных явлений. Так, в качестве примера при-

⁴ Представляется, что это верно вне зависимости от того, рассматриваем мы формы знания как дискретные типы или пытаемся расположить их на некотором или некоторых континуумах.

водятся «события психокинеза, неоднократно демонстрировавшиеся Н. Кулагиной» [Бинги, 2011. С. 533]. Академик РАН Е. Б. Александров характеризует ее не иначе как «известную аферистку», которую «неоднократно уличали в мошенничестве» [Александров, 2006. С. 8]. Иными словами, отказ от воспроизводимости связан с выходом в «серую зону» науки ⁵. Сам по себе этот выход не обязательно является чем-то плохим: научный поиск вполне может происходить и в области, которая в конкретный период времени относится к паранормальной. Но признание реальности некоторого паранормального явления связано, среди прочего, и с тем, что оно становится *воспроизводимым*. Не случайно авторы уже упоминавшейся статьи, посвященной интуиции, обращая особое внимание на «методологию невоспроизводимости», пытаются все же воспроизвести исследования в этой области ⁶. Все это наводит на мысль, что постнеклассическая рациональность является плодотворной почвой для возникновения псевдо- и паранаучных концепций, что, безусловно, заслуживает отдельного рассмотрения.

Еще одним *классическим* критерием научности, которому отказывается следовать постнеклассическая психология, является точность и строгость понятий. Как пишет М.С. Гусельцева, постнеклассическая рациональность ставит под сомнение «сами основы научной строгости... Кто доказал, что научные понятия продуктивнее житейских» [2013а. С. 95]. Вместо точности теперь требуется полет воображения, а стремление к строгим и точным понятиям заменяют метафорические конструкты. Здесь следует сказать, что эвристичность метафоры не может служить основанием отказа от критерия строгости и точности. Как указывал М. Бунге, метафоры – вещь обоюдоострая. Приведем отрывок из его работы, отражающий кредо научного реализма:

Поэты, геологи и специалисты в области магии используют метафоры и аналогии, с помощью которых они рассуждают о предметах, ускользающих от непосредственного описания или, возможно даже, от рационального понимания. Преподаватели прибегают к метафоре и аналогиям

⁵ В. Н. Бинги является автором и соавтором ряда публикаций, вышедших в 1990-х гг., посвященных торсионным полям, включая их связь с сознанием. Эта теория, разработанная в эпоху позднего СССР, признана в настоящее время псевдонаучной [Кругляков, 2009].

⁶ В своей статье И. В. Васильева и П. Е. Григорьев упоминают парапсихологические исследования Д. Бема [Bem, 2011; Bem et al., 2016], но не говорят о том, что его исследования встретили множество возражений и не раз сообщалось о неудачных попытках воспроизведения его исследований (см., например: [Ritchie et al., 2012]).

с другой целью, а именно чтобы построить мост через пропасть между неизвестным и известным. Кто из нас не поддавался соблазну представлять электроны иногда как шарики, а иногда как волновые пакеты? Однако мы знаем, что эти образы, которые в лучшем случае лишь дидактические опоры, часто оказываются просто ловушками, как и все заменители реальных вещей. Поэтому мы попытаемся обойтись без них в нашем исследовании. Мы хотим, чтобы наука имела дело с тем, что суть вещи, а не с тем, что только выглядит подобно вещам. Наука не поэзия, не теодия и не черная магия! Если мы и хотим использовать аналогию в качестве проводника в наших предварительных исследованиях (отметьте эту метафору), то мы все же чувствуем, что было бы ошибочно позволять ей играть какую-либо роль в зрелой теории, так как нам необходимо иметь описание самой вещи, а не ее поверхностное подобие. Иными словами, если мы стремимся к объективности, нам нужны точные интерпретации – даже если они не дают никаких привычных, наглядных образов [1975. С. 174].

В философии науки не раз отмечалось, что практически все психологические понятия – суть метафоры. С этим можно согласиться. Но в то время как классическая психология боролась за то, чтобы превратить их в точные конструкты, постнеклассическая психология предлагает смириться с этим. Собственно, ответ на вопрос М. С. Гусельцевой о продуктивности понятий довольно прост. Достаточно сравнить практические следствия и теоретическую разработанность наук, стремящихся к научной строгости, и психологии, так и не сумевшей из метафорической науки стать точной. Еще раз укажем: нет ничего плохого в метафорическом познании реальности, но построение метафорической теории вряд ли может быть названо научной целью.

Злоупотребление математической и физической терминологией

Злоупотребления математической и физической терминологией в рамках постмодернистского варианта постнеклассической рациональности детально проанализированы в уже упоминавшейся работе А. Сокала и Ж. Брикмона [2002]. В отечественной постнеклассической психологии наиболее явными источниками некорректных заимствований выступают синергетика, квантовая механика и фрактальная геометрия. Отметим, что ряд сторонников постнеклассической психологии осознают всю опасность переноса естественно-научной

и математической терминологии в область психологии. Так, относительно экспансии синергетической терминологии основатель трансспективного варианта постнеклассической психологии В. Е. Ключко пишет: «переходя от физических, химических и даже биологических систем к психологическим системам, надо действовать не просто осторожно, но предельно осторожно» [2015. С. 11]. Такая осторожность, к сожалению, присутствует не всегда, и в результате возникает то, что В. Б. Губин называет псевдосинергетикой, которая весьма популярна у постнеклассических ученых [2003; 2006]. Можно также указать на попытки связать психологию с квантовой физикой. Так, В. Ф. Петренко утверждает, что коллективное бессознательное существует вне форм пространства и времени и должно описываться на языке гильбертовых пространств [Петренко, Супрун, 2014; Петренко, 2018]. Что это означает фактически – совершенно не ясно. С какими величинами сопоставлено коллективное бессознательное (а величины нам, вероятно, нужны, чтобы математизировать представления о нем на языке гильбертовых пространств, предполагающем измеримость длин векторов и углов)? Почему оно вообще существует: предсказано ли / доказано ли его существование математически? И пр. В итоге аналогии между психологией и квантовой физикой приводят к так называемому квантовому мистицизму, который признает «феномены синхроничности, телепатии и предвидения» [Петренко, 2018. С. 98] и предполагает, что возможен контакт с некими космическими «братьями по разуму», которых «можно искать не только запуская в космос радиозонды и телескопы, но и медитируя, направляя мысленный взгляд вглубь собственного сознания, обращаясь к архетипам коллективного, а возможно, и космического бессознательного» [Петренко, 2016. С. 142].

Сказанное, конечно, не следует понимать так, что нужно выступать против проникновения физических и математических понятий в науку о человеке. Напротив, если мы пытаемся построить единую картину мира, нам следует к этому стремиться, но это стремление должно основываться на экспериментах и построениях точных моделей, а не метафорах и аналогиях.

Безразличие к фактам

Там, где постнеклассическая психология, казалось бы, должна обращаться к фактам, она демонстрирует к ним явное равнодушие.

Рассмотрим для примера анализ М. С. Гусельцевой развития истории психологии. Она разрабатывает модель, в которой как психология в целом, так и отдельные психологические школы развиваются по принципу «тезис – антитезис – синтез» («синкрет – дифференциация – синтез»). В статье эта модель «демонстрируется» на примере ассоциативной психологии и бихевиоризма, при этом нет ни одной ссылки на труды самих ассоцианистов или бихевиористов [2013б]. Когда были приведены фактологические несоответствия модели и реальности, в ответ прозвучали обвинения в педантизме [Фёдоров, 2014а; Гусельцева, 2014]. При этом вновь ни одна работа что ассоцианистов, что бихевиористов не была привлечена в качестве доказательств корректности модели. Показательно, что защитой от «якобы фактологической недостоверности» выступило для М. С. Гусельцевой понятие «идеального типа», которое в данном случае выполнить такую функцию не способно, поскольку речь идет не о содержании идеального типа, а о демонстрации его применимости к реальной истории психологии [Фёдоров, 2014б]. В своей диссертации 2015 г. при описании этой модели М. С. Гусельцева также не стала ссылаться на самих ассоцианистов, ограничившись учебником Т. Д. Марцинковской [Гусельцева, 2015. С. 209–212]. При анализе бихевиоризма появилась лишь одна ссылка (на работу У. Мишела) [Там же. С. 222–224].

Также обращает на себя внимание несколько вольное обращение с фактами при рассмотрении так называемых «национальных интеллектуальных традиций психологических школ». Остановимся только на двух случаях. При рассмотрении немецкой интеллектуальной традиции среди ее представителей возникает (и занимает видное место) Дж. Вико (1668–1744). Вот что указывает М. С. Гусельцева: он «был уроженцем Неаполя, но, поскольку часть итальянских земель того времени входила в состав Священной Римской империи, мы имеем все основания рассматривать его учение в контексте немецкой интеллектуальной традиции» [2013а. С. 265]. Так уроженец Неаполя, получивший образование в Неаполитанском университете и писавший на итальянском языке и латыни, стал представителем немецкой традиции. При этом совершенно не учитываются сложности реальной истории. Эта часть Италии входила в Неаполитанское королевство, которое существовало с 1282 по 1816 г. и в разные периоды истории контролировалось разными государствами. Так, первую половину жизни Дж. Вико Неаполитанское королевство контролировалось Габсбургской Испанией и только в 1714 г. после войны за испанское

наследство было передано Карлу VI, императору Священной Римской империи. Можно ли в свете таких фактов считать Дж. Вико представителем немецкой интеллектуальной традиции? Почему не испанской интеллектуальной традиции? Или, что представляется самым простым вариантом, не итальянской? Вправе ли мы, скажем, польских философов XIX столетия считать представителями русской интеллектуальной традиции, поскольку большая часть нынешней Польши с 1815 по 1915 г. входила в состав Российской империи? Или требуются иные основания?

Рассматривая английскую интеллектуальную традицию, М. С. Гусельцева пишет, что «А. Бэн и Г. Спенсер опирались на эволюционное учение Ч. Дарвина» [2013а. С. 223]. Никакой аргументации не приводится. В действительности А. Бэн и Г. Спенсер не опирались на учение Ч. Дарвина, а развивали свои концепции параллельно натуралистической теории эволюции. «Основы психологии» Г. Спенсера и «Ощущения и интеллект» А. Бэна выходят в 1855 г., а работа Ч. Дарвина «О происхождении видов» – в 1859 г. В первом издании работы Г. Спенсера имя Ч. Дарвина не упоминается ни разу [Spencer, 1855], а в первом издании труда А. Бэна – лишь единожды, и применительно не к эволюции, а к возможности возникновения ощущений без внешнего воздействия [Bain, 1855]. Д. Фримэн в своем скрупулезном анализе показал, что теории Ч. Дарвина и Г. Спенсера не связаны по своему происхождению, имеют различные логические структуры и существенно отличаются своим отношением к ламаркизму [Freeman, 1974].

В качестве другого примера безразличия к фактам приведем анализ Е. Ю. Патяевой подхода В. Вундта в контексте типов научной рациональности. Ни разу не сославшись на работы В. Вундта, она пишет, что у него сознание «превращается в объект, лишенный активности и самопроизвольности и практически полностью аналогичный объектам» [2018. С. 178]. При этом одним из основополагающих понятий волюнтаристской системы В. Вундта является апперцепция, представляющая собой активный и сложный процесс, который некоторые историки психологии предлагают описывать в терминах самоорганизации [Вундт, 1896; Schultz, Schultz, 2015]. Безразличие к фактам приводит к упрощению психологических теорий прошлого, что, вероятно, направлено на предотвращение вечной трагедии науки, о которой писал Т. Гексли: убийства красивой гипотезы уродливым фактом.

Игра в слова

В статье уже говорилось о том, что некоторые сторонники постнеклассической психологии вместо точных понятий предлагают оперировать метафорами: как пишет М. С. Гусельцева, «понятия умышленно превращаются в метафоры» [2013а. С. 94]. Смыслы умышленно умножаются, понятия, взятые из других концепций, трактуются иногда не просто метафорически, а с полным искажением и преобразованием смысла. О легитимации использования метафор пишет и В. Ф. Петренко, указывая на сходство постнеклассической и трансперсональной психологий: «Методология постнеклассической рациональности, близкая по духу трансперсональной психологии, позволяет объяснять существование некоторого люфта “незнаемого” наличием понятий, имеющих не научный, а метафорический или мифологический характер [...] В практике трансперсональной психологии допускается использование четко не определенных, не операционализированных понятий, взятых из религии, мифологии и являющихся метафорами или житейскими представлениями» [Петренко, 2013. С. 127].

Точные понятия (чья точность, безусловно, не является абсолютной), проникая в психологию, превращаются в метафоры, которые далеко не всегда выполняют даже функцию прояснения смысла. В науке нет запрета на использование метафор, но научная теория стремится к оперированию точными терминами. Как пишут А. Сокал и Ж. Брикмон, «научные теории не похожи на романы: их термины имеют точный смысл, который отличается от их обыденного смысла и который образуется лишь внутри теоретико-экспериментального комплекса. Если они используются в тех же целях, что и метафоры, то все легко оборачивается бессмыслицей» [2002. С. 154]. Именно к построению «теоретико-экспериментального комплекса» должна стремиться научная психология.

Неясные эмпирические следствия

Еще одной интеллектуальной уловкой, являющейся, в частности, следствием игры в слова, является слабая (и неясная) связь постнеклассической теории с эмпирическими следствиями. Большинство статей в области постнеклассической психологии являются теоретическими рассуждениями, а там, где постнеклассическая психология привлекается к обоснованию эмпирического исследования, эта

связь часто выглядит искусственной. Рассмотрим, например, «опыт» постнеклассического исследования смысла любви [Вараксина, 2007]. После теоретических рассуждений о том, что «постнеклассическая методология позволяет по-новому поставить проблему психологического исследования любви» [Вараксина, 2007. С. 137], автор проводит вполне традиционное исследование с использованием семантического дифференциала и проективных методик. В описании эмпирического исследования и интерпретации результатов постнеклассическая психология ни разу не возникает.

Постнеклассическая психология, как и любая наука, должна создавать такие теории, из которых выводимы проверяемые следствия.

Заключение

Выявленные интеллектуальные злоупотребления, вне всяких сомнений, присущи не только постнеклассической психологии. Кроме того, в данной статье не утверждается, что они встречаются в каждом постнеклассическом тексте. Но можно сказать, что они тем характернее для постнеклассической психологии, чем ближе она к своему постмодернистскому варианту. С другой стороны, не ясно, существуют ли сейчас какие-то иные варианты постнеклассической психологии. Если следовать критериям В. С. Стёпина, то стоит признать, что ответ должен быть отрицательным. В то время как, например, математик Г. Г. Малинецкий полагает, что постнеклассическая рациональность является «заданием на завтра» [2018. С. 13], в отечественной психологии распространено мнение, что психология *уже* постнеклассическая наука. Так, В. Е. Ключко пишет о постнеклассике, что «психология наравне с другими науками уже давно вошла в ее пределы» [2008. С. 177]. На наш взгляд, совершенно недостаточно внедрить в психологию язык синергетики и указать на некие ценностные аспекты научного знания, поскольку сами по себе идеи самоорганизации и ценностных оснований научной теории не являются для психологии и философии новыми. Прежде всего необходимо представить согласованную научную теорию, позволяющую проверить ее в эмпирических исследованиях. В этом контексте описанные интеллектуальные уловки выполняют две функции: во-первых, они препятствуют созданию такой теории; во-вторых, они легитимизируют ее отсутствие. Возможно, с позиций постмодернистского варианта постнеклассической психологии так и *должно* быть, но вряд ли эти уловки способствуют прогрессу *научной* психологии.

К читателю-постнеклассику

Защитники постнеклассической психологии уже указывали, что к ее оценке следует подходить с позиций «презумпции ума», которая якобы выступает аналогом вежливости [Гусельцева, 2014]. Позволю себе заметить, что само по себе вступление в дискуссию «презюмирует ум», а наличие ума не выступает гарантией от ошибок. Любая теория в науке *должна* ставиться под сомнение. Мне очень близки следующие слова Г. Башляра, которыми он начал одну из своих лекций-диспутов, а я хочу закончить данную статью: «Я всего лишь мишень для возражений и надеюсь, что возражений будет много и они будут носить, как и вопросы и вся наша дискуссия, откровенный характер» [1987. С. 284–285].

Список литературы

Александров Е. Б. Проблемы экспансии лженауки // В защиту науки. 2006. № 1. С. 8–16.

Башляр Г. О природе рационализма // Новый рационализм / Предисл. и общ. ред. А. Ф. Зотова. М.: Прогресс, 1987. С. 284–324.

Бинги В. Н. Принципы электромагнитной биофизики. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2011.

Бунге М. Философия физики. М.: Прогресс, 1975.

Вараксина Е. В. Смысл любви: опыт постнеклассического исследования // Омский научный вестник. 2007. № 5 (59). С. 136–139.

Васильева И. В., Григорьев П. Е. Воспроизводимость результатов в исследованиях интуиции // Изв. Уральского федерального ун-та. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2017. Т. 23. № 2 (162). С. 87–94.

Вачков И. В., Вачкова С. Н. Воспроизводимость психологических экспериментов как проблема постнеклассической науки // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12, № 1. С. 97–101.

Вундт В. Очерк психологии. СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1896.

Губин В. Б. Синергетика как новый пирог для «постнеклассических» ученых, или отзыв на автореферат докторской диссертации // Философские науки. 2003. № 2. С. 121–155.

Губин В. Б. Псевдосинергетика – новейшая лженаука // В защиту науки. 2006. № 1. С. 110–119.

Гусельцева М. С. Вариации на тему «психологии личности» и пристрастности в психологии // Вопр. психологии. 2007. № 4. С. 172–176.

Гусельцева М. С. Эволюция психологического знания в смене типов рациональности: историко-методологическое исследование. М.: Акрополь, 2013а.

Гусельцева М. С. Типы рациональности как основание для периодизации психологического знания // *Вопр. психологии.* 2013б. № 4. С. 3–15.

Гусельцева М. С. Ловушки редукции, или о разнообразии интеллектуальных стилей как предпосылках интерпретации // *Вопр. психологии.* 2014. № 2. С. 81–92.

Гусельцева М. С. Культурно-аналитический подход к изучению эволюции психологического знания: Дис. ... д-ра психол. наук. М.: Психологический институт РАО, 2015.

Гусельцева М. С. Принцип развития в психологии: вызовы полипарадигмальности и трансдисциплинарности // *Принцип развития в современной психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко.* М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 31–51.

Клочко В. Е. Постнеклассическая наука и проблема объяснения в психологии // *Методология и история психологии.* 2008. Т. 3, № 1. С. 165–178.

Клочко В. Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2015.

Кругляков Э. П. «Ученые» с большой дороги-3. М.: Наука, 2009.

Малинецкий Г. Г. Синергетика и наука о человеке // *Человек.* 2018. № 3. С. 5–17.

Патяева Е. Ю. Классическое, неклассическое и постнеклассическое знание в современной психологии // *Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича.* М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 160–193.

Петренко В. Ф. Базовые метафоры психологических теорий // *Психологический журнал.* 2013. Т. 34, № 1. С. 121–131.

Петренко В. Ф. Контакт с космическим сознанием через исследования человеческой ментальности? // *Общественные науки и современность.* 2016. № 5. С. 142–155.

Петренко В. Ф. К проблеме коллективного бессознательного в рамках философии постнеклассической рациональности и психологии конструктивизма // *Вопр. философии.* 2018. № 2. С. 89–101.

Петренко В.Ф., Супрун А. П. Взаимосвязь квантовой физики и психологии сознания // Психологический журнал. 2014. Т. 35, № 6. С. 69–86.

Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. М.: Дом интеллектуальной книги, 2002. 248 с.

Соколова Е. Е. Нетерпимость толерантных (еще раз о монизме, плюрализме и дискуссиях о методологических ориентациях психологии) // Вопр. психологии. 2008. № 3. С. 138–146.

Стёпин В. С. Исторические типы научной рациональности: проблемы демаркации и преемственности // Философия, методология и история науки. 2015. № 1. С. 6–27.

Фёдоров А. А. Об иррелевантности истории психологии и философии науки (комментарий к статье М. С. Гусельцевой «Типы рациональности как основание для периодизации психологического знания») // Вопр. психологии. 2014а. № 1. С. 98–105.

Фёдоров А. А. Уловки интеллектуальной эквилибристики // Вопр. психологии. 2014б. № 4. С. 83–93.

Фёдоров А. А. Библиометрический анализ публикаций по постнеклассической психологии в Scopus // Reflexio. 2018. Т. 11, № 1. С. 37–46.

Vain A. The senses and the intellect. London: John W. Parker and Son, 1855.

Bem D. et al. Feeling the future: A meta-analysis of 90 experiments on the anomalous anticipation of random future events // F1000Research. 2016.

Bem D. J. Feeling the future: experimental evidence for anomalous retroactive influences on cognition and affect // Journal of Personality and Social Psychology. 2011. Vol. 100. No. 3. P. 407–425.

Freeman D. The evolutionary theories of Charles Darwin and Herbert Spencer [and comments and replies] // Current Anthropology. 1974. Vol. 15. No. 3. P. 211–221.

Ritchie S. J., Wiseman R., French C. C. Failing the future: three unsuccessful attempts to replicate Bem's 'retroactive facilitation of recall' effect // PLOS ONE. 2012. Vol. 7. No. 3. P. e33423.

Schultz D. P., Schultz S. E. A history of modern psychology. Boston: Cengage Learning, 2015.

Sokal A. D. Transgressing the boundaries: toward a transformative hermeneutics of quantum gravity // Social Text. 1996. No. 46/47. P. 217–252.

Spencer H. The principles of psychology. London: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1855.

Материал поступил в редколлегию 29.07.2018

A. A. Fedorov

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

fedleks@yandex.ru

INTELLECTUAL IMPOSTURES OF POST-NONCLASSICAL PSYCHOLOGY

The article describes intellectual impostures of post-nonclassical psychology. They include: (1) the tricks of self-naming; (2) refusal to follow the criteria of scientific knowledge; (3) abuse of mathematical and physical terminology; (4) indifference to facts; (5) word game; (6) unclear connection with empirical consequences. It is argued that post-nonclassical psychology is more characterized by these impostures, the closer it is to its postmodern version. The described intellectual impostures perform two functions: firstly, they interfere with the elaboration of a scientific psychological theory, and secondly, they legitimize its absence.

Keywords: post-nonclassical psychology, intellectual impostures, postmodernism, scientific rationality, science.

References

Aleksandrov, E. B. (2006). Problemy ekspansii lzhenauki [Problems of expansion of pseudoscience]. *V zashchitu nauki*, 1, 8–16. (in Russ.)

Bashliar, G. (1987). O prirode ratsionalizma [On the Nature of Rationalism]. In A. F. Zotov (ed.) *Novyi ratsionalizm [New Rationalism]* Moscow, Progress, pp. 284–324. (in Russ.)

Bingi, V. N. (2011). *Printsipy elektromagnitnoi biofiziki* [Principles of electromagnetic biophysics]. Moscow, FIZMATLIT. (in Russ.)

Bunge, M. (1975). *Filosofia fiziki* [Philosophy of Physics]. Moscow, Izdatel'stvo «Progress». (in Russ.)

Varaksina, E. V. (2007). Smysl liubvi: opyt postneklassicheskogo issledovaniia [The meaning of love: the experience of post-nonclassical research]. *Omskii nauchnyi vestnik*, 5 (59), 136–139. (in Russ.)

Vasil'eva, I. V., Grigor'ev, P. E. (2017). Vosproizvodimost' rezul'tatov v issledovaniakh intuitsii [Reproducibility of results in studies of intuition]. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1, Problemy obrazovaniia, nauki i kul'tury*, 23(2(162)), 87–94. (in Russ.)

Vachkov, I. V., Vachkova, S. N. (2016). Vosproizvodimost' psikhologicheskikh eksperimentov kak problema postneklassicheskoi nauki [Reproducibility of psychological experiments as a problem of post-nonclassical science]. *Kul'turno-istoricheskaiia psikhologiiia*, 12 (1), 97–101. (in Russ.)

Vundt, V. (1896). *Ocherk psikhologii* [An Introduction to psychology]. SPb.: Izdanie F. Pavlenkova.

Gubin, V. B. (2003). Sinergetika kak novyi pirog dlia «postneklassicheskikh» uchenykh, ili otzyv na avtoreferat doktorskoii dissertatsii [Synergetics as a new pie for «post-nonclassical» scientists, or a review on the author's abstract of the doctoral dissertation]. *Filosofskie nauki*, 2, 121–155. (in Russ.)

Gubin, V. B. (2006). Pseudosinergetika – noveishaia lzhenuka [Pseudosynergetics – the newest pseudoscience]. *V zashchitu nauki*, 1, 110–119. (in Russ.)

Guseltseva, M. S. (2007). Variatsii na temu «psikhologii lichnosti» i pristrastnosti v psikhologii [Variations on the theme of «personality psychology» and bias in psychology]. *Voprosy psikhologii*, 4, 172–176. (in Russ.)

Guseltseva, M. S. (2013a). *Evoliutsiia psikhologicheskogo znaniia v smene tipov ratsional'nosti: istoriko-metodologicheskoe issledovanie* [The Evolution of Psychological Knowledge in the Change of the Types of Rationality]. Moscow, Akropol' Publ. (in Russ.)

Guseltseva, M. S. (2014). Lovushki reduktsii, ili o raznoobrazii intellektual'nykh stilei kak predposylkakh interpretatsii [Traps of reduction, or the diversity of intellectual styles as prerequisites for interpretation]. *Voprosy psikhologii*, 2, 81–92. (in Russ.)

Guseltseva, M. S. (2016). Printsip razvitiia v psikhologii: vyzovy poliparadigmal'nosti i transdistsiplinarnosti [Principle of development in psychology: challenges of polyparadigmality and transdisciplinarity]. In A. L. Zhuravleva, E. A. Sergienko (eds.). *Printsip razvitiia v sovremennoi psikhologii* [Principle of development in contemporary psychology]. Moscow, Izd-vo «Institut psikhologii RAN», pp. 31–51. (in Russ.)

Guseltseva, M. S. (2013b). Tipy ratsional'nosti kak osnovanie dlia periodizatsii psikhologicheskogo znaniia [Types of rationality as the basis for the periodization of psychological knowledge]. *Voprosy psikhologii*, (4), 3–15. (in Russ.)

Guseltseva, M. S. (2015). *Kul'turno-analiticheskii podkhod k izucheniiu evoliutsii psikhologicheskogo znaniia*: dis. ... d-ra psikhol. nauk. Moscow, Psikhologicheskii institut RAO. (in Russ.)

Klochko, V. E. (2015). *Samoorganizatsiia v psikhologicheskikh sistemakh: problemy stanovleniia mental'nogo prostranstva lichnosti (vvedenie v transspektivnyi analiz)* [Self-organization in psychological systems: problems of the formation of personality mental space (an introduction to transsperspective analysis)]. Tomsk, Tomskii gosudarstvennyi universitet. (in Russ.)

Klochko, V. E. (2008). Postneklassicheskaia nauka i problema obiasneniia v psikhologii [Post-nonclassical science and the problem of explanation in psychology]. *Metodologiya i istoriia psikhologii*, 3 (1), 165–178. (in Russ.)

Krugliakov, E. P. (2009). «Uchenye» s bol'shoi dorogi-3 [Highway «Scientists»-3]. Moscow, Nauka. (in Russ.)

Malinetskii, G. G. (2018). Sinergetika i nauka o cheloveke [ynergetics and the science of man]. *Chelovek*, 3, 5–17. (in Russ.)

Patiaeva, E. Iu. (2018). Klassicheskoe, neklassicheskoe i postneklassicheskoe znanie v sovremennoi psikhologii [Classical, nonclassical and post-non-classical knowledge in modern psychology]. In A. L. Zhuravlev, A. V. Yurevich (eds.) *Psikhologicheskoe znanie: Sovremennoe sostoianie i perspektivy razvitiia* [Psychological knowledge: Current state and development prospects]. Moscow, Izd-vo «Institut psikhologii RAN», pp. 160–193. (in Russ.)

Petrenko, V. F. (2013). Bazovye metafory psikhologicheskikh teorii [Basic metaphors of psychological theories]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 34 (1), 121–131. (in Russ.)

Petrenko V. F., Suprun A. P. (2014). Vzaimosviaz' kvantovoi fiziki i psikhologii soznaniia [Interrelation of quantum physics and psychology of consciousness]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 35 (6), 69–86. (in Russ.)

Petrenko, V. F. (2016). Kontakt s kosmicheskim soznaniem cherez issledovaniia chelovecheskoi mental'nosti? [Contact with cosmic consciousness through the study of human mentality?] *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 5, 142–155. (in Russ.)

Petrenko, V. F. (2018). K probleme kollektivnogo bessoznatel'nogo v ramkakh filosofii postneklassicheskoi ratsional'nosti i psikhologii

konstruktivizma [To the problem of the collective unconscious within the framework of the philosophy of post-non-classical rationality and the psychology of constructivism]. *Voprosy filosofii*, 2, 89–101. (in Russ.)

Sokal, A., Brikmon, Zh. (2002). *Intellektual'nye ulovki. Kritika sovremennoi filosofii postmoderna [Intellectual Impostures]*. Moscow, Dom intellektual'noi knigi. (in Russ.)

Sokolova, E. E. (2008). Neterpimost' tolerantnykh (eshche raz o monizme, pliuralizme i diskussiiakh o metodologicheskikh orientatsiakh psikhologii) [Intolerance of tolerant (once again about monism, pluralism and discussions about the methodological orientations of psychology)]. *Voprosy Psikhologii*, 3, 138–146. (in Russ.)

Stepin, V. S. (2015). Istoricheskie tipy nauchnoi ratsional'nosti: problemy demarkatsii i preemstvennosti [Historical Types of Scientific Rationality: Problems of Demarcation and Continuity]. *Filosofia, metodologiya i istoriya nauki*, 1, 6–27. (in Russ.)

Fedorov, A. A. (2014a). Ob irrelevantnosti istorii psikhologii i filosofii nauki (kommentarii k stat'e M.S. Guseltsevoi «Tipy ratsional'nosti kak osnovanie dlia periodizatsii psikhologicheskogo znaniia») [On irrelevance of history of psychology and philosophy of science (a commentary on M. S. Guseltseva's article «Types of rationality as the basis for periodizing psychological knowledge»)]. *Voprosy psikhologii*, 1, 98–105. (in Russ.)

Fedorov, A. A. (2014b). Ulovki intellektual'noi ekvilibristiki [Tricks of intellectual speculations]. *Voprosy psikhologii*, 4, 83–93. (in Russ.)

Fedorov, A. A. (2018). Bibliometricheskii analiz publikatsii po postneklassicheskoi psikhologii v Scopus [Bibliometric analysis of publications on post-nonclassical psychology in Scopus]. *Reflexio*, 11 (1), 37–46. (in Russ.)

Bain, A. (1855). *The senses and the intellect*. London, John W. Parker and Son.

Bem, D. J. (2011). Feeling the future: experimental evidence for anomalous retroactive influences on cognition and affect. *Journal of Personality and Social Psychology*, 100 (3), 407–425. <https://doi.org/10.1037/a0021524>

Bem, D., Tressoldi, P., Rabeyron, T., & Duggan M. (2016). Feeling the future: A meta-analysis of 90 experiments on the anomalous anticipation of random future events. *F1000Research*. <https://doi.org/10.12688/f1000research.7177.2>

Freeman, D. (1974). The evolutionary theories of Charles Darwin and Herbert Spencer. *Current anthropology*, 15 (3), 211–237.

Ritchie, S. J., Wiseman, R., & French, C. C. (2012). Failing the future: three unsuccessful attempts to replicate Bem's 'retroactive facilitation of recall' effect. *PLOS ONE*, 7 (3), e33423. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0033423>

Schultz, D. P., Schultz, S. E. (2015). *A history of modern psychology*. Boston, Cengage Learning.

Sokal, A. D. (1996). Transgressing the boundaries: toward a transformative hermeneutics of quantum gravity. *Social Text*, 46/47, 217–252. <https://doi.org/10.2307/466856>

Spencer, H. (1855). *The principles of psychology*. London, Longman, Brown, Green, and Longmans.

УДК 159.92

Ж. И. Резникова, Е. А. Дорошева

*Институт систематики и экологии животных СО РАН
ул. Фрунзе, 11, Новосибирск, 630091, Россия*

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

zhanna@reznikova.net, Elena.dorosheva@mail.ru

**ДУМАЮТ ЛИ ЖИВОТНЫЕ?
НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЙ,
ПРЕДСТАВЛЯЕМЫЕ НЕЙРОФИЗИОЛОГИЕЙ ***

Работа посвящена анализу исследований «социального мозга» и системы мозга «по умолчанию», предположительно отвечающей за самореферентные и касающиеся взаимодействий с другими мыслительные процессы, у различных видов животных. Обсуждаются основные результаты, полученные при изучении обезьян, крыс и собак, в сравнении с человеком. Сделан вывод о том, что нейрофизиологические данные, полученные в этих подходах, в будущем могут существенно расширить представления о психических процессах, лежащих в основе самовосприятия и решения сложных задач в области регуляции социальных взаимодействий у животных.

Ключевые слова: нейронная сеть оперативного покоя, «социальный мозг», модель психического, мыслительные процессы, приматы, собаки, крысы.

Вопрос «думают ли животные?» стал почти нарицательным для обозначения круга проблем, связанных с изучением их способностей к решению задач различного характера и уровня сложности.

* Работа выполнена при поддержке Программы ФНИ государственных академий наук на 2013–2020 гг. (проект № VI.51.1.10. (АААА-А16-116121410120-0)).

Резникова Ж. И., Дорошева Е. А. Думают ли животные? Новые возможности исследований, представляемые нейрофизиологией // Reflexio. 2018. Т. 11, № 2. С. 134–148.

Reflexio. 2018. Том 11, № 2

© Ж. И. Резникова, Е. А. Дорошева, 2018

Схемы экспериментов ставятся таким образом, чтобы была возможность понять, какие умственные операции необходимы для решения той или иной задачи – достаточен ли перенос опыта, усвоенного ранее, или решение задачи требует понимания физических законов / законов поведения живых объектов. Как правило, ответ на столь широко поставленный вопрос является положительным – многие задачи, требующие вовлечения когнитивных способностей, успешно решаются животными с высокоорганизованным мозгом. «Задумывается ли о чем-либо крыса, когда у нее свободное время?» – сделать такое заключение существенно сложнее.

Наряду с этим стремительное развитие нейрофизиологии в последние десятилетия – совершенствование методов, позволяющих все более детально описать физиологические процессы, происходящие в центральной нервной системе; накопление полученных этими методами данных; разработка на их основе многочисленных моделей, – позволяет заглянуть чуть глубже в область предполагаемой мыслительной активности.

Где рождаются человеческие мысли? Долгое время изучая мысленный поток, исследователи акцентировали внимание на внутренней речи («посредством чего» можно думать) и связанных с нею областях мозга.

Открытие специфической системы мозга, активной в состоянии покоя и деактивирующейся при переходе к решению большинства задач, требующих включения процессов переработки внешней информации, привлекло внимание к процессуальному аспекту размышлений. Default mode system (далее – DMN), название которой переводится как «система мозга по умолчанию», «сеть пассивного режима работы мозга», «нейронная сеть оперативного покоя» и т. д., была первоначально описана на основании нейрофизиологических данных [Shulman et al., 1997] и затем связана с различными аспектами психического функционирования [Andrews-Hanna, 2011]. Было показано, что некоторые задачи (прежде всего, обдумывание своих взаимоотношений с другими людьми, вопросов, касающихся самого себя, решение моральных дилемм) не только не снижают, но, напротив, увеличивают активацию DMN. Нарушения работы DMN отмечают при ряде патологических состояний психики: активность ее компонентов снижается при болезни Альцгеймера, деменциях, расстройствах аутистического спектра, коррелируя с поведенческими нарушениями в социальной сфере; напротив, повышение активности отмечается, например, при депрессии и соответствует усилению ру-

минативного мыслительного потока, «пережевывания» отрицательно окрашенных навязчивых мыслей [Whitfield-Gabrieli, Ford, 2011]. Накопление данных, показывающих связь работы DMN с процессами самоидентификации и саморепрезентации, обдумывания собственного прошлого и будущего, мысленного конструирования социальных взаимоотношений, привело к тому, что пассивный характер работы сети подвергается сомнениям. Она все чаще рассматривается как средство для обдумывания долгосрочных задач во время, свободное от решения оперативных [Andrews-Hanna et al., 2014], при этом мыслительные процессы, связанные с ее активностью, занимают весь спектр от «блуждания мыслей» [Mason et al., 2007] до саморефлексии [Qin, Northoff, 2011]. Активность DMN связывают с процессами воображения и творческим мышлением [Beaty et al., 2018].

О чем животные могут думать? Самоописания людьми своих мыслей включают прежде всего размышления о прошлом и будущем, о себе и о ситуациях социального взаимодействия, имеющих отношение к реальности или фантазийных. Реже отмечаются попытки найти творческое решение инструментальных задач.

Думают ли животные о себе и других? В этом контексте представляет интерес гипотеза социального мозга, предложенная Л. Братерс [Brothers, 1990] и позже популяризированная Р. Данбаром. Согласно ей, для обработки социальных сигналов существует специализированная система мозга. Развивая эту идею, Р. Данбар предполагает, что именно эволюция этой системы объясняет необычно большой размер мозга, по сравнению с размерами тела, у приматов [Barton, Dunbar, 1997]. Позже это предположение было обобщено по отношению ко всем позвоночным животным для объяснения эволюции мозга.

Р. Данбар описывает качественную связь размеров мозга со сложностью системы социальных взаимодействий у млекопитающих – не приматов и птиц: наибольший размер мозга выявляется у видов с моногамными брачными системами, что автор объясняет возрастающей необходимостью в социальном познании при поддержании долговременных взаимоотношений в паре и вовлечении в заботу о потомстве обоих родителей. Для приматов он описывает уникальную прямую монотонную взаимосвязь величины мозга и размеров социальных групп, в которых находятся животные. Он предполагает, что у приматов явление привязанности, проявляющееся в моногамных отношениях, было перенесено на отношения дружбы, и включение их в общую систему социальных отношений приводит к ее суще-

ственному усложнению. Также он предполагает, что итогом эволюции социального мозга становится формирование модели психического (theory of mind) у человека [Dunbar, 2009].

Альтернативной точкой зрения является то, что каждая из многих подсистем мозга решает как социальные, так и не социальные задачи, взаимодействуя друг с другом и формируя функциональные объединения в рамках текущей деятельности [Fodor, 1983]. Как специфику обработки социальных стимулов рассматривают высокую включенность в нее аффективных процессов, что выделяет социальное познание из познания физического мира (см.: [Рычкова, Холмогорова, 2012]).

Представление о модели психического (theory of mind) впервые было предложено Д. Примаком и Г. Вудраффом на основе исследований поведения шимпанзе: животные эффективно решали задачи, в которых им было необходимо понять затруднения и цели актера, оказавшегося в проблемной ситуации, и предложить адекватный вариант ее разрешения [Premack, Woodruff, 1978]. Авторы описали модель психического как способность приписывать себе и другим психические способности, что позволяет прогнозировать поведение других. В дальнейшем фокус внимания исследований модели психического в значительной мере переместился на изучение ее развития в нормальном онтогенезе человека и у людей с различными нарушениями психического функционирования (шизофрения, расстройства аутистического спектра и т. д.). Активно разрабатывается структура модели психического как многомерного образования. Например, С. Г. Шамай-Тсоори выделяет когнитивный и аффективный компоненты модели психического. Первый из них, в свою очередь, включает психические репрезентации первого и второго порядков (представления о психических состояниях других и представления о том, как другие конструируют представления о психических состояниях кого-либо), второй – когнитивную и эмоциональную эмпатию. Показаны нейронные корреляты каждого из выявленных компонентов [Shamay-Tsoory et al., 2010; Perry, Shamay-Tsoory, 2013]. М. Деннис дополняет модель волевым компонентом – это представление о своем влиянии на мысли и чувства других [Dennis et al., 2013].

Многие авторы выделяют уровневую структуру модели психического, например П. Гарденфорс (Gardenfors, 2003) (см.: [Сергиенко и др., 2009]). Существенное внимание уделяется вопросам последовательного развития модели психического в онтогенезе, выявлению базовых, врожденных компонентов и последовательности формирова-

ния уровней понимания психических состояний себя и других. Если первоначально исследовались дети, в последнее время все большее внимание уделяется взрослым и пожилым людям [Мелехин, 2015]. Интересны данные, согласно которым у взрослых людей выявляются две четко различающиеся системы, обеспечивающие реакции в социальных взаимодействиях: в то время как одна работает автоматически, для функционирования второй затрачиваются существенные усилия (Acherly, 2013) (см.: [Сергиенко, 2014]). Нужно отметить, что данные о затрате значительной энергии именно на обработку социальной информации и принятии решений о поведении в социуме встречаются у многих авторов. И именно часть модели психического, требующая при своей реализации детальной обработки информации и поиска сложных решений, связывается с функционированием DMN [Wanqing et al., 2014].

Существуют многочисленные данные о наличии модели психического у животных [Резникова, 2005]. Активно изучаются ее компоненты и сопоставляются с описанными для человека. Нельзя исключать того, что это сходство распространяется и на психические процессы, сопровождающие принятие социальных решений.

Система мозга «по умолчанию» и «социальный мозг» у приматов. В ряде исследований было отмечено существенное перекрытие между человеческой DMN с областями, связанными с социальным познанием (см., например: [Corbetta et al., 2008; Schilbach et al., 2008]). Шильбах предполагает, что именно DMN отвечает за формирование модели психического [Hagmann et al., 2008].

Наряду с этим было показано существование DMN у ряда видов приматов. Дж. Винсент с соавторами показали, что находящиеся под воздействием легкой анестезии (что рассматривалось аналогично состоянию покоя и давало возможность провести измерения у диких животных) два вида макак (*Macaca mulatta* и *Macaca fascicularis*) демонстрируют мозговую активность, схожую с активностью DMN человека [Vincent et al., 2007]. Вслед за этим на домашних бодрствующих макаках была показана активация тех же структур [Kojima et al., 2009]. В 2011 г. был осуществлен метаанализ результатов 15 исследований DMN, проведенных на 10 макаках, и сделано заключение, что вне активного решения задач они, подобно людям, обращаются ко внутренним моделям обработки информации [Mantini et al., 2011]. Была описана DMN у шимпанзе [Rilling et al., 2007], а в последующем показана ее активация при решении социальных задач [Barks et al., 2013]. Некоторые области описанной сети DMN приматов явно отли-

чаются от человеческих, однако аналогия данных сетей также очевидно прослеживается.

В соответствии с гипотезой Р. Данбара, были проведены исследования структурных различий мозга макаки (*Macaca mulatta*) по отношению к двум факторам социальной жизни макак в неволе: число особей в группе и положение животного в социальной иерархии группы. В случаях, когда макаки размещались с большим числом животных, было выявлено увеличение объема серого вещества в сети регионов, включая роstralную часть префронтальной коры, миндалину, переднюю и среднюю части верхней височной борозды [Sallet et al., 2011]. Отмечается, что эти результаты согласуются с данными о прямой взаимосвязи увеличения объема серого вещества, сети социальных контактов и успешности социального познания (модели психического) у людей [Mars et al., 2012]. Те же авторы на основе обзора литературы и метааналитических исследований утверждают, что «социальный мозг» не эквивалентен DMN, но в значительной степени перекрывается с ней, и DMN может отвечать за мысли о социальных взаимодействиях и о себе, а также функционирование модели психического у приматов [Ibid.]. Аналогичные взаимосвязи социального мозга и DMN описываются для людей [Wanqing et al., 2014].

Исследования аналогов DMN у млекопитающих – не приматов. Удобный и поэтому широко распространенный объект исследований, в том числе нейрофизиологических, – это крысы. При изучении их были описаны сети, имеющие сходство с DMN человека и других приматов. Зачастую обозначения этих сетей, приводимые авторами исследований, весьма осторожны и указывают на то, что речь идет не о собственно DMN, а ее аналоге: Default-Mode-Like Network, Resting State Networks и т. д. [Becerra et al., 2011; Upadhyay et al., 2011]. Однако в 2012 г. выходит статья под названием «Rat brains also have a default mode network», где на основе сравнения данных, полученных для человека, обезьян и крыс, утверждается, что обнаруживаемые различия относятся к характеру организации сети, но не являются принципиальными для самого выделения сети. Помимо изучения самих структур, входящих в DMN у крыс, исследовалось их взаимодействие с другими известными функциональными объединениями в составе мозга, и сопоставлялось с аналогичными показателями у человека [Sierakowiak et al., 2015]. Одна из целей проведения таких исследований – эволюционный анализ, попытка выделения структур, специфичных для человека и объясняющих особенности именно человеческих психических процессов. Одновременно с этим анализ от-

личий может быть ориентирован и на особенности задач, решаемых тем видом животных, который выбирается для сравнения. Сопоставляя данные такого рода, мы можем предположить, как строится субъективная реальность крысы и чем она отличается от человеческой. На сегодняшний день получены первичные данные, которые позволяют в будущем ставить подобные задачи.

Второе обоснование того, что исследования такого рода проводятся все чаще – потенциальная возможность моделирования круга заболеваний человека, связанных с нарушениями обработки подобной информации (чрезмерный мысленный поток или его недостаточность, различные нарушения обработки социальной информации и социального реагирования). Авторы зачастую указывают, что в данный момент цели их исследований – это отработка методик, позволяющих создавать сходные условия эксперимента, чтобы разные схемы получения обработки данных не давали артефактов в области наблюдаемых межвидовых различий; последующее выявление аналогий для создания адекватных животных моделей.

Еще одна группа животных, достаточно активно исследуемая в описанной парадигме, – это собаки. Длительная совместная эволюция собак и человека делает их уникальным объектом для изучения физиологических коррелятов коммуникативного поведения, направленного на взаимодействие с другим видом. Кроме того, недавно были разработаны методы, позволяющие получать томографические данные у собак без анестезии, без фиксации, – как при пассивном реагировании на стимулы, так и при активном решении ими каких-либо задач: собак последовательно обучают находиться внутри аппаратов, принимать нужное положение, не реагировать на шум [Berns et al., 2012]. В недавно сделанном обзоре отмечается, что в серии исследований показаны нейрофизиологические основы социального интеллекта собак, изучены специфика реагирования на социальные стимулы иощрения, а также ряд других вопросов социального взаимодействия; описаны особенности систем, отвечающих за обработку социальной информации, в сравнении с приматами и грызунами, расстройства этих систем. Авторы отмечают, что для моделирования патологий психики соответствующего круга у людей также можно использовать собак [Cook et al., 2016]. В то же время сообщается, что исследование мозговых коррелятов процессов обработки социальной информации, построения моделей социальных взаимодействий и прочих вопросов данного круга находится на начальном этапе [Ibid.].

Заключение. Итак, нейрофизиологический подход представляется перспективным для поиска физиологических коррелятов мыслительных процессов у животных. Мы рассмотрели описания нейронной сети оперативного покоя и гипотезу «социального мозга» как возможные подходы, интеграция которых дает возможность исследовать данную проблематику. На настоящий момент в их рамках наиболее изученной группой являются приматы, для которых показано существование DMN, достаточно близкой к человеческой, в значительной степени пересекающейся с «социальным мозгом», вовлеченной в решение социальных задач. Существует ряд исследований, посвященных грызунам (крысам) и собакам, для них показано существование сети DNМ или сходного с ней аналога, описаны ее предполагаемые особенности, которые могут быть соотнесены с различными формами поведения, однако эти данные являются фрагментарными, а в случае грызунов – нуждающимися в дальнейшем обсуждении с методической точки зрения.

Список литературы

Мелехин А. И. Модель психического (theory of mind) при нормальном старении // Социальная психология и общество, 2015. Т. 6 (1). С. 139-150.

Резникова Ж. И. Интеллект и язык животных и человека: основы когнитивной этологии. М.: ИКЦ «Академкнига», 2005.

Рычкова О. В., Холмогорова А. Б. Концепция «социального мозга» как основы социального познания и его нарушений при психической патологии. Ч. 1: Концепция «Социальный мозг» – продукт современной нейронауки // Культурно-историческая психология, 2012. Т. 3. С. 86–94.

Сергиенко Е. А., Лебедева Е. И., Прусакова О. А. Модель психического как основа становления себя и другого в онтогенезе человека. М.: Изд. ин-та психологии РАН, 2009.

Сергиенко Е. А. Модель психического как парадигма познания социального мира // Психологические исследования, 2014. Т. 7 (36). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n36/1017-sergienko36.html> (дата обращения 10.10.2018).

Andrews-Hanna J. R. The Brain's Default Network and Its Adaptive Role in Internal Mentation // The Neuroscientist 2011. Vol. 18 (3). P. 251–270.

Andrews-Hanna J. R., Smallwood J., Spreng R. N. The default network and self-generated thought: component processes, dynamic control, and clinical relevance // *Annals of the New York Academy of Sciences*. 2014. Vol. 1316. P. 29–52.

Barks S. K., Parr L. A., Rilling J. K. The Default Mode Network in Chimpanzees (*Pan troglodytes*) is Similar to That of Humans // *Cerebral Cortex*. 2013. Retrieved from: <http://www.biomedsearch.com/nih/Default-Mode-Network-in-Chimpanzees/24046078.html>

Barton R. A., Dunbar R. I. M. Evolution of the social brain // *Machiavellian intelligence II* / Eds. A. Whiten, R. Byrne. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997. P. 240–363.

Beatty R. E., Chen Q., Christensen A. P., Qiu J., Silvia P. J., Schacter D. L. Brain networks of the imaginative mind. Dynamic functional connectivity of default and cognitive control networks relates to openness to experience // *Human Brain Mapping*. 2018. Vol. 39. P. 811–821.

Becerra L., Pendse G., Chang P.-C., Bishop J., Borsook D. Robust Reproducible Resting State Networks in the Awake Rodent Brain // *PLoS ONE*. 2011. Vol. 6 (10). Received from: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0025701>.

Berns G. S., Brooks A. M., Spivak M. Functional MRI in Awake Unrestrained Dogs // *PLoS ONE*. 2012. Vol. 7 (5). P. e38027. Received from: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0038027>

Brothers L. The social brain: a project for integrating primate behavior and neurophysiology in a new domain // *Concepts in Neuroscience*. 1990. Vol. 1. P. 27–51.

Cook P. F., Brooks A., Spivak M., Berns G. S. Regional brain activations in awake unrestrained dogs // *Journal of Veterinary Behavior: Clinical Applications and Research*. 2016. Vol. 16. P. 104–112.

Corbetta M., Patel G., Shulman G. L. The reorienting system of the human brain: from environment to theory of mind // *Neuron*. 2008. Vol. 58. P. 306–324.

Dennis M., Simic N., Bigler E. D., Abildskov T., Agostino A., Taylor H. G., Rubin K., Vannatta K., Gerhardt C. A., Stancin T., Yeates K. O. Cognitive, Affective, and Conative Theory of Mind (ToM) in Children with Traumatic Brain Injury // *Dev Cogn Neurosci*. 2013. No. 5. P. 25–39.

Dunbar R. The Social Brain Hypothesis and Its Implications for Social Evolution // *Annals of Human Biology*, 2009. Vol. 36 (5). P. 562–572.

Fodor J. A. Modularity and Mind. Cambridge, 1983.

Hagmann P., Cammoun L., Gigandet X., Meuli R., Honey C. J., Weiden V. J., Sporns O. Mapping the structural core of the human cerebral cortex // PLoS Bioljgy. 2008. Vol. 6. P. e159. Received from: doi: 10.1371/journal.pbio.0060159

Kojima T., Onoe H., Hikosaka K., Tsutsui K., Tsukada H., Watanabe M. Default mode of brain activity demonstrated by positron emission tomography imaging in awake monkeys: higher rest-related than working memory-related activity in medial cortical areas // Journal of Neuroscience. 2009. Vol. 29. P. 14463–14471.

Mantini D., Gerits A., Nelissen K., Durand J. B., Joly O., Simone L., Sawamura H., Wardak C., Orban G. A., Buckner R. L., VanDuffel W. Default mode of brain function in monkeys // Journal of Neuroscience. 2011. Vol. 31. P. 12954–12962.

Mason M. F., Norton M. I., Van Horn J. D., Wegner D. M., Grafton S. T., Macrae C. N. Wandering minds: the default network and stimulus-independent thought // Science. 2007. Vol. 315. P. 393–395.

Mars R. B., Neubert F.-X., Noonan M. A. P., Sallet J., Toni I., Rushworth M. F. S. On the relationship between the «default mode network» and the «social brain» // Front. Hum. Neurosci. 2012. Vol. 6. Received from: <https://doi.org/10.3389/fnhum.2012.00189>.

Perry A., Shamay-Tsoory S. Understanding emotional and cognitive empathy: neuropsychological perspective // Understanding other minds / Eds. S. Baron-Cohen, H. Tager-Flusberg, M. V. Lombardo. Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. P. 178–195.

Premack D., Woodruff G. Does the chimpanzee have a «Theory of Mind»? // Behavioural and Brain Sciences. 1978. Vol. 4. P. 515–526.

Qin P., Northoff G. How is our self-related to midline regions and the default-mode network? // Neuroimage. 2011. Vol. 57. P. 1221–1233.

Rilling J. K., Barks S. K., Parr L. A., Preuss T. M., Faber T. L., Pagononi G., Bremner J. D., Votaw J. R. A comparison of resting-state brain activity in humans and chimpanzees // PNAS. 2007. Vol. 104 (43). P. 17146–17151.

Sallet J., Mars R. B., Noonan M. P., Andersson J., O'Reilly J. X., Jbabdi S., Croxson P. L., Miller K. L., Jenkinson M., Rushworth M. F. S. Social network size affects neural circuits in macaques // Science. 2011. Vol. 334. P. 697–700.

Schilbach L., Eickhoff S. B., Rotarska-Jagiela A., Fink G. R., Vogeley K. Minds at rest? Social cognition as the default mode of cognizing and

its putative relationship to the default system of the brain // *Consciousness and Cognition*. 2008. Vol. 17. P. 457–467.

Sierakowiak A., Monnot C., Aski S. N., Uppman M., Tie-Qiang L., Damberg P., Brene S. Default Mode Network, Motor Network, Dorsal and Ventral Basal Ganglia Networks in the Rat Brain: Comparison to Human Networks Using Resting State-fMRI // *PLoS ONE*. 2015. Vol. 10 (3). P. e0120345. Received from: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0120345>

Shamay-Tsoory S. G., Harari H., Aharon-Peretz J., Levkovitz Y. The role of the orbitofrontal cortex in affective theory of mind deficits in criminal offenders with psychopathic tendencies // *Cortex*. 2010. Vol. 46 (5). P. 668–677.

Shulman G. L., Fiez J. A., Corbetta M., Buckner R. L., Miezin, F. M., Raichle M. E., Petersen S. E. Common blood flow changes across visual tasks: II.: decreases in cerebral cortex // *Journal of Cognitive Neuroscience*. 1997. Vol. 9. P. 648–663.

Upadhyay J., Baker S.J., Chandran P., Miller L., Lee Y., Marek G. J., Sakoglu U., Chin C.-L., Luo F., Fox G. B., Day M. Default-Mode-Like Network Activation in Awake Rodents // *PLoS ONE*. 2011. Received from: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0027839>

Vincent J. L., Patel G. H., Fox M. D., Snyder A. Z., Baker J. T., Van Essen D. C., Zempel J. M., Snyder L. H., Corbetta M., Raichle M. E. Intrinsic functional architecture in the anaesthetized monkey brain // *Nature*. 2007. Vol. 447. P. 83–86.

Wanqing L., Xiaoqin M., Chao L. The default mode network and social understanding of others: what do brain connectivity studies tell us // *Front. Hum. Neurosci.* 2014. Received from: <https://doi.org/10.3389/fnhum.2014.00074>

Whitfield-Gabrieli S., Ford J. M. Default Mode Network Activity and Connectivity in Psychopathology // *Annual Review of Clinical Psychology*. 2011. Vol. 8 (1). P. 49–76.

Zh. I. Reznikova, E. A. Dorosheva,

*Institute of Systematics and Ecology of Animals SB RAS
11 Frunze Str., Novosibirsk, 630091, Russian Federation*

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

zhanna@reznikova.net, Elena.dorosheva@mail.ru

DO ANIMALS THINK? NEW RESEARCH OPPORTUNITIES PRESENTED BY NEUROPHYSIOLOGY

The article is concerned with analysis of investigations into «social brain» and default mode network presumably responsible for self-reference and thought processes involved in interactions with others, in various animal species. Discussed are the principal results obtained by studying apes, monkeys, rats and dogs in comparison with humans. It was concluded that the neurophysiological data obtained in these approaches could be used in future studies to significantly expand conceptions of the mental processes underlying self-perception and solving difficult tasks in the area of social interactions regulation in animals.

Keywords: default mode system, social brain, theory of mind, thinking processes, dog, rates.

References

Melehin, A. I. (2015). Model' psihicheskogo (theory of mind) pri normal'nom starenii [Theory of Mind in Normal Aging]. *Social'naia psihologiya i obshchestvo*, 6 (1), 139–150.

Reznikova, Zh. *Intellekt i iazyk zhivotnyh i cheloveka: osnovy kognitivnoj ehtologii* [Intelligence and language of animals and human]. M.: IKC «Akademkniga», 2005.

Rychkova, O. V., Kholmogorova, A. B. (2012). Konceptsiia «social'nogo mozga» kak osnovy social'nogo poznaniia i ego narushenij pri psihicheskoi patologii. [Social Brain Concept as a Basis for Social Cognition and Its Deficits in Mental Disorders. Part I. 'Social Brain': Product of Modern Neuroscience]. *Kul'turno-istoricheskaja psihologiya*, 3, 86–94 (in Russ.)

Sergienko, E. A., Lebedeva, E. I., Prusakova, O. A. (2009). *Model' psihicheskogo kak osnova stanovleniia sebii i drugogo v ontogeneze cheloveka* [The Theory of Mind as the basis for the emergence of self and others in the human ontogenesis]. Moskva: Izdatel'stvo Instituta psihologii RAN (in Russ.)

Sergienko, E. A. (2014). Model' psihicheskogo kak paradigma poznaniia social'nogo mira [Theory of Mind as a paradigm of social cognition]. *Psihologicheskie issledovaniia*, 7 (36). Received from: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n36/1017-sergienko36.html> (in Russ.)

Andrews-Hanna, J. R. (2011). The Brain's Default Network and Its Adaptive Role in Internal Mentation. *The Neuroscientist*, 18(3): 251–270.

Andrews-Hanna, J. R., Smallwood, J., Spreng, R. N. (2014). The default network and self-generated thought: component processes, dynamic control, and clinical relevance. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 1316, 29–52.

Barton, R. A., Dunbar, R. I. M. (1997). Evolution of the social brain. In: A. Whiten, R. Byrne (eds.), *Machiavellian intelligence II* (pp. 240–363). Cambridge: Cambridge University Press.

Barks, S. K., Parr, L.A., Rilling, J. K. (2013). The Default Mode Network in Chimpanzees (*Pan troglodytes*) is Similar to That of Humans. *Cerebral cortex*. Retrieved from <http://www.biomedsearch.com/nih/Default-Mode-Network-in-Chimpanzees/24046078.html>

Beaty, R. E., Chen, Q., Christensen, A. P., Qiu, J., Silvia, P. J., Schacter, D. L. (2018). Brain networks of the imaginative mind. Dynamic functional connectivity of default and cognitive control networks relates to openness to experience. *Human Brain Mapping*, 39, 811–821.

Becerra, L., Pendse, G., Chang, P.-C., Bishop, J., Borsook, D. (2011). Robust Reproducible Resting State Networks in the Awake Rodent Brain. *PLoS ONE*, 6 (10). Received from: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0025701>.

Berns, G. S., Brooks, A. M., Spivak, M. (2012). Functional MRI in Awake Unrestrained Dogs. *PLoS ONE*, 7(5), e38027. Received from: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0038027>

Brothers, L. (1990). The social brain: a project for integrating primate behavior and neurophysiology in a new domain. *Concepts in Neuroscience*, 1, 27–51.

Cook, P. F., Brooks, A., Spivak, M., Berns, G. S. (2016). Regional brain activations in awake unrestrained dogs. *Journal of Veterinary Behavior: Clinical Applications and Research*, 16, 104–112.

Corbetta, M., Patel, G., Shulman, G. L. (2008). The reorienting system of the human brain: from environment to theory of mind. *Neuron*, 58, 306–324.

Dennis, M., Simic, N., Bigler, E. D., Abildskov, T., Agostino, A., Taylor, H. G., Rubin, K., Vannatta, K., Gerhardt, C. A., Stancin, T., Yeates, K. O. (2013). Cognitive, Affective, and Conative Theory of Mind (ToM) in Children with Traumatic Brain Injury. *Developmental cognitive neuroscience*, 5, 25–39.

Dunbar, R. (2009). *The Social Brain Hypothesis and Its Implications for Social Evolution*. *Annals of Human Biology*, 36 (5), 562–572.

Fodor, J. A. *Modularity and Mind*. Cambridge, 1983.

Hagmann, P., Cammoun, L., Gigandet, X., Meuli, R., Honey, C. J., Wedeen, V. J., and Sporns, O. (2008). Mapping the structural core of the human cerebral cortex. *PLoS Biol*, 6, e159. Received from: doi: 10.1371/journal.pbio.0060159

Kojima, T., Onoe, H., Hikosaka, K., Tsutsui, K., Tsukada, H., Watanabe, M. (2009). Default mode of brain activity demonstrated by positron emission tomography imaging in awake monkeys: higher rest-related than working memory-related activity in medial cortical areas. *Journal of Neuroscience*, 29, 14463–14471.

Mantini, D., Gerits, A., Nelissen, K., Durand, J. B., Jol, O., Simone, L., Sawamura, H., Wardak, C., Orban, G. A., Buckner, R. L., VanDuffel, W. (2011). Default mode of brain function in monkeys. *Journal of Neuroscience*, 31, 12954–12962.

Mason, M. F., Norton, M. I., Van Horn, J. D., Wegner, D. M., Grafton, S. T., Macrae, C. N. (2007). Wandering minds: the default network and stimulus-independent thought. *Science*, 315, 393–395.

Mars, R. B., Neubert, F.-X., Noonan, M.A.P., Sallet, J., Toni, I., Rushworth, M. F. S. (2012). On the relationship between the “default mode network” and the “social brain”. *Front. Hum. Neurosci.*, 6. Received from: <https://doi.org/10.3389/fnhum.2012.00189>.

Perry, A., Shamay-Tsoory, S. (2013). Understanding emotional and cognitive empathy: neuropsychological perspective. In: S. Baron-Cohen, H. Tager-Flusberg, M. V. Lombardo (eds.), *Understanding other minds. Perspectives from developmental social neuroscience* (pp. 178–195). Oxford: Oxford University Press.

Premack, D., Woodruff, G. (1978). Does the chimpanzee have a «Theory of Mind»? *Behavioural and Brain Sciences*, 4, 515–526.

Qin, P., Northoff, G. (2011). How is our self-related to midline regions and the default-mode network? *Neuroimage*, 57, 1221–1233.

Rilling, J. K., Barks, S. K., Parr, L. A., Preuss, T. M., Faber, T. L., Pagononi, G., Bremner, J. D., Votaw, J. R. (2007). A comparison of resting-state brain activity in humans and chimpanzees. *PNAS*, 104 (43), 17146–17151.

Sallet, J., Mars, R. B., Noonan, M. P., Andersson, J., O'Reilly, J. X., Jbabdi, S., Crosson, P. L., Miller, K. L., Jenkinson, M., Rushworth, M. F. S. (2011). Social network size affects neural circuits in macaques. *Science*, 334, 697–700.

Schilbach, L., Eickhoff, S. B., Rotarska-Jagiela, A., Fink, G. R., Vogeley, K. (2008). Minds at rest? Social cognition as the default mode of cognizing and its putative relationship to the default system of the brain. *Consciousness and Cognition*, 17, 457–467.

Sierakowiak, A., Monnot, C., Aski, S. N., Uppman, M., Tie-Qiang, L., Damberg, P., Brene, S. (2015). Default Mode Network, Motor Network, Dorsal and Ventral Basal Ganglia Networks in the Rat Brain: Comparison to Human Networks Using Resting State-fMRI. *PLoS ONE*, 10 (3), e0120345. Received from: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0120345>

Shamay-Tsoory, S. G., Harari, H., Aharon-Peretz, J., Levkovitz, Y. (2010). The role of the orbitofrontal cortex in affective theory of mind deficits in criminal offenders with psychopathic tendencies. *Cortex*, 46 (5), 668–677.

Shulman, G. L., Fiez, J. A., Corbetta, M., Buckner, R. L., Miezin, F. M., Raichle, M. E., Petersen, S. E. (1997). Common blood flow changes across visual tasks: II: decreases in cerebral cortex. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 9, 648–663.

Upadhyay, J., Baker, S. J., Chandran, P., Miller, L., Lee, Y., Marek, G. J., Sakoglu, U., Chin, C.-L., Luo, F., Fox, G. B., Day, M. (2011). Default-Mode-Like Network Activation in Awake Rodents. *PLoS ONE*. Received from: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0027839>

Vincent, J. L., Patel, G. H., Fox, M. D., Snyder, A. Z., Baker, J. T., Van Essen, D. C., Zempel, J. M., Snyder, L. H., Corbetta, M., Raichle, M. E. (2007). Intrinsic functional architecture in the anaesthetized monkey brain. *Nature*, 447, 83–86.

Wanqing, L., Xiaoqin, M., Chao, L. (2014). The default mode network and social understanding of others: what do brain connectivity studies tell us. *Front. Hum. Neurosci.* Received from: <https://doi.org/10.3389/fnhum.2014.00074>

Whitfield-Gabrieli, S., Ford, J. M. (2011). Default Mode Network Activity and Connectivity in Psychopathology. *Annual Review of Clinical Psychology*, 8 (1), 49–76.

УДК 159.9

Л. А. Бодрова

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

bodrova_la@mail.ru

**ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА УПРАВЛЕНИЯ
КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ОРГАНИЗАЦИИ**

Статья посвящена анализу организационной структуры как базовой характеристики организации. Автор убежден в системообразующей роли структуры в становлении и функционировании организации. Рассматриваются этапы исследования организационных структур зарубежными и отечественными исследователями, терминологическое разнообразие формулировок понятия «организационная структура», ее место и роль, как инструмента достижения целей организации. Подробно анализируются количественные и качественные характеристики организационной структуры, ее функции. Особое внимание уделено схемам организационных структур – органограммам. В заключение прослеживается эволюция отношения исследователей к организационной структуре с позиций двух основных теоретических подходов: классического и динамического.

Ключевые слова: организационная структура, формальная и неформальная структура, параметры организации, концепции организационного развития, органограмма.

Структура организации (организационная структура) является одним из центральных параметров организации [Мастенбрук, 1996].

Современное общество состоит из множества организаций. Мы живем в период, когда организации стали столь распространенным явлением, что мы воспринимаем их как данность. Общее чис-

Бодрова Л. А. Организационная структура управления как системообразующая характеристика организации // Reflexio. 2018. Т. 11, № 2. С. 149–169.

ло организаций в мире приближается к 200 млн. Число организаций в России по данным государственной регистрации в 2017 г. составляло около 4,7 млн.

Однако организации в современном виде сформировались сравнительно недавно. Хотя люди объединялись в группы для коммерческих целей со времен Древней Греции и Рима, современная организация появилась в последней четверти XIX в. Их было мало и они не имели сегодняшнего значения. Организациями того времени «в полном смысле слова можно было назвать лишь государство и церковь» [Занковский, 2009].

Веком «бума организаций» стал XX в., когда организации стали чрезвычайно важными для общества. Эта важность обусловлена тем, что организации существуют для реализации важных и многочисленных потребностей, как общества, так и отдельного человека. «Они предназначены объединять ресурсы для достижения желаемых целей и результатов; эффективно производить товары и услуги; создавать ценность для собственников, потребителей и работников; облегчать внедрение инноваций; справляться с текущими проблемами многообразия и неопределенности окружающего мира» [Дафт и др., 2013].

Организация (предприятие, фирма) – это «система сознательно координируемой деятельности двух и более людей, функционирующая на относительно постоянной основе для достижения общей цели или целей» [Мескон и др., 2017. С.14].

Люди могут смениться, организация сохраняется. Таким образом, объединение людей можно назвать организацией, если есть:

- наличие не менее 2 человек, считающих себя частью этого объединения;
- наличие как минимум одной цели, которую принимают как общую все члены объединения;
- намеренное осуществление совместной деятельности членами этого объединения для достижения значимой для всех цели.

Дафт с соавторами определяет организации как «(1) социальные объекты, которые (2) ориентированы на достижение цели, (3) задуманы как специально структурированные и скоординированные системы для выполнения определенных видов деятельности и (4) имеют связи с внешним окружением» [Дафт и др., 2013, С. 31].

Став важной составляющей современного общества, организация стала и предметом интереса исследователей – представителей разных областей знания. Теория организации изучает организацию, как явление, рассматривая следующие вопросы:

- зачем организации нужны людям;
- причины их возникновения, особенности функционирования, исчезновения;
- как различные части организаций взаимодействуют между собой и с внешней средой;
- как складываются отношения людей в процессе совместной деятельности в организации.

Эти же вопросы правомерны и в отношении *структуры организации* как одной из центральных характеристик организации.

Теория организаций делит организации на формальные и неформальные.

«Формальная организация – предварительно спланированная структура полномочий и функций, которая устанавливается на основе сложившегося взаимодействия между компонентами организации» [Мильнер, 2008. С. 35].

Честер Барнард первым ввел понятия формальной и неформальной организации [2012].

«Формальные организации составляют важный предмет научных исследований, направленный на более успешную адаптацию общества к меняющейся жизни [...]. Внимательное наблюдение за действиями людей в обществе – за их движениями, речью и за явствующими из их действий мыслями и чувствами – показывает, что многие из них, возможно большинство, обусловлены или управляются формальными организациями» [Там же. С. 3].

Неформальной организацией Ч. Барнард называет «стихийно образовавшуюся группу людей, вступивших в регулярное взаимодействие под влиянием различных факторов (общий интерес, объективная необходимость сотрудничать, личная безопасность) для достижения определенных целей». Барнард относит к неформальным организациям такие совокупности, как народ и общество.

Структура организации (организационная структура) является одним из центральных параметров организации как системы, ее важнейшей системообразующей характеристикой. Как и организация, она может быть формальной и неформальной.

В своем аналитическом обзоре К. А. Кравченко выделяет несколько этапов исследований организаций и организационных структур за рубежом [1994. С.168]:

- 1900–1925 гг. – классические теории организации (М. Вебер, А. Файоль, Ф. Тейлор);

- 30-е – конец 70-х – формирование основ концепции «человеческих отношений» (Э. Мэйо, Ф. Херцберг, Д. Мак-Грегор, А. Маслоу);
- 70-е – начало 80-х – окончательное создание парадигмы современной социологии организаций, центральные понятия которой – власть и контроль (Дж. Пфеффер, Дж. Саланчик);
- середина 80-х – настоящее время – постмодернистский период, который отличается, с одной стороны, стабилизацией современной парадигмы (Г. Минцберг, У. Мастенбрук), а с другой – возникновением новых, авангардных направлений, в частности, организационной экологии (М. Ханнан, Дж. Фримен). Этот период П. Друкер назвал еще «эпохой без закономерностей».

В отечественных организационных науках вопросами структуры организации в 1920-х гг. занимался А. А. Богданов, уже тогда рассматривавший структуру организации как динамическую характеристику.

После долгого перерыва интерес к исследованиям структуры организации в России возобновился в середине 1990-х гг. (Е. П. Попова, А. И. Пригожин, И. Г. Владимирова, Т. Ю. Базаров, В. Г. Антонов, А. С. Брайович, С. Р. Филонович, О. С. Виханский и др.). В 2000-х гг. вопросы роли и места организационной структуры управления продолжают обсуждать в своих работах В. А. Баринов, К. А. Кравченко, В. П. Мешалкин.

Как писал в 1979 г. У. Г. Учи, «общество становится все более плюралистическим, т. е. состоит из более разнообразных этнических, религиозных и культурных групп, но все больше и больше взаимозависимым. Необходимость совместной работы американцев растет, в то время как им становится все труднее это делать».

В настоящее время так можно сказать и о нашем отечественном обществе организаций. Это делает изучение структуры организации, как ее центральной характеристики, особенно актуальным.

Формальная и неформальная структура организации

Структура организации делится на формальную и неформальную структуру.

Формальная структура организации «определяет всю систему отношений и набор функций, позволяющих осуществлять целенаправленную деятельность. Это внутреннее строение любой производственно-хозяйственной системы, то есть способ организации

элементов в систему, совокупность устойчивых связей и отношений между ними» [Антонов, 2000].

Наряду с формальной структурой в организации, как правило, существует неформальная структура.

Формальная структура организации создается произвольно для достижения целей субъекта властного влияния и закрепляется в правилах, стандартах, нормах. Неформальная структура возникает, как правило, стихийно и является результатом взаимодействия сложившейся внутри или вне организации группы людей.

Формальная структура организации должна рассматриваться во взаимосвязи с внешним окружением, целями, стратегией, организационной культурой, возрастными периодами и динамикой развития организации.

Понятие организационной структуры: терминологическое разнообразие

Теоретики организации, исследуя ее структуру, дают этому параметру разные определения, вкладывая многообразные смыслы и выделяя в структуре организации разные составляющие, создавая в ходе исследований и анализа разные подходы – от вводящих в заблуждение упрощенных до сложных. В литературе можно встретить два равнозначных названия этого термина: структура организации и организационная структура.

Сходясь в одном – ее ключевой роли в функционировании организации – исследователи выделяют в структуре организации разные составляющие и расставляя акценты на наиболее значимых, с их точки зрения, ее составляющих.

Определяющая роль структуры организации в эффективности деятельности организации и отсутствие операционального определения понятия «структура организации», уже более полувека привлекают внимание исследователей, порождая большое разнообразие подходов и формулировок.

Анализируя их трактовки, можно, с нашей точки зрения, выделить следующие группы характеристик структуры организации, на которых авторы делают акцент.

1. Дизайн систем, обеспечивающих разделение процесса труда, распределение ролей, эффективные коммуникации, координацию и интеграцию усилий для достижения целей организации (Р. Дафт

с соавт., А. Н. Занковский, У. Мастенбрук, Мескон с соавт., Г. Минцберг, Р. Блау, К. Н. Wexley и G. A. Yukl).

2. Формирование отношений подотчетности, которые включают количество уровней иерархии и сферу контроля (Л. Болмэн и Т. Дил, Р. Дафт с соавт.).

3. Группирование индивидов в подразделения, подразделений в единую организацию; группирование работ и видов деятельности. Группы могут быть организованы на основе процесса, продукта, проекта, рынка, потребителя, географической зоны или области знания (М. Армстронг, Л. Болмэн и Т. Дил).

4. Распределение власти и формирование требуемого организацией поведения (А. Н. Занковский, Дж. Пфедфер, J. Child, К. Н. Wexley и G. A. Yukl).

Л. Болмэн и Т. Дил дают расширительное толкование понятия структуры организации, описывая структуру, как «набросок плана официально санкционированных ожиданий и взаимодействия внутренних игроков (руководителей, менеджеров, работников) и внешних контрагентов (например, покупателей и клиентов)». Согласно их концепции, структура организации является одним из четырех фреймов, составляющих организацию. Они также отмечают, что «возможности создания альтернативных конструкций бесконечны и ограничены лишь человеческими предпочтениями и возможностями» [Болмэн, Дил, 2012. С. 85].

Применительно к организационной реальности необходимо подчеркнуть то главное, что характерно для структуры организации: это единая, сознательно конструируемая система, соединяющая вертикальными и горизонтальными связями работников и их группы в единое целое для достижения поставленных целей деятельности организации и обладающая собственными законами построения, функционирования и развития.

Место структуры организации среди других параметров организации

Структура организации предназначена для достижения стоящих перед организацией целей. Организационные цели, в свою очередь, разрабатываются высшим руководством организации для реализации имеющихся видения и миссии организации.

На основе организационных целей разрабатываются стратегии достижения этих целей. В зависимости от особенностей развития ор-

организации стратегии развития могут быть различными: М. Мескон с соавторами выделяет следующие виды стратегий: «роста, ограниченного роста, сокращения и сочетание этих вариантов» [Мескон и др., 2017. С. 201].

По их мнению, структура организации «основывается на стратегии организации». Утверждение это основано на наблюдениях изменений организационных структур крупных американских корпораций, проведенных А. Чандлером-Дюпоном младшим, в ходе которых он соотнес изменения структуры организации с изменениями стратегий и целей организации. Осмысление результатов, изложенных в книге «Стратегия и структура: главы истории промышленного предприятия» (1962), позволило Чандлеру сформулировать свой впоследствии ставший знаменитым принцип: «Стратегия определяет структуру».

На этой основе в организационных науках в дальнейшем сформировались представления о структуре организации, как о параметре организации, обеспечивающем реализацию ее стратегии. Также был сформулирован принцип, согласно которому изменения стратегии требуют соответствующих изменений организационной структуры.

Схематически место структуры организации среди других параметров организации представлено ниже.

Структура организации, таким образом, является инструментом для достижения организационных целей.

Организационные единицы (подразделения, должности) получают из общей системы целей требования «обеспечить определенные результаты: произвести такую-то продукцию, в таком-то ассортименте и объеме, либо создать фирме такую-то репутацию, занять такую-то нишу рынка и такое-то место среди конкурентов» [Пригожин, 2003, С. 27].

Каскадированные цели формулируются в виде задач подразделений, функций должностей, обязанностей, выполнение которых обеспечивает реализацию стратегий и достижение организационных целей.

Основные функции структуры организации

Структура организации – главный инструмент реализации деятельности организации. Как следствие этого, ее основными функциями являются:

- 1) создание того, что производят организации – продукта (услуги);
- 2) регулирование влияния индивидуального поведения в организации: обеспечение согласования поведения людей, входящих в организацию, с требованиями организации;
- 3) осуществление властных функций: устанавливается или определяется соотношение должностных позиций в организационной иерархии, определяются приоритеты этих позиций. В организационной иерархии выделяются главные и определяющие должности;
- 4) обеспечение организации, определение направления (восходящее и нисходящее), прохождения и регулирования потоков информации, являющихся основой и формой для принятия решений в организации;
- 5) выполнение посредством функционирования звеньев организационной структуры, как инструмента действия организации, всей ее деятельности;
- 6) эффективное достижение поставленных целей;
- 7) обеспечение соответствия функций управления содержанию и методам выполнения работ и поддержка эффективности их реализации.

Структура организации как инструмент достижения организационных целей

Целенаправленность, как отмечает ряд авторов, является одной из важнейших характеристик организации. В частности, А. Н. Занковский считает, что «первым и неперенным условием существования организации является формирование *общей цели*. Цель, представленная в форме утверждения, в котором с большей или меньшей конкретностью отражены некоторые желательные для организации результаты, выступает ключевым фактором, определяющим поведение ее членов» [2009. С. 251].

Структура организации является *главным инструментом достижения организационных целей*. Достижение этих целей находится

в прямой зависимости от эффективности структуры организации. У. Мастенбрук, полагая структуру организации ее центральной характеристикой, связывает напрямую достижение и поддержание организационных целей именно с нею. Он считает, что в отсутствие эффективной структуры организации достижение организационных целей находится под угрозой. Л. Болмэн и Т. Дил считают структурный фрейм «наиболее широко используемым способом осмысления организации» [2012. С. 80] и подчеркивают ключевую роль организационной структуры в функционировании организаций.

Структурное деление – способ систематизации деятельности для облегчения достижения целей организации. Для того чтобы совокупность структурных подразделений и должностей являлась отлаженным механизмом, необходимо снабдить этот механизм скоординированным распределением полномочий между подразделениями и отдельными должностями. Это достигается путем построения «дерева целей».

Основанием при построении структуры организации являются организационные цели: именно на основе их каскадирования и формирования «дерева целей» создаются объекты структуры: службы, подразделения, отдельные должности, на которые в соответствии с целями должности подбираются работники. Организационные цели определяют также характер взаимодействия между подразделениями и отдельными работниками, и их функции.

Таким образом, в основе базовых структурных и процессуальных характеристик организации лежит общая цель. Достижение этой цели обеспечивается только при выполнении всеми объектами структуры каскадированных им целей и задач, являющихся элементами общей цели.

Эффективное достижение целей и, как следствие, эффективность деятельности организации обеспечиваются и поддерживаются:

- пониманием работниками структуры работ, подразделений и функциональных единиц, отраженных в схемах организационных структур и должностных обязанностях;
- наличием реальных структурных взаимосвязей между работниками;
- распределением функций и полномочий работников организации на разных уровнях управления в соответствии с «деревом целей».

Основные качественные и количественные характеристики организационной структуры

Теоретики организации выделяют различные характеристики структуры организации. В традиционных подходах, основанных на принципах классического менеджмента, как правило, подвергают анализу следующие отличительные особенности структуры организации.

Сложность – количество уровней в иерархии, степень разделения деятельности на различные функции и территориального распределения подразделений. В зависимости от числа функций, уровней иерархии, наличия удаленных подразделений, структура может быть отнесена к простой или сложной.

Формализация – степень использования заранее установленных правил и процедур, определяющих поведение работников, степень стандартизации трудовых процессов путем введения должностных, рабочих и иных инструкций. «Структура, в которой координация обеспечивается, прежде всего, в результате стандартизации, считается высоко формализованной, свободная от стандартизации – низко формализованной» [Минцберг, 2009. С. 122].

Централизация / децентрализация – как отмечает Лютенс, эти понятия привычно используются теоретиками и практиками управления, но при этом зачастую не открывается сущность используемого термина. Разные авторы сходятся в том, что эти понятия находятся на разных полюсах и характеризуют распределение управления, функций и территориальной принадлежности:

а) управления (распределение власти внутри организации, уровень принятия управленческого решения) – показывает, насколько широко рассредоточены в организации полномочия в сфере принятия решений. «Когда вся власть сконцентрирована в какой-то одной точке, мы называем структуру организации централизованной. Относительная степень децентрализации структуры зависит от того, в какой мере полномочия распределены между разными индивидами» [Там же. С. 123];

б) распределения функций – функциональная централизация или децентрализация. «Хорошим примером является функция управления человеческими ресурсами в организации. Например, в организации есть отдел, выполняющий функции подбора, обучения и т. д. персонала для других подразделений, функция считается централизованной. Если же другие функциональные подразделения (маркетинга,

сбыта и др.) сами работают со своими человеческими ресурсами, значит, эта функция децентрализована» [Лютенс, 2000. С. 533];

в) территориального (географического) распределения подразделений организации – «термин “централизованная” применим к организации, вся деятельность которой сосредоточена либо в одном здании, либо в одном регионе. Если операции организации рассредоточены по региону, это будет одним из видов децентрализации» [Там же].

Специализация и разделение труда – разделение видов, направлений труда, позволяющее работнику выполнять только ограниченный набор действий; вычленение в рамках сложной деятельности более частных видов деятельности; выделение функциональных областей, профессионализация групп, обособление и организационное оформление структурных подразделений. Специализация и разделение труда «создают условия, при которых во всех звеньях работают специалисты-эксперты, несущие полную ответственность за эффективное выполнение своих обязанностей» [Занковский, 2009. С. 294]. Разделение труда закрепляет разные виды деятельности за определенными подразделениями и должностями в соответствии с целями организации. Также и специализация особенно эффективна, когда глубокие знания и навыки способствуют достижению организационных целей. Это позволяет повысить качество работы, создает возможности для специализации, а также поддерживает систему ответственности за эффективное выполнение работником (подразделением) своих обязанностей.

Структурные единицы – индивиды, подразделения, команды группы интересов. Представляют собой часть организации, имеющую цели, функции, сосредоточенную на выполнении определенных задач.

Коммуникация – способы связи между организационными единицами, используемые для стимулирования взаимного регулирования.

Структура организации должна обеспечивать потоки информации, это необходимо для достижения общих целей организации. «Если структура не соответствует информационным потребностям организации, работники либо получают слишком мало информации, либо затрачивают много времени на обработку лишней информации, не имеющей большого значения для выполнения ими обязанностей. Это приводит к снижению эффективности» [Дафт и др., 2013. С. 125].

Качество обмена информацией, таким образом, оказывает существенное влияние на реализацию целей. Именно поэтому для успеха

организациям необходимы эффективные коммуникации. Информация перемещается внутри организации в рамках *вертикальных и горизонтальных коммуникаций*.

Вертикальные коммуникации работают как по нисходящей, так и по восходящей линии. Основным их назначением являются координация действий работников разных уровней структуры и контроль их действий. *Нисходящие коммуникации* обеспечивают передачу подчиненным сообщений об организационных целях, задачах, конкретных заданиях, рекомендуемом порядке действий, оповещают о расстановке приоритетов. *Восходящие коммуникации* обеспечивают передачу вышестоящим менеджерам информации о результатах деятельности на нижележащих уровнях организационной иерархии и тем самым могут оказывать влияние на производительность труда и удовлетворенность трудом.

В дополнение к обмену информацией по вертикали организации нуждаются в *горизонтальных коммуникациях*, обеспечивающих координацию задач и действий структурных единиц. В современных организациях акцент делается на горизонтальных коммуникациях.

Если структура организации продумана плохо, возникают неизбежные препятствия для обмена информацией. Мескон с соавторами утверждает, что «наиболее эффективно управляемые организации стремятся к структуре с малым числом уровней управления и каналами сравнительно прямого информационного обмена» [Мескон и др., 2017. С. 39].

Иерархия власти определяет, кто кому подчиняется, а также диапазон (сферу) контроля каждого менеджера. На организационной структурной схеме иерархия подчиненности отображается вертикальными линиями. Иерархия связана с диапазоном контроля, или нормой управляемости.

Диапазон (сфера) контроля или норма управляемости – число подчиненных у одного руководителя. Рациональный размер сферы контроля имеет свои границы, зависит от характера деятельности, содержания и сложности задач, уровня профессионализма исполнителей, разбросанности подчиненных друг относительно друга и относительно начальника с точки зрения местонахождения рабочих мест, темперамента и способностей руководителя и подчиненного.

В любой ситуации количество сотрудников, находящихся в подчинении у 1 человека, должно быть ограничено. Мескон с соавторами и Р. Холл определяют рациональный размер сферы контроля в зависимости от уровня управления и задач: 3–6 чел. (высшие уровни ру-

ководства, сложные разнообразные задачи у исполнителей); 7–15 чел. (средние уровни руководства, среднего уровня сложности задачи у исполнителей); 15–30 чел. (нижний уровень руководства, простая, рутинная однообразная деятельность у исполнителей).

Сфера контроля» и «уровни иерархии» находятся в обратной зависимости: чем больше сфера контроля, тем меньше уровней иерархии, и наоборот. Это касается и вертикальной, и горизонтальной структур.

Дафт с соавторами и Минцберг, помимо перечисленных характеристик, включают в *структурный дизайн* организации еще ряд параметров.

Профессионализм – термин, используемый для описания уровня формального образования и подготовки работников. Профессионализм считается высоким, когда работникам в течение длительного времени требуется проходить подготовку для сохранения своего места в организации. Среднее количество лет, необходимое для обучения работника, является одним из критериев профессионализма.

Пропорции персонала определяют распределение работников по различным функциям и подразделениям. Они включают в себя пропорцию административных работников, пропорцию основного и вспомогательного персонала, пропорцию руководителей разных уровней управления, пропорцию специалистов. Имеется важная тенденция в показателях пропорций крупных организаций. При росте организаций доля высших руководителей и производственных работников к общему числу работников снижается. Доля профессионального (специализированного) и административного вспомогательного персонала работников к общему числу работников растет. Удержание затрат на профессиональный (специализированный) и административный вспомогательный персонал неизменно представляет трудную задачу для крупных организаций [Дафт и др., 2013].

Тренинги – ключевой параметр дизайна любого квалифицированного труда; определяет количество учебных программ, необходимых для формирования стандартизованных навыков; вместе с формализацией является заменителем при обеспечении стандартизации поведенческих процессов [Минцберг, Хейден Ван дер, 2007].

Индоктринация («идеологическая обработка») – относится к программам и методикам, с использованием которых стандартизируются нормы членов организации, в результате чего они становятся настолько восприимчивыми к ее идеологическим потребностям, что им можно доверить решения и действия от ее имени. В данном случае

стандарты усваиваются людьми как глубоко укоренившиеся убеждения [Там же].

Все перечисленные характеристики структуры организации можно условно разделить на две большие группы: *качественные* характеристики и *количественные* характеристики.

К качественным характеристикам структуры организации относятся: сложность, формализация, централизация; децентрализация, специализация работ, организационные единицы, коммуникация, профессионализм, тренинги, индоктринация.

К количественным характеристикам структуры организации относятся: число уровней управления, количество подразделений, число работников, сфера (диапазон) контроля, пропорции персонала.

Организационные схемы – органиграммы

Организационная структура может быть отображена в *органиграмме* (органограмме). Органиграмма – это графическая организационная схема, с помощью которой отображаются основные характеристики, базовые виды деятельности, процессы и функции организации, а также способы организации сотрудников в подразделения.

Такая концепция организационной схемы является многовековой. В частности, это были схемы, отражающие церковную иерархию еще в Средневековье. В традиционном подходе к организационной структуре «организационные схемы используются для того, чтобы в упрощенном виде определить, кто что делает и каковы иерархические линии власти. На схеме работники и положение подразделений в иерархии обозначены прямоугольниками, где указана их работа, а отношения власти (указания и контроль) отмечены прямыми линиями» [Армстронг, Тейлор, 2018. С. 183]. В этом подходе организационные схемы имеют определенные ограничения: они вертикальны по своей сути и поэтому порою искажают реальность. Зачастую они не дают указания на горизонтальные и диагональные взаимодействия, существующие внутри структуры между работниками различных подразделений.

Современное использование схем структуры организации, как показывает Р. Дафт, связано с развитием промышленной революции и особенно с появлением железных дорог в середине XIX в. Именно для американских железных дорог для повышения безопасности движения были разработаны первые органиграммы. На них были обозначены линии власти и полномочий для тех служб железной дороги

(административной, операционной и технической), деятельность которых особенно влияла на безопасность движения по этим дорогам.

Назначение органиграммы в традиционных структурах организации состоит, прежде всего, в том, чтобы закрепить иерархические отношения между уровнями структуры организации. Это напрямую связано с поддержанием с помощью организационной структуры целей организации. Если работники будут убеждены в необходимости такого распределения, цели организации, задаваемые руководителем, будут с большей вероятностью реализованы. Органиграмма является «не только техническим руководством по поощрению людей к совместной работе, но также мощным политическим символом, и ее признание подразумевает уважительное отношение к ее требованиям» [Дафт и др., 2013. С. 124]. Такие представления, отраженные в органиграммах, были распространены в XX в.

Однако во второй его половине появились признаки второй промышленной революции, стала нарастать скорость изменений во внешней среде организаций. Традиционные органиграммы перестали отражать существующее в организациях положение вещей и, что более важно, перестали ориентировать работников на достижение целей организации. Возникла необходимость в новых конфигурациях, воплощенных в новых формах органиграммы.

Новые формы органиграмм представлены конфигурационным подходом Г. Минцберга в рамках динамического подхода к структуре организации. Он пишет, что организационные таблицы, «представляющие своего рода фотоальбомы компаний и говорящие о том, какое гипнотическое действие оказывает на нас власть», в современном мире потеряли свою актуальность. По мере отмирания традиционной иерархии «возникают новомодные – часто довольно сложные – формы организации. Как работает компания? Как должны в ней взаимодействовать люди и процессы? Каким образом должен распределяться поток идей?» [Минцберг, Хейден Ван дер, 2007. С. 138].

Ответы на эти и другие вопросы может дать органиграмма, составленная в виде карты, «отображающей различные функции компании и способы самоорганизации сотрудников». Развивая свой подход к организационной структуре, Г. Минцберг в сотрудничестве с Л. Ван дер Хейденом переходит от своих пятисекторных символов к иным графическим изображениям – органиграммам, позволяющим отразить не только части организации, но и ее процессы и цели, отношения между работниками, механизмы контроля. Новый визуальный инструмент, который они назвали «organigraph», может помочь менед-

жеру увидеть неиспользованные возможности для достижения конкурентного преимущества, усовершенствовать процесс управления, расширить представления об организации, способствовать развитию стратегического мышления.

Концепции организационной структуры: классический и динамический подход

Классический подход к организациям и их структурам возник в конце XIX – начале XX в., во многом подкрепляемый ньютоновской физикой, которая утверждает, что мир функционирует как хорошо отлаженная машина. Л. Болмэн и Т. Дил полагают, что классический структурный подход сложился, с одной стороны, на основе работ «аналитиков, стремившихся максимизировать эффективность проектируемых организаций»: Ф. Тэйлор, заложил основы «научного управления», А. Файоль, и Л. Урвик «помогли выработать принципы специализации и властных полномочий, определения сферы контроля» [Болмэн, Дил, 2012. С. 86].

К. А. Кравченко отмечает, что, с другой стороны, на рубеже XX в. появились работы М. Вебера, создавшего концепцию рациональной формальной организации, в основу которой была положена бюрократическая модель, как идеальная форма.

Организация в этом подходе представляла как закрытая техническая система (теория бюрократии с имперсональным подходом): «люди рассматриваются, прежде всего, как чиновники, а не как личности». Главная цель такой организации – максимизация эффективности и продуктивности. «Данная цель достижима только в стабильном окружении, которое либо существует само по себе, либо создается организацией. Главным стабилизатором выступает бюрократическая система М. Вебера» – механистическая структура. [Кравченко, 1994. С. 200].

Среди прочих развивали бюрократическую модель П. Блау и Д. Скотт (1962), П. Лоуренс и Д. Лорш (1967), Р. Холл (1963). «Они исследовали отношения между элементами структуры; рассматривали, почему организации отдают предпочтение одной структуре перед другой; анализировали воздействие структуры на моральное состояние, производительность и эффективность» [Болмэн, Дил, 2012. С. 87].

В 1930-е гг. возникло понятие «открытых систем» (Л. Фон Бергаланфи), которые, в отличие от закрытых систем классической физики,

подпитываются потоком материи и энергии из окружающей среды. Организации стали рассматриваться как естественные системы. «Открытая система» Берталанфи является промежуточной между закрытой технической системой и открытой социальной системой. «Структуру организации, ориентированную на постоянно изменяющуюся и в то же время прогнозируемую, управляемую окружающую среду, назвали “инновативной организацией”». Она «напоминает матричную организацию – гибрид жесткой технической и гибкой адаптивной структуры». [Кравченко, 1994. С. 201].

Открытая социальная система (У. Беннис, феномен матричной структуры) является полной противоположностью закрытой технической системе. Эффективность предполагает не материальный продукт, а адаптированность, быстрое реагирование на окружающую среду, долговременное функционирование. Гибкая структура, нетрадиционные технологии и формы организации труда позволяют организации выживать в турбулентной среде.

Возникшие классификации организационных структур стали разделять их на механистические (бюрократические, традиционные) и органистические (адаптивные) организационные структуры.

В современном недетерминированном мире значительно усложнилась внешняя среда организации, что не позволяет предсказывать и контролировать множество происходящих в ней и в организации нелинейных процессов. «Многочисленные новые вызовы – глобализация, культурное многообразие, быстрое технологическое развитие, превращение знаний и информации в одну из важнейших форм капитала организаций, рост ожиданий работников в отношении повышения значимости их труда и дальнейших возможностей личностного и профессионального роста – поставили под сомнение адекватность форм классического мышления» [Дафт и др., 2013. С. 52].

Возникла необходимость в современном организационном дизайне. Менеджеры стремятся проектировать более органичные по своей сути адаптивные организационные структуры, которые могли бы гибко реагировать на окружающие изменения.

Как ответ на произошедшие в последней трети XX в. изменения появились сетевые, многомерные, венчурные, а затем и виртуальные организационные структуры, в основе которых лежат принципы, а не одномерные схемы классического подхода.

Ответом на турбулентность и глобальные изменения внешней среды стал динамический подход к структуре организации. Она стала рассматриваться авторами различных подходов как система, прони-

званная динамическими процессами. Первым организационную структуру как динамическую характеристику рассматривал А. А. Богданов.

Ч. Барнард (1938), Г. Минцберг (1983), У. Мастенбрук (1996) сформулировали принципы современного организационного дизайна и управления динамическими процессами.

В России в переходный период 1990-х гг. тему взаимоотношений организации и турбулентной внешней среды развивала также Е. П. Попова, отмечая ее «особую остроту и значимость в связи с попытками перевода российской экономики на новые рыночные условия жизни». Она также отмечала, что основой государственной политики поощрения средних и малых предприятий в тот период являлись концепции организации, «как подвижной динамической системы, гибко реагирующей на изменения внешней среды, склонной к радикальным инновациям и риску» [1995. С. 118,119].

Структура организации стала рассматриваться как динамичная пластичная развивающаяся система, «являющаяся не только основой существования системы управления, но и формой, внутри которой протекают изменения, зреют предпосылки для перехода системы в целом в новое качество» [Антонов, 2000. С. 25].

Список литературы

Антонов В. Г. Эволюция организационных структур // Менеджмент в России и за рубежом. 2000. № 1. С. 25–31.

Армстронг М., Тейлор С. Практика управления человеческими ресурсами. СПб.: Питер, 2018.

Барнард Ч. Функции руководителя. Власть, стимулы и ценности в организации. М.; Челябинск: Социум, 2012.

Болмэн Л., Дил Т. Рефрейминг организации. Компания как фабрика, семья, джунгли и храм. М.: Альпина Паблишер, 2012.

Дафт Р., Мерфи Дж., Уилмотт Х. Организационная теория и дизайн. СПб.: Питер, 2013.

Занковский А. Н. Организационная психология: Учеб. пособие для вузов. М.: Форум, 2009.

Кравченко К. А. Исследование организаций за рубежом // Социс. 1994. № 8–9. С. 198–204.

Лютенс Ф. Организационное поведение М.: ИНФРА-М, 2000.

Мастенбрук У. Управление конфликтными ситуациями и развитие организации. М., 1996.

Мескон М. Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М., 2017.

Мильнер Б. З. Теория организации. М.: Инфра-М, 2008.

Мицберг Г. Менеджмент. Природа и структура организаций глазами гуру. М.: Эксмо, 2009.

Мицберг Г., Хейден Ван дер Л. Органиграммы: узнайте, как в действительности работает ваша компания // Организационное обучение. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. С. 137–157.

Попова Е. П. Проблема структурной инерции и ориентиры развития организации // Вестн. Моск. гос. ун-та. Серия 18. Социология и политология. 1995. № 2.

Пригожин А. И. Методы развития организаций. М.: МЦФЭР, 2003.

Материал поступил в редколлегию 24.08.2018

L. A. Bodrova

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

bodrova_la@mail.ru

ORGANIZATIONAL MANAGEMENT STRUCTURE AS A SYSTEM CHARACTERISTIC OF THE ORGANIZATION

The article is devoted to the analysis of the organizational structure as a basic characteristic of the organization. The author is convinced of the systemic role of the structure in the development and functioning of the organization. The article discusses the stages of the study of organizational structures by foreign and domestic researchers, the terminological diversity of the wording of the concept of «organizational structure», its place and role as a tool of achieving the goals of the organization. The quantitative and qualitative characteristics of the organizational structure and its functions are analyzed in detail. Particular attention is paid to the schemes of organizational structures – organigrams. In conclusion, the evolution of the attitude of researchers to the organizational structure is traced from the standpoint of two main theoretical approaches: classical and dynamic.

Keywords: organizational structure, formal and informal structure, organization parameters, concepts of organizational development, organigram.

References

Antonov, V. G. (2000). Evoliutsiia organizatsionnykh struktur [Evolution of organizational structures]. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom*, 1, 25–31. (in Russ.)

Armstrong, M., Teilor S. (2018). *Praktika upravleniia chelovecheskimi resursami* [The practice of human resource management]. SPb.: Piter. (in Russ.)

Barnard, Ch. (2012). *Funktsii rukovoditelia. Vlast', stimuly i tsennosti v organizatsii* [Head Functions. Power, incentives and values in the organization]. M., Cheliabinsk: Sotsium. (in Russ.)

Bolmen, L., Dil, T. (2012). *Refreiming organizatsii. Kompaniia kak fabrika, sem'ia, dzhungli i khram* [Reframing organization. The company as a factory, family, jungle and temple]. M.: Al'pina Publisher. (in Russ.)

Daft, R., Merfi, Dzh., Uilmott, Kh. (2013). *Organizatsionnaia teoriia i dizain* [Organizational theory and design]. SPb.: Piter. (in Russ.)

Zankovskii, A. N. (2009). *Organizatsionnaia psikhologiya* [Organizational psychology]. M.: Forum. (in Russ.)

Kravchenko, K. A. (1994). Issledovanie organizatsii za rubezhom [Study of organizations abroad]. *Sotsis*, 8–9, 198–204. (in Russ.)

Liutens, F. (2000). *Organizatsionnoe povedenie* [Organizational behavior]. M.: INFRA-M. (in Russ.)

Mastenbruk U. (1996). *Upravlenie konfliktnymi situatsiiami i razvitie organizatsii* [Conflict management and organization development]. M. (in Russ.)

Meskon, M. Kh., Al'bert, M., Khedouri, F. (2017). *Osnovy menedzhmenta* [Fundamentals of management]. M. (in Russ.)

Milner, B. Z. (2008). *Teoriia organizatsii* [Organization theory]. M.: Infra-M. (in Russ.)

Mintsberg, G. (2009). *Menedzhment. Priroda i struktura organizatsii glazami guru* [Management. Nature and structure of organizations through the eyes of gurus]. M.: Eksmo. (in Russ.)

Mintzberg, G., Kheiden Van der, L. (2007). Organigrammy: узнайте, как в действительности работает ваша компания / In *Organizatsionnoe obuchenie* [Organizational Learning] (pp. 137–157). М.: Al'pina Biznes Buks. (in Russ.)

Popova, E. P. (1995). Problema strukturnoj inercii i orientiry razvitija organizacii [The problem of structural inertia and guidelines for the development of the organization]. *Vestnik MGU. Serija 18. Sociologija i politologija*, 2. (in Russ.)

Prigozhin, A. I. (2003). *Metody razvitija organizacij* [Methods of development of organizations]. М.: MCFJeR. (in Russ.)

УДК 316.613.4

Н. С. Первушин

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

nickd17@yandex.ru

**РОЛЬ БИЗНЕС-ТРЕНИНГОВ
В ЭКОНОМИКЕ ВПЕЧАТЛЕНИЙ:
АНАЛИЗ С ПОЗИЦИЙ СОЦИОЛОГИИ ЭМОЦИЙ**

Рассматриваются практики бизнес-тренингов в контексте экономики впечатлений с позиций теорий Дж. Барбалета, А. Хохшильд и М. Маффесоли – ключевых авторов социологии эмоций. Выделены и проанализированы два идеальных типа тренингов: тренинг-шоу и тренинг обучения конкретным навыкам. Реальные тренинги сочетают в себе черты обоих типов. Оба типа являются следствием распространения экономики впечатлений и оба же стимулируют ее развитие. Тренинг-шоу нужен как событие, формирующее неповторимые эмоции и впечатления, заряд уверенности; разделяемые в современном племени аффекты. Тренинг обучения конкретным навыкам предназначен для повышения конкурентоспособности в условиях экономики впечатлений: необходимо осваивать эмоциональный труд, учиться играть роли, создавать неповторимые для клиентов впечатления разными способами.

Ключевые слова: бизнес-тренинг, экономика впечатлений, эмоциональная работа, эмоциональный труд, неотрайбализм, эдьютейнмент, социальный факт, бизнес-образование, социология эмоций.

Рассмотрение практик бизнес-тренингов традиционно для организационной психологии, менеджмента и психологии. Подобные исследования концентрируются вокруг роли бизнес-тренингов для сотрудников, клиентов, руководства, конкретных коллективов и организаций. Однако не столь подробно обсуждена и проанализирована роль практик бизнес-тренингов в более широких контекстах –

Первушин Н. С. Роль бизнес-тренингов в экономике впечатлений: анализ с позиций социологии эмоций // Reflexio. 2018. Т. 11, № 1. С. 170–180.

на уровне государств или социальных систем. Бизнес-тренинги появились не так давно, и их возникновение тесно связано с изменениями в экономике, развитием сферы услуг, глобальными социальными переменами. Социологическую науку с момента ее появления интересовали новые явления в жизни общества (урбанизация, появление рабочего класса, появление свободного времени, феминистское движение и пр.). Поэтому представляется оправданной возможность анализа относительно нового явления с точки зрения «социологии эмоций» – одной из важнейших современных социологических теорий. Среди ее ярчайших представителей Арли Хохшильд, Мишель Маффесоли, Джек Барбалет.

Л. А. Петровская дает такое определение тренинга: «это средство психологического воздействия, направленное на развитие знаний, социальных установок, умений и опыта в области межличностного общения» [1982]. М. В. Кларин выделяет ряд условий, которые необходимы для того, чтобы корпоративные тренинги были присущими для работы той или иной организации. Во-первых, это развитие рыночной экономики, при которой человеческий капитал сотрудников – один из важнейших факторов успешности компании на рынке, а его развитие – средство повышения конкурентоспособности. Во-вторых, это развитие бизнес-среды и понимания высшим руководством роли систематического обучения сотрудников. Наконец, это развитие качества услуг, оказываемых бизнес-тренерами, и распространение культуры тренинговых услуг, появление профессионального сообщества бизнес-тренеров [2002].

Е. В. Сидоренко отмечает психотерапевтическую тенденцию в развитии тренингового движения. Автор утверждает, что в условиях неопределенности и отсутствии устойчивых социальных институтов люди оказываются в состоянии «психологической невесомости». Понижается самооценка, усиливается страх будущего (за себя, близких, работу и карьерные перспективы). Базовой функцией тренинга в таких обстоятельствах становится психологическая помощь, направленная на смягчение последствий постоянных перемен [2008]. Это схоже с идеями знаменитого футуролога Элвина Тоффлера о страхе будущего, футурошоке. В условиях постоянных и ускоряющихся технологических изменений человек оказывается обречен на то, чтобы бояться за себя и свое будущее, ведь его психика адаптируется со скоростью меньшей, чем скорость перемен в мире. Когнитивные схемы (устаревшие) человека не соответствуют окружающему его миру. Это вызывает проблемы со встроенностью в текущую социальную и тех-

нологическую реальность [Toffler, 1970]. Очевидно, что преодоление психологических и квалификационных (связанных с недостатком навыков, умений и знаний в изменившихся условиях) барьеров повысило бы адаптационные возможности человека, его самооценку и конкурентоспособность на рынке труда. В этом смысле бизнес-тренинги имеют потенциал для преодоления футурошока.

Бизнес-тренинги – достаточно новые практики, и возникают они вследствие развития рыночной экономики, особенно возрастания сектора сферы услуг. Вряд ли можно было бы представить себе их широкую распространенность в административно-хозяйственной системе или при феодализме. Рыночная экономика предполагает, что человек с его знаниями, умениями, талантом, внешностью и пр. – это товар. И чтобы быть более востребованным, необходимо удовлетворять требованиям меняющегося рынка. Для этого, например, развиваются *soft skills*: коммуникативные навыки, навыки работы в команде, тайм-менеджмент, лидерство, умение слушать, навыки публичных выступлений и пр. Все перечисленное не относится к конкретной области знаний, это общие навыки, которые будут полезны в разных средах и обстоятельствах и помогут в адаптации к меняющимся условиям.

Конкуренция вынуждает фирмы либо снижать цены, либо предлагать клиентам уникальные товары и услуги. Вежливость и доброжелательность персонала, особенная атмосфера, цветовое или звуковое оформление помещений и пр. – все это все более и более важно в условиях современной экономики. Джозеф Пайн и Джеймс Гилмор предлагают концепцию экономики впечатлений [Pine, Gilmore, 1999]. Авторы используют идеи и метафоры драматургической социологии Ирвина Гоффмана, применяя их в отношении современных тенденций в экономике [Goffman, 1959]. Пайн и Гилмор сравнивают работу с театром, а бизнес – со сценой (при этом для них театральные термины – это уже не метафоры, а модели для деятельности организации) [Pine, Gilmore, 1999]. По их мнению, предложение шире, чем просто товары или услуги: оно так же включает впечатления, которые могут получить клиенты. Клиенты выступают в качестве зрителей, которые должны быть увлечены представлением, которое организует для них компания. Клиенты запоминают те чувства и эмоции, которые у них возникли в ходе пользования гостиницей, сервисом такси, ужина в новом ресторане и пр. Это влияет на последующие посещения тех или иных заведений, а также на рекомендации знакомым (или их отсутствие).

Производство впечатлений, позитивных эмоций – важный элемент практически любого бизнеса. Находчивые чистильщики обуви добавляют к своей деятельности антураж – набор ароматов, тканей, звуков. Это не делает обувь чище, но производит приятное впечатление на клиента, отличает от конкурентов. Примечательна история развития индустрии авиаперевозок: сначала услуга заключалась исключительно в пространственном перемещении, далее добавляется вежливое обслуживание на борту, питание, магазин, просмотр фильмов, игры и пр. Финансовый директор British Airways Р. Эйлинг полагает, что авиакомпании будут восприниматься скорее как развлекательные, а не как транспортные [Pine, Gilmore, 1999]. Но появляются и целые организации, которые продают не товары и услуги, а впечатления. Примером такой организации может служить Диснейленд, который посещают не с какой-то явной практической целью (и не для посещения каких-то конкретных аттракционов), а для того, чтобы семья вспоминала эту поездку долгие годы [Ibid.]. Кроме того, экономики целых стран могут быть ориентированными на производство впечатлений для туристов.

Но как же можно научиться производить эти впечатления? Конечно, есть талантливые бизнесмены, которые сами способны придумать идею, как создать уникальную атмосферу, сделать из покупки приятное запоминающееся событие. Кроме того, есть и образовательные технологии, направленные на развитие навыков и умений, необходимых в экономике впечатлений. Это могут быть образовательные программы в высших учебных заведениях (например, программа ВШЭ «Экономика впечатлений: менеджмент в индустрии гостеприимства и туризме»); модули в бизнес-школах или же бизнес-тренинги, речь о которых пойдет далее.

«Бизнес-тренинг» – достаточно широкое понятие, которое может включать в себя множество разных практик, порой совершенно не связанных между собой [Кларин, 2002]. Для дальнейшего анализа мы создадим две теоретические идеально-типические конструкции бизнес-тренингов, которые заметно отличаются от наблюдаемых в эмпирической реальности, но будут обладать набором важных для исследователя свойств [Вебер, 1990].

Первый тип – это тренинг-шоу, для которого характерен акцент на эмоциях участников. Его цель – «накачка» позитивными эмоциями, мотивация к активной жизненной позиции, более позитивный взгляд на мир. По формату такие мероприятия являются массовыми, участники – скорее незнакомцы, нежели члены одной организации.

Участие добровольное. Эмоциональное воздействие может подкрепляться ритуалами, ритмичной музыкой, физическими упражнениями и пр. На данный тип тренинга похожи мероприятия не так давно посетившего Москву и вызвавшего оживленное обсуждение в СМИ и социальных сетях американского тренера / коуча Тони Роббинса.

Второй тип – это обучение конкретным навыкам, передача знаний. Это скорее корпоративный тренинг или мероприятие для ограниченного числа участников. Направленность на формирование конкретных навыков, которые будут нужны в практической деятельности: формирование первого впечатления, активное слушание, искусство презентации, ораторские навыки, работа с возражениями, оформление (визуальное, звуковое) сайта или помещения, звонки клиентам и пр.

Фактически почти все тренинги сочетают в себе черты обоих типов. Тренинги Радислава Гандапаса дают участникам эмоциональный заряд, возможно, желание быть активным; разворачиваются лозунги, используются яркие провокативные метафоры («Камасутра для оратора», «полная ж» и пр.). Но вместе с тем есть и содержательная часть: озвучиваются принципы успешных публичных выступлений, основы тайм-менеджмента и пр. Мероприятия организации «Бизнес-молодость» работают по схожему сценарию: происходит накачка эмоциями, при этом даются базовые навыки презентации бизнеса в Интернете, интернет-маркетинга и пр. Кроме того, игровая, непринудительная форма передачи информации может быть более эффективной для усвоения некоторых навыков; по мнению Йохана Хейзинга, игра – важнейший элемент обучения [Huizinga, 1959]. Это тесно связано с идеями концепции эдьютейнмента (обучение через развлечения).

Перейдем к рассмотрению первого типа сквозь призму социологии эмоций. По мнению М. Маффесоли, наблюдаются тенденции дехристианизации и дегуманизации городской жизни в конце XX в. [1991]. Он полагает, что люди объединены не дюркгеймовскими органической или механической солидарностями, а сложной солидарностью аффективных племен (псевдоплемен) [Там же]. Человек одновременно принадлежит ко многим группам, которые не характеризуются постоянством. Роль в этих группах – маска, временная идентификация. Тренинг-шоу – одно из таких современных аффективных племен с набором своих ритуалов (ритмичные движения под музыку, прыжки, скандирование лозунгов и пр.). Основа такого тренинга – совместные эмоции, переживания. Люди ищут уникальные эмоции, впечатления

в таких современных племенах; существует желание обнаружить околдованность мира вследствие разочарованности современными институтами. В этом смысле участники тренинг-шоу подобны субкультурам, ведь они не вполне удовлетворены доминирующей культурой (ищут чего-то еще вне ее); имеют свой язык, лозунги, ценности, ритуалы. Поскольку эмоциональный заряд, который получают участники тренинга, имеет срок действия, им требуются новые тренинги, новые эмоции. Как результат – потребность в тренинге после его посещения не исчезает.

В социологии эмоций понимание того, что есть эмоция, отлично от принятого в психологической науке. Так, например, Джек Барбалет рассматривает как эмоцию уверенность [Barbalet, 1999]. Барбалет полагает, что эмоции следует рассматривать как результат социальных процессов и как их причину. Определенная социальная структура способствует формированию тех или иных эмоций у представителей разных слоев, а эти эмоции толкают их к определенным действиям.

Уверенность – это эмоция, так как то или иное действие происходит в условиях неопределенности будущего; она выполняет функцию вовлечения будущего в настоящее [Ibid.]. Источниками уверенности могут выступать опыт социальных взаимоотношений, а также количество и качество ресурсов, которыми обладает индивид. Уверенность нужна для совершения действий. Таким образом, тренинг-шоу нужен участникам, которым не хватает, например, внутренних и внешних обоснований для совершения каких-то действий (открытие бизнеса, переезд, обучение новой профессии, расширение социальных связей и пр.). Сама потребность в уверенности связана с рыночной экономикой (предприниматели – люди с активной жизненной позицией), ценностью успеха, достижения, денег, высокого статуса в ней, а также с атмосферой неопределенности (в том числе из-за футурошока). В ходе тренинга участники получают эту эмоцию, которая должна их толкать на определенные действия. В этом смысле критикуемые многими тренинги Т. Роббинса и им подобные могут оказаться весьма эффективными. Не имея строгой содержательно составляющей, тренинг дает нужную эмоцию для активности, пусть и временно.

Перейдем к анализу тренингов обучения конкретным навыкам. Поскольку экономика впечатлений захватывает все новые и новые сферы, меняются и ожидания клиентов от посещения магазинов, поездок в такси и на поезде, визита к парикмахеру и пр. Клиенты привыкают к вежливости, приятной музыке, запахам, улыбкам и пр. Все это входит в состав процесса продажи товаров или оказания тех или иных

услуг. Не уделять внимания впечатлениям – значит рисковать проиграть конкурентам, которые об этом думают. То же касается и рынка труда: soft skills играют все большее значение.

А. Хохшильд, которая во многом опирается на идеи И. Гоффмана, в работе «The Managed Heart» предлагает концепцию эмоциональной работы, под которой понимается «действие, являющееся попыткой изменить интенсивность или качественные характеристики эмоций» [Hochschild, 1983; Goofman, 1959]. Эмоциональная работа включает в себя контроль эмоциональных переживаний (подавление нежелательных в том или ином контексте эмоций) и действия, связанные с вызыванием и изменением эмоций [Hochschild 1983; Симонова, 2013]. Эмоции включают в себя физиологические реакции, телесные жесты, голосовые жесты, правила выражения эмоций, свойственные разным социальным контекстам [Деева, 2010; Симонова, 2013]. Все эти элементы во время работы не вполне принадлежат работнику. Такое отчуждение служит увеличению продаж, улучшению репутации. Хохшильд разделяет понятия «эмоциональная работа» и «эмоциональный труд»: первая относится к внерабочим контекстам, второй – к работе, к тому, что имеет денежное выражение [Симонова, 2013]. Эмоциональный труд характерен для тех сфер деятельности, где есть взаимодействие с людьми (не только непосредственно лицом-к-лицу, но и по телефону, в переписке); где необходимо создавать эмоции у других (магазины, рестораны, учебные центры, авиакомпании и пр.); где присутствует контроль руководства за эмоциями [Hochschild, 1983; Симонова, 2013].

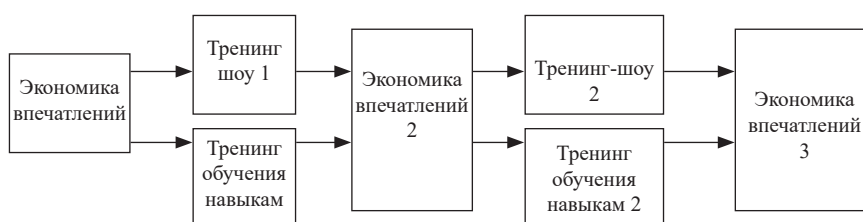
Тренинги можно рассматривать как усвоение эмоциональной культуры, научение и эмоциональному труду, и эмоциональной работе. Обучение направлено на изменение способа мышления (например, критическое отношение к собственным идеям), на физический контроль проявления эмоций (не кричать, не размахивать руками и пр.), на демонстрацию нужных эмоций (изображение сопереживания, радости, глубокой заинтересованности и пр.). Все это служит тому, чтобы сформировать нужные эмоции, благоприятное впечатление у других (клиентов, коллег, партнеров, руководства).

То, что сегодня считается уникальным впечатлением, может завтра уже восприниматься как норма. Конкуренция вынуждает проводить обучение персонала, учить новые роли. Поэтому эмоционального труда с каждым годом становится все больше и больше. И поэтому же актуальными остаются тренинги. В отличие от тренингов первого типа здесь происходит реальное обучение навыкам, но рынок требует

приобретения все новых и новых способностей проявления эмоционального труда.

Неудивительно, что, демонстрируя нужные в рабочем контексте эмоции, человек отчуждается от своих настоящих эмоций и испытывает тяжелые психологические проблемы [Hochschild, 1983; Симонова, 2013]. Это ставит вопрос о долгосрочных перспективах экономики впечатлений. Возможно, есть какая-то граница необходимой демонстрации нужных эмоций (без искусственных улыбок и подчеркнутого подчиненного положения в отношении клиентов и начальства, отказа от высказывания и отстаивания собственного мнения).

В заключение рассмотрим схему, демонстрирующую роль бизнес-тренингов в контексте экономики впечатлений (см. рисунок). И тренинг-шоу, и тренинг обучения конкретным навыкам возникают и оказываются востребованными вследствие существования экономики впечатлений.

Роль бизнес-тренингов в экономике впечатлений

Эмоции (потребность в умении их считывать и формировать у себя и у других) выступают как социальный факт: нечто внешнее, обладающее принудительной силой по отношению к человеку: чтобы быть востребованным и более встроенным в современный рынок (это касается не только работы, но и поиска связей (сильных и слабых), брачных партнеров и пр.), нужно развивать эмоциональный интеллект, soft skills и пр. [Дюркгейм, 1991]. Вместе с тем человеку необходимо и получать определенные впечатления, испытывать определенные эмоции (например, уверенность). В этом смысле два рассматриваемых типа тренингов работают на поддержание и развитие экономики впечатлений: работники получают навыки формирования эмоций; те же, кто ищет эмоциональный заряд, получает его в ходе посещения шоу, которые скрыты за названием «бизнес-тренинг». В итоге появление обоих типов тренингов связано с распространением экономики

впечатлений; они же направлены на развитие всей этой системы. Тренинг-шоу не обладает длительным действием и требует подкрепления, а тренинги обучения навыкам, развивая эмоциональную культуру с ее требованиями, способствуют увеличению эмоционального труда.

Список литературы

Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс. 1990.

Деева М. И. От индивидуального к разделяемому аффекту: пост-дюркгеймианская традиция в социологии эмоций // Социол. обозрение. 2010. Т. 9, № 2. С. 134–154.

Дюркгейм Э. Метод социологии // О разделении общественного труда; Метод социологии. М.: Наука. 1991.

Кларин М. В. Корпоративный тренинг от А до Я. М.: Дело, 2002.

Маффесоли М. Околдованность мира, или Божественное социальное // Социо-Логос. М.: Прогресс, 1991. С. 133–137.

Петровская Л. А. Теоретические и методические вопросы социально-психологического тренинга. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та. 1982.

Сидоренко Е. В. Тренинг коммуникативной компетентности в деловом общении. СПб.: Речь, 2008.

Симонова О. А. Эмоциональный труд в современном обществе: Научные дискуссии и дальнейшая концептуализация идей А. Р. Хохшильд // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 1, № 3. С. 339–354.

Barbalet J. M. Emotion, Social Theory and Social Structure: A Macrosociological Approach. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999.

Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life. University of Edinburgh Social Sciences Research Centre, 1959.

Hochschild A. R. The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling. Berkeley: University of California Press, 1983.

Huizinga J. Homo Ludens: A study of the play-element in culture. Boston: Beacon Press, 1959.

Pine J., Gilmore J. The Experience Economy. Boston: Harvard Business School Press, 1999.

Toffler A. Future Shock. Random house, 1970.

N. S. Pervushin

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

nickd17@yandex.ru

**THE ROLE OF BUSINESS TRAINING PRACTICES
IN THE EXPERIENCE ECONOMY: AN ANALYSIS FROM
THE PERSPECTIVE OF SOCIOLOGY OF EMOTIONS**

The article focuses on consideration of business training practices in the context of the experience economy using basic theories of sociology of emotions (J. Barbalet, A. Hochschild and M. Maffesoli). 2 ideal types of training were constructed and analyzed: training show and specific skills training. Both types appeared as a result of the spread of the experience economy and both types stimulate its development. Training show is important as an event that gives unique emotions and impressions, charge of confidence and affects shared in modern tribes. Specific skills training is designed to increase competitiveness in the experience economy: it is necessary to master emotional labor, learn to play roles, create unique impressions and experiences for the clients in different ways.

Keywords: business skills training, experience economy, emotion work, emotional labor, neotribalism, edutainment, social fact, business education, sociology of emotions.

References

Weber, M. (1990). Osnovnye sotsiologicheskie ponyatiya [Basic Concepts in Sociology]. *Weber M. Izbrannye proizvedeniya*, Moscow: Progress. (in Russ.)

Deeva, M. I. (2010). Ot individualnogo k razdelyaemomu affektu: postdurkgeymianskaya traditsiya v sotsiologii emotsiy [From Individual to Shared Affect: Postdurkheimian Tradition in Sociology of Emotions]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 9 (2), 134–154. (in Russ.)

Durkheim, E. (1991). Metod sotsiologii [Sociological Method]. *O razdelenii obshchestvennogo truda; Metod sotsiologii [The Division of Labor in Society; Sociological method]*. Moscow: Nauka. (in Russ.)

Klarin, M. V. (2002). *Korporativniy trening ot A do Ya* [Corporate Training from A to Z]. Moscow: Delo. (in Russ.)

Maffesoli, M. (1991). Okoldovannost mira, ili Bozhestvennoe sotsialnoe [Wizardry of the World or Divine Social]. *Sotsio-Logos*, 133–137. Moscow: Progress. (in Russ.)

Petrovskaya, L. A. (1982). *Teoreticheskie i metodicheskie voprosy sotsialno-psihologicheskogo treninga* [Theoretical and Methodical Aspects of Socio-psychological Training]. Moscow, MSU. (in Russ.)

Sidorenko, E. V. (2008). Trening kommunikativnoi kompetentnosti v delovom obshenii [Communicative Competency Training in Business Communications. Saint-Petersburg: Rech'. (in Russ.)

Simonova, O. A. (2013). Emotsionalniy trud v sovremennom obshestve: nauchnye discussii i dalneyshaya konceptualizatsiya idey A. R. Hohshild [Emotional labor in contemporary society: scientific discussions and further conceptualization of A.R. Hochschild's ideas]. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki*, 1 (3), 339–354. (in Russ.)

Barbalet, J. M. (1999). *Emotion, Social Theory and Social Structure: A Macrosociological Approach*. Cambridge: Cambridge University Press.

Goffman, E. (1959). *The Presentation of Self in Everyday Life*. University of Edinburgh Social Sciences Research Centre.

Hochschild, A. R. (1983). *The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling*. Berkeley, University of California Press.

Huizinga, J. (1959). *Homo Ludens: A study of the play-element in culture*. Boston: Beacon Press.

Pine, J., Gilmore, J. (1999). *The Experience Economy*. Harvard Business School Press, Boston.

Toffler, A. (1970). *Future Shock*. Random house.

УДК 159.9:316

В. В. Нечунаев

Новосибирск

nechunaev@gmail.com

ПРЕОДОЛЕНИЕ КЛИПОВОГО МЫШЛЕНИЯ У СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ

Анализируются проблемы, связанные с клиповым мышлением у современных студентов. Рассматривается история информационных революций и изменений, порождаемых ими в обществе. На этом основании делается прогноз о последствиях современной цифровой революции. Опираясь на работы нейропсихиатров М. Шпитцера и Т. Компенролле, раскрываются понятия цифрового слабоумия и информационной псевдодебильности. На основании собственного педагогического опыта даются практические рекомендации по работе с клиповым мышлением у студентов. Анализируется опыт применения компьютерной программы Visual Understanding Environment и технологии онтодизайна в образовательном процессе. Даются рекомендации по усовершенствованию процесса высшего образования в связи с цифровой революцией. Рассматриваются перспективы постурбанистического общества в связи с компьютеризацией и повсеместной доступностью сети Интернет.

Ключевые слова: клиповое мышление, цифровая революция, компьютеризация, цифровое слабоумие, информационная псевдодебильность.

Введение

Будучи преподавателем НГПУ, автор ездил на работу на электричке от Сеятеля до Камышенской. Вагон утренней электрички, как положено, полон студентов. Все, как один, в наушниках, перед глазами смартфон, пребывают в виртуальной реальности. Обычно это разглядывание картинок и рассылка сообщений в соцсетях, реже –

Нечунаев В. В. Преодоление клипового мышления у современных студентов // Reflexio. 2018. Т. 11, № 2. С. 181–207.

слушание музыки или аудиокниг. Выйдя на Камышенской, до НГПУ можно добираться двояким способом. Можно на автобусе – стоять в пробке и проехать две остановки. А можно пешком пройти по живописному частному сектору, потом по красивому лесу, размяться, взбодриться. И вот, вся толпа студентов, человек 100–150, не выходя из виртуальной реальности, как «дивизия зомби» бредет к автобусу. Автор в одиночестве идет через прекрасный лес и возле НГПУ настигает эту бредущую с автобуса меланхоличную толпу. Из виртуальной реальности студенты начинают выходить только в гардеробе и то не полностью, судя по отсутствующим взглядам. Эта многократно повторяющаяся история пугает, еще 10 лет назад студенты были совершенно другими.

Начиная примерно с 2005 г., образовательный и интеллектуальный уровень студентов вузов в среднем постоянно понижается. Проявляется это в следующем.

- Ослабло понимание связи и различие знака и символа с действительностью.
- Не развито умение читать, понимать, запоминать сложные тексты.
- Ослабление памяти. «Загуглить» проще, чем понять и запомнить.
- Нарушено умение делать логические выводы, что приводит к кризису рациональности как таковой.
- Утрачена способность быстро переходить от мышления к деятельности и обратно. Кризис логоса и рефлексии.
- Распространение плагиата. Выросло целое поколение «со-ру-paste», которое не стыдится плагиата и не считает его воровством. Реферат на любую тему можно скачать. Курсовую или диплом можно заказать за деньги в соответствующих фирмах, где подрабатывают зачастую их же преподаватели.
- Нет понимания различий между информацией научной, квазинаучной и медийной.
- Отсюда, как следствие, легкая манипулируемость, открытость для «промывки мозгов» и деструктивному влиянию через социальные сети.

Эти явления имеют две основные причины.

1. Кризис системы среднего образования, когда-то лучшего в мире, переориентация с воспитания творца на воспитание потребителя, негативные последствия введения ЕГЭ. Эта причина достаточно известна, широко обсуждается, далее рассматривать ее мы не станем.

Отметим лишь, что нагрузка на преподавателя в вузе возрастает, потому что студенты, приходя из школы, часто не знают элементарных вещей.

2. Отражение общемировых процессов, связанных с информационной революцией. Эту причину мы рассмотрим подробнее.

Информационные революции и их последствия

Исторически череда информационных революций происходит следующим образом ¹.

Цивилизация памяти, основанная на изустном предании. Основой мышления и культуры является память. Образование заключается в запоминании и воспроизведении огромных массивов эпоса. Этой цивилизации свойственны прямая связь речи и мышления, аудиальный характер культуры и эмоциональная связность культуры вместо логической. Ценности рода выше ценности личности, представления о человеческом Я развиты слабо, для выстраивания общественной иерархии широко используются трансовые состояния сознания и суггестия. Отсутствует граница между миром фантазии и объективной действительностью. Убедить – значит удивить, очаровать, напугать. Например, у индоариев Веды были записаны только в III в. до Р. Х. До этого четыре толстые книги заучивались и передавались из поколения в поколение. Другой пример – этнические алтайцы. Письменность была принесена русскими сравнительно недавно. У алтайцев и сейчас существуют состязания кайчи (певцов-сказителей), которые могут целые сутки подряд петь горловым пением народный эпос, находясь при этом в трансе.

Цивилизация книги, в которой мы живем и которая сейчас пребывает в кризисе. Основой мышления, культуры, государственности является текст, состоящий из знаков. Наблюдаются прямая связь письма с мышлением, символичный характер культуры. Мышлению свойственна синтаксичность, последовательная логическая связность. В нашем случае цивилизация книги зародилась в Античности. В других цивилизациях – Индоарийской, Ветхозаветной еврейской и др. – происходили подобные процессы.

¹ Теория информационных революций развита на основе доклада С. Переслегина на III Психонетическом конгрессе, 9–11 сентября 2016 г. URL: <http://psychotechnology.ru/news/programma-iii-psihoneticheskogo-kongressa>

Книгопечатание открыло возможность чтения религиозных и научных текстов широким слоям населения. Отсюда следует:

1. Реформация, религиозные войны.

2. Доступность образования, формирование научного метода. В дальнейшем, развитие университетской учености, наступление эпохи научного прогресса.

Кризис цивилизации книги. Возможно, это формирование новой информационной цивилизации. Здесь мы наблюдаем череду информационных революций, связанных с достижениями научного прогресса. В данном случае мы не станем обсуждать вопрос: открытия ли в информационной сфере повлияли на общественное бытие или наоборот, развитие общества привело к информационным революциям. Не станем привлекать социальные философии Маркса, Тоффлера и др. Это тема отдельного исследования. Заметим лишь, что информационные революции и революционные изменения в обществе явно коррелируют между собой.

1. Открытие *телеграфа* подняло журналистику на уровень «четвертой власти». Во время гражданской войны Севера и Юга в США генералы обнаружили, что гораздо быстрее прочитать газеты, чем послать разведывательные отряды для обнаружения противника.

2. *Радио.* Репродуктор в каждом доме открыл возможность массовой пропаганды и позволил диктовать единую государственную волю большинству граждан. Наступает эпоха тоталитарных государств.

3. *Кино.* В 1913 г. Томас Эдисон писал в одной нью-йоркской газете: «Книги скоро выйдут из употребления в школах. Есть возможность изучать любую отрасль человеческих знаний с помощью фильмов. Наша школьная система в ближайшие 10 лет радикально изменится» [Шпитцер, 2014. С. 5]. Со временем оптимизм поубавился, сейчас учебные фильмы занимают свое достойное скромное место в образовательном процессе. Подобное же происходило в 70-е гг. прошлого века в связи с эйфорией от безграничных возможностей лингафонных кабинетов для изучения иностранных языков.

4. *Цветное телевидение.* Вспомним, как в советском фильме «Москва слезам не верит» герой-телевизионщик оптимистично повторял: «...Со временем телевидение перевернет жизнь всего человечества. Ничего не будет – ни кино, ни театра, ни книг, ни газет, – одно сплошное телевидение». Появление «зомбоящика», развитие технологий рекламы и манипуляции сознанием привели к формированию общества потребления. Достижения социальной психологии, нейрофизиологии, бихевиоризма применялись, прежде всего, в рекламе в манипуляци-

онных целях. Добротный рекламный ролик воздействует на животное начало человека в строгом соответствии с теорией рефлексов Павлова и Скиннера по принципу «стимул – реакция – подкрепление». Таким образом, с появлением цветного телевидения люди стали массово дрессировать, как зверьков, формируя из них потребителей продукта, производимого могущественными корпорациями. Предшествующая эпоха прогресса проходила под знаменами атеизма и материализма. Считалось, что религии закономерно заменятся прогрессивной наукой, но, начиная 60–70-х гг. XX в., на Западе происходит расцвет тоталитарных сект, как проявление мировоззрения потребителя в духовной сфере. Традиционные религии потребителя не устраивают – они занудные и слишком многого требуют от человека. Но проблема смерти и страдания остается. И тут секты предоставляют широкий спектр псевдодуховных утех, сомнительных, но обещающих быстрое удовольствие, «быстрорастворимое просветление».

Так или иначе, но цивилизация книги выстояла под натиском общества потребления. Думающие люди воспринимают телевизор как «зомбоящик», сектам и манипуляции сознанием противостоят навыками критического мышления, а реклама стала частью культуры.

5. *Интернет, компьютерные игры* привели к распространению измененных состояний сознания. Происходит кризис посттоталитарной демократии.

6. *Смартфоны и социальные сети* изменили формы коммуникации и способы общения. У молодежи стало формироваться клиповое мышление, появились новые сетевые организации. Проявлениями новых сетевых организаций являются ИГИЛ, «Арабская весна», «Евромайдан». Происходит своеобразная переоценка религиозных ценностей.

7. *Виртуальная реальность*. В 2016 г. появилась DayDream – недорогая виртуальная реальность, которая скоро войдет в каждый дом. Пока сложно прогнозировать, к чему это приведет.

Таким образом, цивилизация книги подвергается новой информационной атаке. Прогуливаясь по городу, сейчас можно найти собрания сочинений классиков мировой литературы, выброшенные на улицу. Много места дома занимают, а в Интернете все есть. Да и читать некогда. Было ли такое в истории, чтобы книги просто выбрасывали за ненадобностью? Кажется, еще не было. Книги сжигали, это было. Инквизиция, Гитлер и другие сжигали «неправильные» книги, чтобы люди читали «правильные» книги. Сейчас происходит совсем другое, книги вообще многим стали не нужны. Существует две противополо-

ложные точки зрения на происходящие мировоззренческие изменения.

1. В свое время цивилизация памяти сменилась цивилизацией книги. Сейчас цивилизация книги закономерно сменяется цивилизацией информационной. Происходят фундаментальные революционные изменения сознания и способа мышления человека. Клиповое мышление открывает новые, ранее невиданные возможности обучения, саморазвития, коммуникации. Формируется новая информационная элита цивилизации, с младенчества общающаяся с компьютером.

2. Рассматривая череду информационных революций, связанных с телеграфом, радио, кино, телевидением, мы отмечали сначала оптимизм и эйфорию от безграничных возможностей новой эпохи, но после цивилизация книги адаптировалась к новым условиям, при этом видоизменяясь. Логично предположить, что цивилизация книги продолжится и в эпоху социальных сетей и клипового мышления. При этом она претерпит серьезные изменения, но и способствует преодолению таких негативных явлений, как *цифровое слабоумие* и *информационная псевдодебилность*.

В нашей работе мы будем отстаивать вторую точку зрения.

Клиповое мышление, цифровое слабоумие, информационная псевдодебилность

Рассматриваемая проблема активно обсуждается в научной среде. Согласно Н. С. Барон [2010], А. Д. Елякову [2011], Н. Карр [2012], Ю. О. Годик [2011], увлечение Сетью способствует распространению рассеянности и поверхностности у учащихся и студентов, значительному росту синдрома дефицита внимания, прежде всего, у детей и молодых людей. К. Колин пишет об ослаблении памяти при использовании гаджетов – «цифровых протезов» [Колин, 2010. С. 32-36]. Р. В. Ершова [2015], М. В. Загидуллина [2012] пишут о негативных последствиях функционирования мозга в режиме многозадачности. Н. Ю. Игнатова, наоборот, пишет о положительных аспектах «эффективной многозадачности» в процессе обучения [2014].

На Западе описываемые проблемы стали изучаться раньше, чем в России. Уже проведены масштабные научные исследования на этот счет. Немецкий нейробиолог и психиатр М. Шпитцер пишет, что в 2000-х годах «... врачи в Южной Корее, которая является мировым лидером в области информационных технологий, отметили у молодых взрослых людей участвовавшие случаи нарушения памяти

и способности к концентрации, рассеянность внимания, а также явное снижение глубины эмоций и общее притупление чувств. Описанные симптомы позволили врачам выявить новое заболевание – *цифровое слабоумие*» [Шпитцер, 2014. С. 3]. Опуская нейрофизиологические подробности и описания проведенных экспериментов, приведем некоторые из выводов М. Шпитцера, существенные в контексте нашей работы.

- Наш мозг функционирует подобно мускулам: когда он активно работает, он растет; когда его не используют, он хиреет. В процессе обучения синапсы активно и быстро изменяются, образуются новые связи. Вдобавок к этому в гиппокампе, который отвечает за запоминание новых сведений, нарождаются новые нервные клетки, выживающие только тогда, когда их по-настоящему нагружают. Если мозг не тренировать, нейрональная аппаратная часть головного мозга будет неуклонно сокращаться. Например, если человек все время пользуется GPS навигатором, он не разовьет самостоятельных способностей ориентировки на местности.

- Существует прямая связь между развитием мелкой моторики пальцев и последующим развитием интеллектуальных способностей. Выражение «схватить истину» имеет еще и буквальный смысл. Счет на пальцах, чистописание, рисование, рукоделие – эти упражнения в детстве являются необходимым условием последующего развития интеллекта. Если ребенок вместо этого тычет пальцем в экран гаджета, он впоследствии будет интеллектуально отставать от сверстников.

- Именно потому, что компьютеры, ноутбуки и смартфоны делают умственную работу *за нас*, для обучения они не годятся. Обучение предполагает *самостоятельную* умственную работу: чем активнее и глубже мозг обрабатывает информацию, тем лучше она будет усвоена. Использование цифровых средств массовой информации и коммуникации (далее – ЦСМИиК) в системе образования ведет к формированию у детей поверхностного мышления.

- Тот, кто хранит плоды своего умственного труда на цифровых носителях или на «облаке» в Интернете, наряду с уменьшением непосредственной нагрузки на головной мозг получает еще одну проблему. У этого человека исчезает мотивация для запоминания новой информации. Привыкая «гуглить», человек теряет контроль над своей сознательной умственной деятельностью.

- Общение через социальные сети имеет не только очевидные положительные стороны. Анонимность, которую дает Интернет, приводит к тому, что человек меньше контролирует себя. Тому, кто приобрел

свои социальные навыки традиционным путем, – общаясь в реальности, лицом к лицу, – виртуальные социальные сети вряд ли причинят вред. Напротив, тот, у кого не было стимула для формирования естественного социального поведения, кто в детском или подростковом возрасте свою потребность в общении реализует в Интернете, т. е. социально живет в Сети, – рискует недоразвитием участков головного мозга, ответственных за социальное поведение, и, как следствие, недоразвитием интеллекта.

- Занимаясь поиском в Сети, молодые люди часто не могут отличить хорошие, авторитетные источники (например, научные исследования) от плохих источников (высказанное мнение). Они оценивают качество источников поверхностно, если вообще оценивают и фактически *не в состоянии* и к тому же *не желают* давать оценку источникам информации.

- Начиная с конца 2009 г. поисковые системы Google и др. персонализируют результаты поисков; наши интересы при информационном поиске регистрируются. В результате пользователь окружается так называемым *пузырем фильтров*, т. е. при поиске информации в Сети мы получаем только те результаты, которые хотели бы видеть. Это приводит к ограничению информационного кругозора пользователя. Если Google решит, что определенная информация нас не интересует, то мы ее больше не увидим, нам перестанут ее показывать.

- Представление о «цифровом человеке», впитавшем навыки обращения с компьютером и Интернетом с молоком матери, при ближайшем рассмотрении оказывается мифом. Необходимая для научения глубина умственной работы заменена поверхностным скольжением по волнам глобальной Сети.

- Активное пользование ЦСМИиК приводит к тому, что мозг человека постоянно функционирует в режиме многозадачности: немного пописал статью, немного поговорил по телефону, немного пообщался в Facebook, потом в Skype, проверил почту и т. д. Это приводит к нарушениям внимания и к неспособности концентрироваться на главном. Люди, постоянно выполняющие несколько дел одновременно, активно культивируют у себя два качества – поверхностность и неэффективность.

Проблема многозадачности и эффективности в работе мозга подробно раскрыта в работе нейропсихиатра Тео Компенролле «Мозг освобожденный» [2015].

Согласно Т. Компенролле, наш головной мозг имеет три когнитивные, ответственные за принятие решений системы (нейросети): *реф-*

лексирующий (мыслящий) мозг, рефлекторный мозг и архивирующий мозг. В идеале эти три системы сотрудничают между собой для достижения оптимальной интеллектуальной продуктивности, но иногда они могут соперничать и даже враждовать друг с другом.

Рефлексирующий, или мыслящий, мозг – отвечает за размышление, логику, фантазирование, планирование, творческую переработку и т.д. Он медлителен, нуждается в сосредоточенности и устойчивом внимании, поэтому потребляет много энергии и легко устает. Мыслящий мозг способен обдумывать всего одну мысль в одно время. Он обрабатывает информацию последовательно, выполняя по одной задаче. Одно из уникальных качеств человека – наш рефлексирующий мозг способен брать верх над рефлекторным. Поэтому его иногда называют контролирующим мозгом.

Рефлекторный мозг – старейший из всех трех систем, объединяет человека с животными. Он самый быстрый, бессознательный и автономный, он действует на уровне рефлексов и инстинктов. Этот мозг основывает все свои суждения на моментальных впечатлениях, на том, что есть здесь и сейчас. Он может одновременно обрабатывать большое количество разной информации. Он потребляет мало энергии и действует почти молниеносно благодаря тому, что опирается на врожденные и приобретенные рефлексы. Частью рефлекторного мозга является эмоциональная система. Каждый раз, когда очередной стимул привлекает внимание рефлекторного мозга, в нашем мозгу происходит небольшой выброс дофамина. Он заставляет нас искать эти стимулы снова и снова – так развивается зависимость от них. Это отчасти объясняет, почему люди могут впасть в зависимость от постоянного стимулирования со стороны карманных гаджетов.

Архивирующий мозг обрабатывает потоки информации от рефлексирующего и рефлекторного мозга, чтобы ее отбросить или сохранить в долговременной памяти. Рефлексирующий мозг и архивирующий мозг работают по очереди. Когда один активизируется, другой деактивируется, и наоборот. Архивирующий мозг всегда активен, он никогда не отключается полностью, если только рефлексирующий мозг не оттягивает на себя все вычислительные ресурсы. Архивирующий мозг наиболее активен, когда рефлексирующий мозг засыпает или отдыхает – даже если эта передышка длится всего несколько минут или секунд.

Мыслящий мозг не способен работать в многозадачном режиме. Единственный вид многозадачности, на который способен рефлексирующий мозг, – это выполнение некоторых задач совместно с рефлек-

торным мозгом. В это время рефлекслирующий мозг сосредотачивает сознательное внимание на основной задаче: например, одновременно вязать и смотреть телевизор. *Автор писал настоящую работу под классическую музыку, игравшую фоном.*

Переключение между задачами увеличивает время их выполнения, тормозит работу мыслящего мозга и снижает ее качество: мозг занят, но не продуктивен. Любая смена задач, любой отвлекающий фактор или помеха сопряжены с переключением между задачами. А при каждом переключении теряются время, силы и продуктивность. Чтобы рефлекслирующий мозг сосредоточился и начал думать, необходимо около 20 мин. Чтобы осмыслить результаты телефонного разговора, нужно около 10 мин.

Исключения из правил существуют, такие как Гай Юлий Цезарь, но их не более 2,5 % [Компенролле, 2015. С. 43]. Остальные 97,5 % «цифровых аборигенов» мнят себя Цезарями, но, на самом деле, всего лишь насыщают свой рефлекторный мозг потоком впечатлений, от чего испытывают эйфорию. От этой эйфории у человека завышается самооценка, в реальности он глупеет. Описываемое явление называется *информационной псевдодебилностью*². Дебилность (умственная отсталость) проявляется в том, что больной интеллектуально пассивен, не может долго сосредотачивать внимание, импульсивен, мыслит очень конкретно и утилитарно, не любит и не понимает абстрактные рассуждения. Истинная дебилность является результатом патологии развития мозга и не поддается лечению. Псевдодебилность – результат болезненной информационной зависимости, проявляется в нежелании быть умным, развивать и тренировать свой мозг, складывать сложные интеллектуальные объекты. При этом фактически патологий развития мозга у человека нет. Таким образом, индивид сам, добровольно идет к отупению, дебилности, впадая в зависимость от ЦСМИиК. При этом индивид имеет завышенную самооценку своих интеллектуальных способностей. Информационная псевдодебилность лечится. Ее лечение является задачей не только психотерапевтов, но и преподавателей средней и высшей школы. Из-за нечеткости определения, размытости понятия информационной псевдодебилности, эту болезнь, в той или иной мере, можно обнару-

² Понятие информационной псевдодебилности ввел проф. А. Н. Алехин. Развивает эту тему А. В. Курпатов. URL: <https://thequestion.ru/questions/379770/chto-takoe-informacionnaya-psevdodebilnost>

жить у любого представителя информационной цивилизации, включая автора настоящей работы.

Автор, будучи преподавателем, в 2010 году открыл для себя, что в YouTube выложено множество интересных лекций по нейрофизиологии, философии, богословию и др., начал их с энтузиазмом слушать, повышать эрудицию. Книги читать труднее, а в видеоролике профессор все доступно объясняет и усилий никаких прикладывать не надо. Потом автор заметил, что вовсе не обязательно готовиться к своей завтрашней лекции, если сегодня между делом можно послушать ролик на сходную тему. Потом слушание роликов между делом вошло в привычку. Когда готовишь еду – слушаешь про литературоведение, засыпаешь под лекцию по богословию, которое хорошо убаюкивает. И это преподаватель, который сам учит студентов слушать лекции внимательно, не отвлекаться и конспектировать. Потом к роликам с лекциями добавились ролики обо всем на свете, потом социальные сети. Потом возникла иллюзия собственной разносторонности и эрудированности. А в 2014 году автор неожиданно обнаружил, что он оступел, что ослабла память, что он не может и не хочет читать серьезные книги и писать научные статьи. Пришлось прикладывать немалые усилия, чтобы восстановить память и интеллектуальные способности. К счастью, это получилось. Автор и сейчас слушает интересные видеоролики и в социальных сетях находит много полезного. Нужно лишь заниматься этим последовательно, не отвлекаясь на другие дела.

«Цифровое слабоумие возникает у ребенка, который с младенчества пользуется гаджетами. Проявляется в виде проблем со вниманием и запоминанием. Приводит к снижению качества суждений ребенка и способности решать интеллектуальные задачи, что сказывается на его успеваемости, отношениях со сверстниками, родственниками, умении контролировать свои эмоции и т. д. Это уже в некотором смысле болезнь, поскольку она обусловлена проблемами формирования детского мозга, но не генетическая, а приобретенная»³. С учетом реалий современной России, когда многие родители вынуждены лихорадочно зарабатывать скудные деньги, а времени на воспитание детей у них не остается, проблема цифрового слабоумия является более чем актуальной.

³ Курпатов А. В. Отрывки из книги «Чертоги разума. Убей в себе идиота!». URL: http://portalramn.ru/patient/school/interesnoe-o-zdorove.php?ELEMENT_ID=4087

Термин *клиповое мышление* означает особенность человека воспринимать мир через короткие яркие образы и послания, например, через ленту теленовостей, небольших статей или коротких видеоклипов. Мы будем полагать, что *клиповое мышление* – термин более общий, включающий в себя понятия *информационной псевдодебильности* и *цифрового слабоумия* в качестве частных проявлений. (Хотя это допущение требует отдельного рассмотрения).

Опыт преодоления клипового мышления у студентов

У большинства современных студентов *мозг работает иначе, чем у преподавателей*. Возникает серьезный конфликт поколений. *Преподаватели* читают текст, превращают знаки в слова, слова в предложения, формируют образы, устанавливают логические связи, рефлексиируют, выдают ответ в виде речи, потом текста. *Студенты*, в большинстве своем, с детства «виснут» в Сети, за компьютерными играми, в социальных сетях. У них размывается граница между действительностью и виртуальной реальностью. Информация поступает напрямую через визуальный и аудиальный канал, без символизации, синтаксиса, последующей рефлексии. Оценка информации эмоциональная, по принципу удовольствия: «торкает – не торкает». При этом человек может потреблять количество информации гораздо большее, чем представитель цивилизации книги, и спонтанно на нее реагировать. Каким же образом учить современных студентов, если конфликт поколений имеет цивилизационный характер?

Рассматриваемые проблемы в меньшей степени относятся к преподаванию математических и естественно-научных дисциплин, где изложение материала имеет строгую последовательную логику. Например, если при изучении математического анализа студент не понял одну теорему, то он не поймет и всех последующих теорем. Он вынужден будет вернуться назад и разобраться. Иначе невозможно. Проверка знаний в данном случае не представляет особого труда. Также при изучении иностранных языков незнание предмета легко обнаруживается.

Другое дело преподавание гуманитарных дисциплин, таких как «Философия», «Культурология» и др. или преподавание гуманитариям естественно-научных дисциплин «Концепции современного естествознания», «Экология» и др. Здесь внутренняя логика изложения не столь очевидна. Многие преподаватели сталкивались с таким явлением: студент, получая задание, выходит к доске и начинает с вы-

ражением зачитывать «загугленный» текст. При этом он не понимает, что читает, не может самостоятельно рассказать о теме, не может указать источник информации. Его в школе не научили. Что же делать, если таких студентов половина группы, если не больше?

Во время преподавания курса «Философия» в 2000-е гг. автор опирался на сюжеты из школьного курса русской литературы. Многим студентам не под силу чтение оригинальных философских текстов, но зато все изучали «Преступление и наказание» Достоевского в школе. Отсюда легко раскрываются такие темы, как «философия экзистенциализма», «проблема свободы воли». Но, начиная со второй половины 2000-х гг., из школы все чаще стали приходиться студенты, в большинстве своем не читавшие «Преступление и наказание», да и вообще читать не любящие, зато оснащенные гаджетами и ноутбуками. В такой ситуации реферат как форма контроля становится бессмысленным – он бездумно «скачивается». Но реферат может стать отправной точкой для долгого диалога, своего рода выпрашивания в духе сократической маевтики. Реферат – в начале семестра, понимание реферата – в конце семестра. При таком подходе преподавание философии превращается в своеобразную психотерапию информационной псевдобезразличности, некое болезненное побуждение рефлексирующего мозга к деятельности. Платон считал источником философии удивление. Если у студента удастся вызвать удивление от понимания того, что написано в его реферате, то после этого появляется и способность к философской рефлексии, и понимание теории.

В некоторых случаях целесообразно принимать аттестационные работы только написанными от руки – это хорошо способствует пониманию. В других случаях, наоборот, целесообразно разрешить на занятиях и экзаменах пользоваться смартфонами, планшетами, ноутбуками и свободно «гуглить» любую информацию, а спрашивать понимание логических связей, отношений между исследуемыми феноменами и концептами. Еще Кант утверждал, что *познавая мир, мы познаем не сами вещи и явления, а лишь отношения между ними.*

Обычно преподаватель не выходит за рамки принципов мышления цивилизации книги. Интересным представляется другой подход, когда преподаватель вместе со студентами погружается в клиповое мышление, чтобы затем «вытащить» их на логический и рефлексивный уровень.

Отличные результаты показал эксперимент, проводившийся автором в течение трех лет в Институте культуры и молодежной политики

НГПУ при преподавании предметов «Концепции современного естествознания» и «Социальная экология».

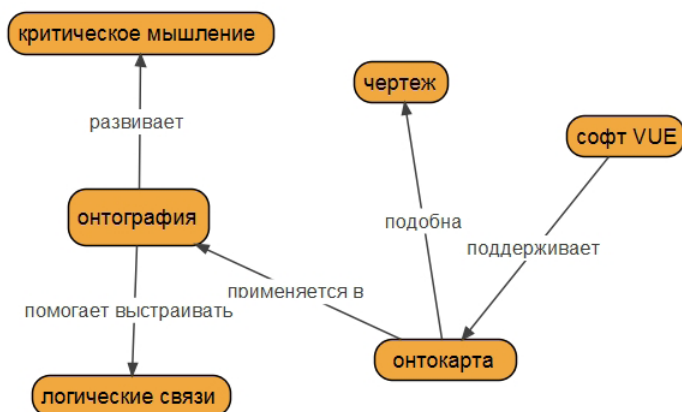
• Лекционные занятия строились по клиповому принципу. В начале занятия ставились несколько коротких ярких, броских видеороликов, внешне между собой не связанных, например: «Уравнение Мандельброта, фракталы», «Примеры самоорганизации материи», «Эволюционная теория». Возникла дискуссия о связи между этими роликами. Происходила некая самоорганизация занятия, в результате чего происходило «наведение» на тему «Теории самоорганизации материи. Глобальный эволюционизм». Достаточно сложный материал при этом легко усваивался. В качестве домашнего задания студентам предлагалось установить на свой компьютер или планшет программу VUE (Visual Understanding Environment) или ее русифицированный аналог designVUE в среде Java. В дальнейшем каждый студент выбирал интересующую его научную проблему для исследования и в течение семестра делал по ней онтокарту. На занятиях онтокарты выводились на большой экран и обсуждались всей аудиторией. Темы подбирались актуальные и «синтетические», затрагивающие сразу несколько наук, например «Магнитные бури и их влияние на здоровье человека». Здесь затрагивается астрономия, физика, физиология, медицина. Многие современные студенты не научены отличать научную информацию от псевдонаучной, поэтому выбирали для исследования темы квазинаучного характера, например энергоинформационные свойства воды или какие-нибудь торсионные поля. В таких случаях тема либо отклонялась, либо студенту предлагалось проанализировать проблему, применив научный метод. В результате доказывалась ненаучность (или научность) рассматриваемой теории.

VUE – это программа, разработанная в Университете Тафтса, США. В России технология и философское обоснование онтодизайна разрабатываются философом и психологом Е. Н. Волковым из Нижегородского госуниверситета и Высшей школы экономики⁴. Онтокарта представляет собой подобие блок-схемы (см. рисунок).

Любой логически связный текст можно представить в виде онтокарты.

Онтокарта состоит из узлов и связей между ними. Узел – это ярлык-концепт, заменяющий полное описание базового явления или процесса данной предметной области. К узлам, кроме названия, можно «прицепить» гиперссылку, видео, фото, пояснительный текст.

⁴ Подробности см. на сайте <http://evolkov.net/ontography/index.html>

Пример незавершенной онтокарты

Важно, что пояснительный текст нельзя скопировать и вставить, можно лишь написать самому. Любой узел может быть началом нового слоя, новой карты.

Связи-стрелочки определяют вид отношений и взаимодействий базовых явлений и процессов между узлами. Они имеют подписи, которые отражают вид связи: «следует», «состоит из» и т.д.

Онтокарты чрезвычайно наглядны, что важно для студентов с клиповым мышлением, при котором особенно развит визуальный канал восприятия. Остается визуализировать и осознать логические связи между узловыми понятиями. Онтокарты выводятся на большой экран, их построение обсуждается всей группой, что создает творческий эвристический настрой.

Онтокарты несут отпечаток индивидуальности автора. Один и тот же логически связанный текст или процесс будет описан разными людьми в виде разных онтокарт. (Один человек напишет «А следует из В», другой «В является причиной А»).

Программа VUE и онтодизайн очень быстро самостоятельно осваиваются студентами, которые с детства владеют компьютером.

Онтокарты быстро проверяются. Не нужно вчитываться в текст, достаточно пробежать глазами, чтобы увидеть неверные связи и недостающие узлы.

Учебный курс, с помощью студентов, легко изображается в виде многослойной онтокарты, которую потом можно совершенствовать

со следующими студентами, для которых она является отправной точкой и помощью в работе.

Онтодизайн не заменяется презентацией Power Point. Последнюю легко «загуглить», а онтокарту нет.

Применение технологии онтодизайна дает отличные результаты в развитии аналитических способностей у студентов с клиповым мышлением. Правила игры такие, что студентам неизбежно приходится думать, результат невозможно «загуглить», скопировать. Важным является тот факт, что студентам предоставляется возможность самим выбрать тему исследования из области естественных наук. Это повышает у них мотивацию в работе, а преподавателю дает возможность изучить сферу их интересов. На семинарских занятиях аудитория постоянно делает для себя малые, но важные в жизни открытия, которые наглядны и надолго запоминаются. Например, почему астрология является псевдонаукой. Или почему можно навсегда испортить слух, если громко слушать музыку в наушниках. Или как сотовая связь действует на мозг и как это воздействие свести к минимуму. Научная картина мира как мозаика складывается из ярких кусочков, а самостоятельно созданная онтокарта является допуском к экзамену. Онтокарты делались свободно, по выбору. Те студенты, которые не желали осваивать онтодизайн, делали обычные презентации. Впрочем, таких студентов было очень немного.

Отметим, что программой VUE заинтересовались преподаватели из Высшего колледжа информатики НГУ. Там студенты в качестве аттестационных работ пишут программы, подобные VUE, для других частных задач обучения и преподавания [Гаврилова и др., 2017. С. 3].

Е. Н. Волков в своем «Манифесте онтодизайна» утверждает, что линейно-вербальный текст цивилизации книги устарел и не способен отражать реалии информационной цивилизации ⁵. Онтографию он полагает новым универсальным визуально-образным языком, объединяющим человечество ⁶. Мы не согласны с таким подходом по причинам, изложенным выше. В свое время логические позитивисты уже предлагали создать новый язык, лишенный каких-либо двусмысленностей. В результате появился язык математической логики, применимый для решения ряда научных задач. Так и онтогра-

⁵ <http://evolkov.net/ontology/ontology.manifest.html>

⁶ За последние годы Е. Н. Волков пересмотрел ряд своих представлений и обратился от онтографии к собственно онтологии (онтологике). Теперь он не предлагает отказываться от линейного текста в пользу онтографии. URL: <https://evolkov.net/ontology/>

фия является лишь дополнением к линейному тексту. В онтографии теряются многие выразительные средства языка линейного текста. Но как учебная программа, позволяющая развивать у студентов аналитические способности и критическое мышление, онтография действительно эффективна.

Антиплагиат является прекрасной и эффективной контролирующей программой, но он недолго будет оставаться таковым по следующим причинам. Во-первых, при современном уровне развития информационных технологий не составляет труда сделать программу «Анти антиплагиат». Программа, которая видоизменяет украденный текст настолько, что антиплагиат не сможет этот текст распознать, если уже не создана, то скоро появится. Во-вторых, многие студенты, страдающие цифровым слабоумием, вообще не способны самостоятельно написать курсовую или диплом. Они пользуются сервисом, который стыдливо называется «Помощь в написании курсовых и дипломных работ». Пишут дипломы часто сами преподаватели или аспиранты, которые на основной работе получают жалкие гроши, а на написании дипломов неплохо зарабатывают. Для таких преподавателей, чем глупее студенты, тем лучше, тем больше денег они получают. Антисистема в большинстве вузов давно существует и активно функционирует. В этом смысле внедрение в вузах программы «Антиплагиат» на деле означает лишь повышение расценок на «помощь» в написании диплома.

«Безграничные возможности» Сети создают большие соблазны дистанционного образования. К подобным соблазнам следует относиться с большой осторожностью. Например, в США в начале 2010-х гг. реализовался проект Массовых открытых онлайн-курсов (МООК). Курсы создавались ведущими колледжами и университетами. Цель курсов – дать жителям бедных стран доступ к качественному высшему образованию. Проект закончился полным провалом: всего от 2 до 14 % пользователей прошли больше половины курса или весь курс. Учеба – это трудная работа для мозга, она требует долгой сосредоточенности и отсутствия отвлекающих факторов. А Сеть воспринимается молодыми людьми как развлекательная среда [Компенролле, 2015. С. 13]. Дистанционное онлайн образование если и возможно, то при условии предварительного психологического тренинга по формированию должного намерения и концентрации внимания. Сказанное не относится к повышению квалификации и переподготовке специалистов, которые твердо знают, чего хотят, и уже имеют базовое образование.

Проблемы, порождаемые цифровой революцией, имеют прямое отношение к национальной безопасности. В школе сейчас молодой человек воспитывается как потребитель, а не как творец. В вузе студентам оказывают «образовательные услуги». С экологической точки зрения общество потребления не имеет будущего. Человек, воспитанный как потребитель, никогда не будет удовлетворен российской действительностью. Всегда найдутся места, где потребителю жить комфортнее, чем в России. Теперь добавим к стратегии потребителя еще и клиповое мышление. Получим человека, живущего сиюминутными удовольствиями, не способного к анализу и прогнозированию, самодовольного, мало сочувствующего, податливого манипуляции сознанием. Со временем, по мере естественной смены поколений такие люди будут управлять государством? Сохранится ли Россия?

На этот счет сделаем следующий прогноз. Со временем население России (как и остального мира) разделится не только на богатых и бедных, но и по информационному критерию. Управлять страной будет немногочисленная информационная элита (15–20 % населения). В нее войдут (помимо представителей власти, силовых структур и церкви) работники IT-сферы, информационных СМКиП, представители бизнес-элиты. Такая элита будет создавать, анализировать и распространять информацию. Представители элиты будут получать традиционное образование цивилизации книги, чтобы впоследствии овладеть силой и возможностями информационных технологий и виртуальной реальности. Остальная масса населения – это легко управляемые потребители информации, в большей или меньшей степени пораженные цифровым слабоумием и информационной псевдобедностью. Эпоха радио породила тоталитаризм и массовую пропаганду. Эпоха цветного телевидения и рекламы привела к расцвету тоталитарных сект и технологий контроля сознания. Цифровая эпоха приведет к развитию невиданных ранее технологий промывки мозгов и в итоге к электронному концлагерю.

Изображение подобного общества будущего является распространенным сюжетом произведений научной фантастики и антиутопии (братья Стругацкие, С. Лем, А. Азимов, И. Ефремов, Дж. Оруэлл и др.). Сейчас наступление такого будущего становится вполне возможным. Мы полагаем, что избежать такого сценария будущего возможно лишь при возрождении социалистических принципов устройства общества и сохранении системы образования цивилизации книги.

Заключение

Однажды автор вел курс «Экология» у психологов НГУ и проводил семинарское занятие в близлежащем лесу. Во-первых, чтобы наглядно показать и объяснить закономерности развития экосистем. Во-вторых, чтобы временно «выдернуть» студентов из виртуальной цифровой паутины для лучшего понимания предмета. Летом через два года, будучи уже старшекурсниками, эти студенты собрались всей группой в лес на пикник и пригласили с собой преподавателя экологии. Автор привел группу в живописное место с обустроенным костровищем на берегу лесного озера. Дальше началось странное. Студенты, почти все, кроме двух молодых людей, раскатали коврики, достали снесь из рюкзаков и расселись по всей лужайке по одному или по двое. Все, как один, надели наушники и углубились в смартфоны, похрустывая чипсами. Сначала автор впал в состояние когнитивного диссонанса от происходящего, но после, овладев собой, предложил молодым людям без наушников прогуляться в лес за дровами. Они вернулись ни с чем, дров не нашли. Автор сходил с ними снова, наломал сухостоя и сам разжег огонь. Было прохладно, студенты стали подтягиваться к огню. Автор предложил им снять наушники, убрать смартфоны и послушать сибирского соловья. Так произошла встреча двух цивилизаций: «цифровых аборигенов» и представителя цивилизации книги. Позже нашлась и гитара, получился прекрасный созерцательный вечер. Студенты вернулись домой счастливыми, равно как и преподаватель. После автор понял, что для студентов цифровой информационный поток из смартфонов был своеобразной психологической защитой, виртуальной броней перед необычной и пугающей ситуацией. Стоило завоевать их доверие, и цифровая пелена рассеялась.

В далекие времена цивилизация памяти сменилась цивилизацией книги. Но цивилизация памяти не исчезла. Она и сейчас составляет фундамент цивилизации книги. В детстве мы учимся на народных сказках, мифах, былинах, на том, что иначе называется коллективным бессознательным или духом народа. Без этого фундамента невозможно полноценное овладение логосом цивилизации книги. Возможно, сейчас действительно наступает новая эпоха информационной цивилизации. И это серьезнее, масштабнее, чем эпоха телеграфа и радио, кинематографа и телевидения. В любом случае, в своем индивидуальном развитии человек проходит сначала стадию цивилизации памяти (сказки, мифы), потом стадию цивилизации книги (логос) и лишь

потом способен перейти на стадию информационной цивилизации. Как было показано выше, попытки «проскочить» стадию цивилизации книги приводят лишь к цифровому слабоумию.

В связи с информационной революцией общество имеет комплекс проблем, расположенных по убыванию сложности.

Неизлечимое цифровое слабоумие – дети в возрасте 2–6 лет, не выпускающие гаджетов из рук. Это дети родителей, мало занимающихся своими детьми (в частности, сами страдающие цифровой зависимостью). Это возраст, когда формируются основы личности человека. Если необходимый фундамент личности не заложен, впоследствии никакая психотерапия не поможет (вспомним, например, феномен Маугли).

Излечимое цифровое слабоумие – дети от 6 лет до (условно говоря) среднего школьного возраста. Здесь уже все зависит от искусности родителей, педагогов и психологов.

Излечимая информационная псевдодебилность – от старшего школьного возраста до директоров фирм и «офисного планктона». Избавление от разрушительных для мышления особенностей режима многозадачности и развитие навыков критического мышления должно стать задачей системы образования, психотерапии, тренингов и т. д. Здесь также должна решаться задача преодоления страха передреальным миром и развития навыков реального, а не виртуального общения.

Безусловно, информационная революция меняет, а дальше еще больше будет менять систему среднего и высшего образования. Сейчас наступает стадия, когда проходит эйфория от безграничных возможностей Интернета, электронных технических средств, ЦСМИиК. Для того чтобы корректировать проявления цифрового слабоумия и информационной псевдодебилности, в сфере высшего образования необходимо сделать следующее.

- В цифровой сфере необходимо внедрять в учебный процесс такой софт, как VUE, специально направленный на развитие критического мышления. Необходимо создавать новое программное обеспечение обучающей направленности. Для этого не нужно особых капиталовложений. Достаточно выпускникам факультетов информационных технологий предлагать соответствующие темы дипломов.

- В цифровую эпоху необходимость личного общения преподавателя и студента не уменьшается, а, наоборот, возрастает. Онлайн обучение никогда не заменит живого общения. Обучаться по Skype – это все равно, что литургию по телевизору смотреть. Только в живом

диалоге возможно заинтересовать предметом студента, удивить, воодушевить и вывести его сознание из режима многозадачности на рефлексивный уровень.

- Процесс обучения должен быть насыщен практикумами, экспедициями, выездными семинарами, которые отрывали бы студентов от мира виртуального и погружали в мир реальный. Очень полезен будет, например, выездной недельный семинар, на время которого у студентов изымаются смартфоны и другие гаджеты. Изымаются либо на все время семинара, либо временно выдаются по окончании занятий для связи с родными и близкими.

- В вузах на младших курсах должен быть введен специальный курс «Критическое мышление» (курс с таким названием существует в западных вузах). В рамках курса должно изучаться следующее.

1. Основные законы логики (если логика не преподается отдельно).

2. Отличия информации научной от псевдонаучной. Принципы поиска в Интернете научной информации.

3. «Техника безопасности» пользования социальными сетями. Информационная гигиена. Объяснение таких явлений, как «режим многозадачности», «клиповое мышление» и др. Выработка навыков преодоления непродуктивной многозадачности, благо на этот счет существует масса психологических методик.

4. Что такое манипуляция сознанием, как ее распознавать и как ей противостоять.

5. Почему плагиат является воровством и как правильно цитировать и ссылаться на научную литературу.

Конечно, указанные темы можно раскрывать в курсах «Философия», «КСЕ» и др., но это будет в ущерб предметам, тем более что курс «Философия» в вузах сейчас сокращен.

С проблемами цифрового слабоумия и информационной псевдодебильности тесно связана проблема отчуждения и одиночества человека в мегаполисе. Эти проблемы друг друга взаимно усиливают. Чем более человек чувствует себя одиноким во враждебной его биологической природе среде мегаполиса, тем более он погружается в социальные сети и виртуальную реальность и тем еще более становится одиноким. Но именно Сеть способна освободить человека от привязанности к мегаполису. Уже сейчас множество программистов-фрилансеров путешествует по всему миру, при этом работая и хорошо зарабатывая. Сеть создает возможности заработка: IT, продажи через Интернет, торговля на валютных и криптовалютных биржах, консультирование, аналитика и др., – освобождающие

от привязки к конкретному месту. Предположим, цифровой человек озаботился своим физическим и психическим здоровьем, преодолением клипового мышления себя, жены и детей. Тогда переезд в деревню или в пригород будет решением проблемы. Дом в деревне сейчас можно найти даже за бесплатно, денег в деревне требуется гораздо меньше, чем в городе, Интернет есть почти везде. Лето будет занято хозяйственными работами в мире реальном, а зима – работой в Сети. Сейчас, благодаря Сети, открываются новые возможности постурбанистических поселений, пока мало изученные. Это может быть дауншифтинг – жизнь в деревне за счет средств, полученных от сдачи в аренду своего городского жилья. Но это может быть и апшифтинг – раскрытие человеком своего творческого потенциала в сельском постурбанистическом поселении в среде единомышленников. Вопреки бытующему мнению, постурбанизм не противоречит возможной реиндустриализации России, а, наоборот, ее гармонично дополняет. Единственной серьезной проблемой является привязанность к городской инфраструктуре, системам медицины и образования. Впрочем, это вполне решаемые проблемы в коллективе единомышленников, тем более что государственные медицина и образование сейчас активно деградируют. Уже сейчас в городах многие граждане (в основном малообеспеченные) занимаются самообразованием и самолечением, справедливо не доверяя официальным структурам.

В завершение приведем некоторые замечания в защиту клипового мышления. Платон в диалоге «Федр» устами Сократа рассказывает о египетском боге Тевте, который принес в дар царю Египта Тамусу свои искусства: число, счет, геометрию, астрономию, игру в шашки и кости, а также письменность. Когда дошел черед до письменности, Тевт сказал: «Эта наука, царь, сделает египтян более мудрыми и памятливыми, так как найдено средство для памяти и мудрости». Царь же сказал: «Искуснейший Тевт, один способен порождать предметы искусства, а другой – судить, какая в них доля вреда или выгоды для тех, кто будет ими пользоваться. Вот и сейчас ты, отец письмен, из любви к ним придал им прямо противоположное значение. В души научившихся им они вселят забывчивость, так как будет лишена упражнения память: припоминать станут извне, доверяясь письму, по посторонним знакам, а не изнутри, сами собою. Стало быть, ты нашёл средство не для памяти, а для припоминания. Ты даешь ученикам мнимую, а не истинную мудрость. Они у тебя будут многое

знать понаслышке, без обучения, и будут казаться многознающими, оставаясь в большинстве невеждами, людьми трудными для общения; они станут мнимомудрыми вместо мудрых» [Платон, 1993. С. 186]. Эти рассуждения вам ничего не напоминают? Мудрецы цивилизации памяти упрекали распространителей письменности, что они приносят невежество, многознание, мнимую мудрость и забывчивость.

Впервые напечатанные Иваном Федоровым богослужебные тексты, хотя и имели шрифт, подражавший рукописному тексту «Апостола», все равно считались второсортными, если не бесовскими. Потому что переписчик при написании каждой буквы произносил Иисусову молитву, а напечатанный текст был лишь бездушной копией оригинала. Многочисленная каста переписчиков книг опасалась лишиться материального обеспечения. В случае развития книгопечатания им пришлось бы менять свою специальность. Немало было противников среди бояр, боявшихся ослабления своего политического значения и усиления авторитета царской власти и церкви. Было немало противников книгопечатания и среди духовенства, которое опасалось подрыва своего влияния и распространения в народе «еретических идей» [Люди русской науки, 1948].

Подобные истории были и в эпохи радио, кино, телевидения. Каждая информационная революция имеет своих противников, не понимающих и боящихся ее достоинств. Так и в случае клипового мышления, многие его достоинства еще не поняты и не оценены. Возможность обрабатывать огромные массивы информации, спонтанно интуитивно на нее реагировать, пребывая при этом «здесь и сейчас», – эти способности сознания, связанные с клиповым мышлением, требуют отдельного рассмотрения. Так же отдельного рассмотрения требует сравнение клипового мышления и способа мышления дописьменной цивилизации.

Список литературы

Барон Н. С. Люди, в которых мы превращаемся: цена постоянного нахождения на связи // Информационное общество. 2010. № 5. С. 18–29.

Гаврилова Д. А., Кузнецова Т. В., Шоколов А. Д. Онтодизайн как методологический инструмент // 55-я Международная студенческая на-

учная конференция. Школьная секция: Информационные технологии. Новосибирск, 2017.

Годик Ю. О. «Цифровое поколение» и новые медиа // Медиаскоп: Электронный научный журнал факультета журналистики МГУ. 2011. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/838>

Еляков А. Д. Благо и зло: жгучий парадокс Интернета // Философия и общество. 2011. № 2. С. 58–76.

Ершова Р. В. Цифровое слабоумие как реалия информационного общества // Практическая психология образования XXI века: психологическое сопровождение образовательного процесса. Сб. науч. ст. и материалов XIII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. М., 2015. С. 18–22.

Загидуллина М. В. Информационное общество в контексте Net-мышления // Вестн. Челябинского гос. ун-та. Серия Филология. Искусствоведение. 2012. № 5 (260). С. 48–51.

Игнатова Н. Ю. Многозадачность и успеваемость студентов // Открытое и дистанционное образование. 2014. № 3 (55). С. 5–11.

Карр Н. Пустышка: Что Интернет делает с нашими мозгами. СПб.: BestBusinessBooks, 2012.

Колин К. К. Информационная антропология: поколение Next и новая угроза психологического расслоения человечества в информационном обществе // Вестн. Челябинской гос. академии культуры и искусств. 2011. № 4. С. 32–36.

Компенролле Т. Мозг освобожденный: Как предотвратить перегрузки и использовать свой потенциал на полную мощь. М.: Альпина Паблишер, 2015.

Люди русской науки. Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники. / Сост. и ред. И. В. Кузнецов. М.; Л.: ОГИЗ, Гостехиздат, 1948. Т. 2.

Платон. Федр // Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2.

Шпитцер М. Антимозг: цифровые технологии и мозг. М.: АСТ, 2014.

V. V. Nechunaev

Novosibirsk

nechunaev@gmail.com

OVERCOMING CLIP THINKING IN CONTEMPORARY STUDENTS

The article analyzes the problems associated with clip thinking in contemporary students. The history of information revolutions and of the changes they cause in society is considered. On this basis, the forecast is made about the consequences of the contemporary digital revolution. Based on the works of neuropsychiatrists M. Spitzer and T. Compernelle, the concepts of digital dementia and information pseudo-retardation are clarified. Based on author's own pedagogical experience, practical recommendations are given on how to work with clip thinking in students. The experience of using the computer program *Visual Understanding Environment* and the technology of ontodesign in the educational process is analyzed. Recommendations are made for improving the process of higher education in connection with the digital revolution. The perspectives of the post-urban society in connection with computerization and the widespread availability of Internet are considered.

Keywords: clip thinking, digital revolution, computerization, digital dementia, information pseudo-retardation.

References

Baron, N. S. (2010). Ljudi, v kotoryh my prevrashhaemsja: cena postojannogo nahozhdenija na svjazi [The people we turn into: the price of being in touch]. *Informacionnoe obshhestvo*, 5, 20. (in Russ.)

Gavrilova, D. A., Kuznecova, T. V., Shokolov, A. D. (2017). Ontodizajn kak metodologicheskij instrument [Ontodesign as a methodological tool].

In 55-ja Mezhdunarodnaja studencheskaja nauchnaja konferencija. *Shkol'naja sekcija: Informacionnye tehnologii*. Novosibirsk. (in Russ.)

Godik, Ju. O. (2011). «Cifrovoe pokolenie» i novye media [“Digital Generation” and New Media]. *Mediaskop: Jelektronnyj nauchnyj zhurnal fakul'teta zhurnalistiki MGU*, 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/838> (in Russ.)

Eljakov, A. D. (2011). Blago i zlo: zhguchij paradoks Interneta [Good and evil: the burning paradox of the Internet]. *Filosofija i obshhestvo*, 2, 58–76. (in Russ.)

Ershova, R. V. (2015). Cifrovoe slaboumie kak realija informacionnogo obshhestva [Digital dementia as the reality of the information society]. *Prakticheskaja psihologija obrazovanija XXI veka: psihologicheskoe soprovozhdenie obrazovatel'nogo processa*. Sbornik nauchnyh statej i materialov VIII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoi konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (pp. 18–22). M. (in Russ.)

Zagidullina, M. V. (2012). Informacionnoe obshhestvo v kontekste Net-myshlenija [Information Society in the context of Net-thinking]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Filologija. Iskusstvovedenie*, 5 (260), 48–51. (in Russ.)

Ignatova, N. Ju. (2014). Mnogozadachnost' i uspevaemost' studentov [Multitasking and student performance]. *Otkrytoe i distancionnoe obrazovanie*, 3 (55), 5–11. (in Russ.)

Karr, N. (2012). *Pustyshka: Chto Internet delaet s nashimi mozgami* [The Shallows: what the Internet is doing to our brains]. SPb.: BestBusinessBooks (in Russ.)

Kolin, K. K. (2011). Informacionnaja antropologija: pokolenie Next i novaja ugroza psihologicheskogo rassloenija chelovechestva v informacionnom obshhestve [Informational anthropology: Next generation and new threat of psychological stratification of humanity in the information society]. *Vestnik Cheljabinskoj gosudarstvennoj akademii kul'tury i iskusstv*, 4, 32–36. (in Russ.)

Compernelle, T. (2015). *Mozg osvobozhdennyj: Kak predotvratit' peregruzki i ispol'zovat' svoj potencial na polnuju moshh'* [The Brain Unchained: how to prevent overloads and use your potential to the full]. M.: Al'pina Publ. (in Russ.)

Ljudi ruskoj nauki. (1948). *Očerki o vydajushhihsja dejateljah estestvoznanija i tehniki* [People of Russian science. Essays on the outstanding figures of natural science and technology]. Vol. 2 / Sost. i red. I. V. Kuznecov. M., L.: OGIZ, Gostehizdat. (in Russ.)

Plato. (1993). Phaedrus. In *Sobranie sochinenij v 4 t* [Collected works in 4 vol]. Vol. 2. M.: Mysl'. (in Russ.)

Spitzer, M. (2014). *Antimozg: cifrovye tehnologii i mozg* [Anti-brain: digital technologies and the brain]. M.: AST. (in Russ.)

УДК 159.9

М. В. Злобина

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

marinazlobina1991@mail.ru

АНАЛИЗ КОНСТРУКТА МЕЖЛИЧНОСТНОЙ ИНТОЛЕРАНТНОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Рассматривается конструкт межличностной интолерантности к неопределенности. Предпринимается попытка соотнесения имеющихся определений конструкта межличностной интолерантности к неопределенности с характеристиками неопределенных ситуаций в целом. Приводится обзор существующих методик, с помощью которых возможна оценка интолерантности к неопределенности в межличностных отношениях, в том числе анализ единственной русскоязычной методики, в которой выделяется шкала межличностной интолерантности к неопределенности – Нового опросника толерантности к неопределенности.

Ключевые слова: неопределенность, межличностная интолерантность к неопределенности, Новый опросник толерантности / интолерантности к неопределенности.

Существует особый тип ситуаций неопределенности, с которым сталкивается каждый человек – это неопределенность в межличностных отношениях. Сфера межличностных отношений является одной из наиболее важных сфер человеческой жизни. С самого рождения человек вступает в систему отношений с другими людьми. Сначала в эту систему входит семья, постепенно круг отношений расширяется. От того, насколько успешно человек будет преодолевать проблемы, возникающие в контактах с людьми, будут зависеть его эмоци-

Злобина М. В. Анализ конструкта межличностной интолерантности к неопределенности // *Reflexio*. 2018. Т. 11, № 1. С. 208–220.

ональное состояние и способность адаптироваться в изменяющихся условиях окружающей действительности. Чтобы исследовать способность человека справляться с межличностной неопределенностью (толерантность к межличностной неопределенности), необходимо разобраться, что представляет собой конструкт межличностной неопределенности.

Большое количество исследователей в области психологии неопределенности выделяют различные аспекты неопределенных ситуаций. Большинство из них сходится во мнении, что неопределенная ситуация характеризуется сложностью [Budner, 1962; McLain, 1993; Furnham, Ribchester, 1995], новизной [Budner, 1962; McLain, 1993; Furnham, Ribchester, 1995] и противоречивостью [Budner, 1962; Norton, 1975]. Эти характеристики могут относиться как к объективной неопределенности и внешним характеристикам ситуации (например, количество элементов ситуации, наличие противоречивой информации, степень изменчивости условий), так и к субъективной неопределенности (к примеру, наличие у человека противоречивых знаний о ситуации, рассогласование имеющегося и нового знаний). Мы также должны иметь в виду, что человек реагирует на ситуацию набором когнитивных, эмоциональных и поведенческих реакций.

Указанные характеристики и источники могут относиться и к ситуациям межличностной неопределенности. Однако единство в понимании конструкта межличностной неопределенности и его характеристик отсутствует.

Неопределенность межличностных отношений представлена в отечественной психологии в связи с понятием Межличностной интолерантности к неопределенности (далее – МИТН). МИТН была выделена в качестве отдельного фактора Т. В.Корниловой, в результате разработки Нового опросника толерантности к неопределенности. МИТН Корнилова определяет как «стремление к ясности и контролю в межличностных отношениях, дискомфорт в случае неопределенности отношений с другими» [2010], «непринятие неопределенности в позициях Я – Другой и стремление к ясности в межличностных отношениях (в мире людей)» [Корнилова, Чигринова, 2012]. Данные определения отражают, на наш взгляд, эмоциональные (дискомфорт) и, в некоторой степени, поведенческие (стремление к контролю) аспекты реагирования на ситуацию межличностной неопределенности. Авторы утверждают, что лица, нетерпимые к неопределенности в межличностных отношениях, «не оставляют другому человеку право на “инаковость” или право не следовать четким правилам (во взаи-

моотношениях)» [Корнилова, Чигринова, 2012]. Вероятно, «стремление к контролю» и тот факт, что интолерантный к неопределенности в межличностных отношениях человек «не оставляет права на инаковость», могут рассматриваться как поведенческие особенности, в которых проявляется неприятие неопределенности. Сам автор, однако, не раскрывает данного понятия. Остается неясным, что понимается под «инаковостью», к какой сфере относится «инаковость», идет ли речь о поведенческих особенностях другого человека, его суждениях об окружающей действительности, его внешнем виде и т. д. Обратимся к указанным выше характеристикам неопределенных ситуаций. Такой признак, как «противоречивость (наличие несовместимых интерпретаций)», в данном случае можно рассматривать с нескольких сторон. В первом случае речь может идти о противоречивом поведении или суждениях другого человека (или группы людей). Тогда возникает ситуация, внешняя по отношению к субъекту. Противоречивость также может возникать как несовпадение позиций двух людей. В другом случае противоречивость может относиться к самому субъекту. Человек, к примеру, может испытывать амбивалентные чувства по отношению к внешней ситуации или другому человеку либо обладать противоречащими суждениями о человеке или ситуации.

Также неясно, что в определении Т. В. Корниловой имеется в виду под «стремлением к контролю». Чуть более подробно о возможности контроля в контексте неопределенных ситуаций говорит Е. П. Белинская [2014]. Возможность / невозможность контроля со стороны субъекта она понимает в качестве внутреннего признака ситуаций неопределенности. В этом смысле невозможность контроля другого человека будет создавать субъективную неопределенность. К субъективной неопределенности также может приводить неумение действовать в ситуации. Автор говорит о том, что «субъективная неопределенность возникает тогда, когда перцептивная установка человека “наталкивается” на некоторый информационный барьер, выражающийся либо в недостатке знаний о ситуации, либо в несформированности умений действия в ней» [Там же]. Можно предположить, что это справедливо, в том числе, и для социальных ситуаций.

С другой стороны, существуют внешние, объективные, характеристики ситуации. В качестве таких характеристик выделяются, как правило, информационные признаки, такие как, «недостаток, противоречивость или же нечеткость информации» (цит. по: [Белинская, 2014]). Е. П. Белинская, однако, подчеркивает, что именно «субъективно приписываемые внешнему информационному потоку особен-

ности» обуславливают то, будет ли человек воспринимать ситуацию как неопределенную или определенную. Таким образом, большая роль отводится внутренним факторам.

Возникает два вопроса. Первый заключается в том, какие факторы лежат в основе определения человеком ситуации как неопределенной, что приводит к различиям между людьми в восприятии одной и той же ситуации. Сам автор указывает, что восприятие ситуации как неопределенной обусловлено мотивационными (потребности в определенности) и когнитивными (гибкость / ригидность) особенностями личности. Второй вопрос заключается в том, как преодолевается человеком неопределенность межличностных отношений, какие реакции возникают на когнитивном, поведенческом и эмоциональном уровнях. Как мы видели выше в определении Корниловой, человек, интолерантный к межличностной неопределенности, будет испытывать дискомфорт в случае неопределенности отношений с другими. Понятие «дискомфорт» может охватывать широкий спектр эмоциональных реакций. Некоторые зарубежные авторы указывают, что интолерантность к неопределенности в целом связана с аффективными (тревога и депрессия) расстройствами, как на клиническом, так и на субклиническом уровнях. В своей предыдущей работе [Злобина, Первушина, 2017] мы не обнаружили связей между показателями интолерантности к неопределенности по методике Нового опросника толерантности к неопределенности [Корнилова, 2010] и показателями по шкале депрессии Бека, но обнаружили связь между показателями по шкале Межличностной интолерантности к неопределенности и показателями по шкале депрессии Бека. Мы предположили, что данный результат может быть объяснен с позиции реципрокного взаимодействия при депрессии в теории А. Бека [2003]. Это предположение требует дальнейшей проверки и более подробного изучения МИТН.

В способах оценки МИТН среди исследователей нет единства. Существуют прямые и косвенные методы. В качестве непрямых методов используются короткие описания социальных ситуаций, варьирующиеся по степени неопределенности [Blanchard-Fields, Beatty, 2005; Waite et al., 2015; Lee et al., 2016].

Blanchard-Fields и Beatty вводят понятие двусмысленности исхода отношений (relationship outcome ambiguity (ROA)) [Blanchard-Fields, Beatty, 2005]. Двусмысленность исхода отношений определяется ими как «степень неопределенности успешного решения дилеммы отношений». Они исследовали возрастные особенности приписывания вины (blame attributions) на материале коротких рассказов, варьиру-

ющихся по степени двусмысленности исхода отношений. Как указывают авторы, в ситуации низкой двусмысленности существует относительно малоконфликтное решение и определенное завершение отношений. В ситуации с высокой степенью двусмысленности, или неопределенности, персонажи пытаются обсуждать препятствия и решать конфликты, чтобы сохранить отношения. В качестве примера ситуации с низкой двусмысленностью приводятся следующие:

1) «Роберт и Мардж вместе работают; они встречаются три года. В последнее время Роберт проводит много времени, беседуя с другими женщинами в офисе. Во время последнего корпоратива Мардж не отходит от него ни на шаг, обычно стоя рядом с ним или обнимая его за талию. Когда позже он пошутил об этом, она сильно разозлилась и обвинила его в неверности. Он также разозлился; у них была ужасная ссора, во время которой отношения закончились».

2) «Дженнифер встречается с Доном 3 года. Она хочет выйти замуж за Дона, в то время как ему нравятся их отношения, как они есть. Дженнифер поставила Дону ультиматум: женись на мне или отношения закончены. Все еще неуверенный, Дон согласился жениться на ней. В течение двух лет брака они постоянно ссорились; недавно они развелись».

В качестве примера ситуации с высокой двусмысленностью приводятся следующие:

1) «Карен и Сэм встретились во Флориде и с тех пор влюблены друг в друга. Карен добилась высокой позиции в Бостоне, а Сэм владеет маленькой компьютерной компанией в Лос Анджелесе. Карен и Сэм хотят быть друг с другом. Сэм хочет, чтобы Карен переехала в Лос Анджелес, но Карен не хочет оставлять должность, которую она добилась с таким трудом. Карен решила переехать, но после 6 месяцев она все еще не нашла работу. Качество их отношений страдает».

2) «Отец Эмили недавно умер. Мать Эмили переживает одиночество и депрессию. Хотя Эмили и мать никогда не были сильно близки, Эмили чувствовала, что лучшее, что можно сделать, это перевезти мать жить со своей семьей. После того, как ее мать переехала, Эмили пришлось проводить с ней много времени. В то же время, она пытается убедиться, что пребывание ее матери у них в доме не мешает ее включению в отношения с мужем и детьми. В последнее время ссоры между Эмили и ее матерью создают сильный стресс для семьи».

Межличностная неопределенность представлена также в исследованиях негативной интерпретации. Так, к примеру, Lee et al. [2016] изучали силу негативной интерпретации при разной выраженности

симптомов депрессии. Испытуемые выполняли задания, охватывающие три области возможной негативной интерпретации. В качестве таких областей были выделены три типа ситуаций двусмысленности: кроме невербальной двусмысленности, представленной в трансформации (морфинге) выражений лица, исследовалась ситуационная двусмысленность, представленная в воображаемой ситуации, в которой необходимо выступить с речью перед аудиторией сверстников, и семантическая двусмысленность, представленная в отрывках текстов [Ibid.].

Ситуационная двусмысленность также представлена в исследовании Waite, Codd и Creswell [2015]. Авторы исследовали предвзятость интерпретации (interpretation biases) у детей и взрослых. В качестве метода оценки интерпретации они использовали примеры двусмысленных историй, которые включали вербальную презентацию гипотетических ситуаций, которые можно было истолковать как угрожающие или не угрожающие. Был использован модифицированный опросник двусмысленных сценариев (The Ambiguous Scenarios Questionnaire (ASQ)), содержащий 12 гипотетических ситуаций, 6 социальных и 6 несоциальных. Далее участников просили ответить на ряд вопросов, касающихся ситуации и своих чувств, относительно данной ситуации [Waite et al., 2015]. После прочтения истории, испытуемых просили ответить на ряд вопросов, касающихся их эмоционального состояния, возможных причин возникновения описанной ситуации, возможных действий в данных ситуациях, а также просили выбрать одну из возможных альтернатив, касающихся исхода ситуации. Изначально методика разрабатывалась для детей от 7 до 12 лет. В качестве социальных ситуаций и возможных исходов приводятся следующие [Weeks, 2012]: «Однажды в школе вы замечаете, что ваша любимая книга пропала. Что, как вам кажется, скорее всего произошло с книгой? (Кто-то украл книгу / Вы забыли книгу дома)»; «вы видите, как директор ходит по школе и спрашивает других учеников, где вы. Как вы думаете, зачем директор вас ищет? (У директора есть для вас сообщение от вашей матери / Директор думает, что вы сделали что-то не так)»; «Вы остаетесь у друга дома и его родители выглядят сильно рассержеными. Как вы думаете, почему они рассержены? (Они поссорились и обижены друг на друга / Они не хотят, чтобы вы оставались, и злятся на вас)»; «Вы видите группу учеников из другого класса, играющих в интересную игру. Когда вы подходите к ним, чтобы присоединиться, они начинают смеяться. Почему, как вы думаете, они смеются? (Один из них неприятно пошутил про вас / Они

смеются над чем-то в игре)»; «Вы организовываете вечеринку в 4 часа и в 4:30 еще никто не пришел. Как вы думаете, почему никто не появился? (Никто не хочет приходить на вечеринку / Они немного задерживаются); «Вы презентуете свой школьный проект перед классом и двое учеников на задних партах хихикают. Как вы думаете, над чем они смеются? (Они смеются над чем-то глупым, что вы сказали / Один из них пошутил и они смеются над этим)»).

Указанные выше гипотетические неопределенные ситуации являются примерами косвенной оценки отношения к ситуациям межличностной неопределенности. Кроме косвенных методов оценки, существуют также прямые, представленные в опросниках.

В большей степени МИТН представлена в опроснике МАТ-50 (Measure of Ambiguity Tolerance). Хотя МИТН не выделяется в качестве отдельного фактора или шкалы, в опроснике присутствуют такие группы утверждений, как Социальный аспект, Межличностная коммуникация и Публичный образ [Norton, 1975]. Часть вопросов МАТ-50 перекликается с вопросами шкалы АТ-20 [McDonald, 1970] и имеет одинаковые или очень схожие формулировки. Это, в том числе, вопросы № 2, 6, 8, 10 шкалы АТ-20 и № 37, 33, 11, 16 шкалы МАТ-50 соответственно, отражающие неопределенность в межличностных отношениях (см. приложение, табл. 1). Единичные вопросы, относящиеся к интолерантности в межличностных отношениях, встречаются в шкале О'Коннора (5. Никто не может испытывать чувства любви и ненависти к одному и тому же человеку) (цит. по: [Furnham, 1994]) и в шкале Буднера [1962] (7. «Я больше люблю вечеринки со знакомыми людьми, чем те, где все или большинство людей мне совершенно незнакомы» и 12. «Часто наиболее интересные и заводящие других люди – это те, кто не боится быть оригинальным и непохожим на остальных»).

В русскоязычных методиках, направленных на оценку толерантности / интолерантности к неопределенности, шкала МИТН выделяется в Новом опроснике толерантности к неопределенности (НТН) Корниловой [2010]. Методика была разработана на основе трех шкал толерантности к неопределенности (шкала О'Коннора, шкала Райделл-Розен и шкала Баднера). В результате апробации на выборке из 623 испытуемых (421 Ж, 202 М, возраст от 17 до 48 лет) было выделено три фактора: толерантности, интолерантности и межличностной интолерантности к неопределенности. В шкалу МИТН вошли 8 вопросов (см. приложение, табл. 2). Интересно отметить, что не все из них напрямую затрагивают сферу межличностных отношений (во-

просы № 7, 9, 19, 20). Хотя вопрос № 9 («Я начинаю довольно сильно волноваться, если оказываюсь в ситуации, которую не могу контролировать»), взятый из шкалы Rydell-Rosen (1966), в оригинале звучит следующим образом: «I get pretty anxious when I'm in a social situation over which I have no control», т. е. «Я начинаю довольно сильно волноваться, если оказываюсь в *социальной* ситуации, которую не могу контролировать», что вполне могло бы объяснить тот факт, что вопрос входит в шкалу межличностной интолерантности к неопределенности. Вопрос о том, каким образом утверждения № 7 («Задача для меня малопривлекательна, если я не считаю ее решаемой»), 19 («В долговременной перспективе добиться большего возможно, решая маленькие и простые проблемы, чем большие и сложные») и 20 («Человек, который ведет ровную, размеренную жизнь (без особых сюрпризов и неожиданностей), на самом деле должен быть благодарен судьбе») отражают интолерантность к межличностной неопределенности, остается открытым. Формулировка утверждения № 20, кроме того, совпадает с формулировкой утверждения № 25, которое входит в шкалу Толерантности к неопределенности, что также вносит некоторую неясность.

Возникает необходимость приведения разрозненных взглядов на ситуации межличностной неопределенности и методов исследования в единую систему. Дальнейшими направлениями в области изучения неопределенности в межличностных отношениях может стать адаптация на русскоязычной выборке и разработка косвенных методов оценки отношения к ситуациям межличностной неопределенности, разработка опросника толерантности / интолерантности к межличностной неопределенности, а также сравнение показателей косвенной и прямой оценки отношения к межличностной неопределенности.

Список литературы

Бек А., Раиш А., Шо Б., Эме Г. Когнитивная терапия депрессии. СПб.: Питер, 2003.

Белинская Е. П. Неопределенность как категория современной социальной психологии личности // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 36. С. 3.

Злобина М. В., Первушина О. Н. Интолерантность к неопределенности и депрессия // Reflexio. 2017. Т. 10, № 2. С. 126–141.

Корнилова Т. В. Новый опросник толерантности – интолерантности к неопределенности // Психологический журнал. 2010. Т. 31, № 1. С. 74–86.

Корнилова Т. В., Чигринова И. А. Стадии индивидуальной морали и принятие неопределенности в регуляции личностных выборов // Психологический журнал. 2012. Т. 33, № 2. С. 69–87.

Blanchard-Fields F., Beatty C. Age Differences in Blame Attributions: The Role of Relationship Outcome Ambiguity and Personal Identification // Journal of Gerontology: Psychological sciences. 2005. Vol. 60 (1). P. 19–26.

Budner S. Intolerance of Ambiguity as a Personality Variable // Journal of Personality. 1962. Vol. 30. P. 29–50.

Furnham A. A content, correlational and factor analytic study of four tolerance of ambiguity questionnaires // Personality and Individual Differences. 1994. Vol. 16. P. 403–410.

Furnham A., Ribchester T. Tolerance of ambiguity: a review of the concept, its measurement and applications // Current Psychology. 1995. Vol. 14 (3). P. 179–190.

Lee J-S., Mathews A., Shergill S., Yiend J. Magnitude of negative interpretation bias depends on severity of depression // Behaviour Research and Therapy. 2016. Vol. 83. P. 26–34.

McDonald A. P. Jr. Revised scale for ambiguity tolerance: reliability and validity // Psychological Reports. 1970. Vol. 26. P. 791–798.

McLain D. L. The MSTAT-I: A new measure of an individual's tolerance for ambiguity // Educational and Psychological Measurement. 1993. Vol. 53 (1). P. 183–189.

Norton R. W. Measurement of Ambiguity Tolerance // Journal of Personality Assessment. 1975. Vol. 39 (6). P. 607–619.

Waite P., Codd J., Creswell C. Interpretation of ambiguity: Differences between children and adolescents with and without an anxiety disorder // Journal of Affective Disorders. 2015. Vol. 188. P. 194–201.

Weeks M. I think therefore I am... anxious and depressed. The role of negative cognitions in the link between shyness and internalizing difficulties in late childhood and early adolescence // A thesis submitted to the Faculty of Graduate and Postdoctoral Affairs in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in Psychology, 2012.

M. V. Zlobina

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

marinazlobina1991@mail.ru

ANALYSIS OF THE «INTERPERSONAL INTOLERANCE OF UNCERTAINTY» CONSTRUCT

The interpersonal intolerance of uncertainty construct is discussed in the paper. We reviewed the definition of the interpersonal intolerance to uncertainty and made an effort to match it with existing characteristics of uncertainty. An overview of the methods by which it is possible to assess intolerance to uncertainty in interpersonal relations was taken, including the analysis of the only Russian-language questionnaire, which contains the scale of interpersonal intolerance of uncertainty – the New Questionnaire of Tolerance / Intolerance to Uncertainty.

Keywords: uncertainty, interpersonal intolerance of uncertainty, the New Questionnaire of Tolerance / Intolerance to Uncertainty.

References

Bek, A., Rash, A., Sho, B., Jeme, G. (2003). *Kognitivnaja terapija depressii*. Spb.: Piter. (in Russ.)

Belinskaia, E. P. (2014). Neopredelennost' kak kategoriia sovremennoi sotsial'noi psikhologii lichnosti [Uncertainty as a category of modern social psychology of personality]. *Psikhologicheskie issledovaniia*. 7 (36), 3. (in Russ.)

Blanchard-Fields, F., Beatty, C. (2005). Age Differences in Blame Attributions: The Role of Relationship Outcome Ambiguity and Personal Identification. *Journal of Gerontology: Psychological sciences*, 60 (1), 19–26.

Budner, S. (1962). Intolerance of Ambiguity as a Personality Variable. *Journal of Personality*, 30, 29–50.

Furnham, A. (1994). A content, correlational and factor analytic study of four tolerance of ambiguity questionnaires. *Personality and Individual Differences*, 16, 403–410.

Furnham, A., Ribchester, T. (1995). Tolerance of ambiguity: a review of the concept, its measurement and applications. *Current Psychology*, 14 (3), 179–190.

Kornilova, T. V. (2010). Novyi oprosnik tolerantnosti–intolerantnosti k neopredelennosti [New Questionnaire of tolerance / intolerance for uncertainty]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 31 (1), 74–86. (in Russ.)

Kornilova, T. V., Chigrinova, I. A. (2012). Stadii individual'noi morali i priniatie neopredelennosti v reguliatsii lichnostnykh vyborov [Stages of individual morality and acceptance of uncertainty in regulation of personal choices]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 33 (2), 69–87. (in Russ.)

Lee, J-S., Mathews, A., Shergill, S., Yiend, J. (2016). Magnitude of negative interpretation bias depends on severity of depression. *Behaviour Research and Therapy*, 83, 26–34.

McDonald, A. P. Jr. (1970). Revised scale for ambiguity tolerance: reliability and validity. *Psychological Reports*, 26, 791–798.

McLain, D. L. (1993). The MSTAT-I: A new measure of an individual's tolerance for ambiguity. *Educational and Psychological Measurement*, 53 (1), 183–189.

Norton, R. W. (1975). Measurement of ambiguity tolerance. *Journal of Personality Assessment*, 39 (6), 607–619.

Waite, P., Codd, J., Creswell, C. (2015). Interpretation of ambiguity: Differences between children and adolescents with and without an anxiety disorder. *Journal of Affective Disorders*, 188, 194–201.

Weeks, M. (2012). *I think therefore I am... anxious and depressed. The role of negative cognitions in the link between shyness and internalizing difficulties in late childhood and early adolescence*. A thesis submitted to the Faculty of Graduate and Postdoctoral Affairs in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in Psychology.

Zlobina, M. V., Pervushina, O. N. (2017). Intolerantnost' k neopredelennosti i depressiia [Intolerance of uncertainty and depression]. *Reflexio*, 10 (2), 126–141. (in Russ.)

Приложение

Таблица 1

Пункты опросников AT-20 [McDonald, 1970] и MAT-50 [Norton, 1975], имеющие схожие формулировки

№	AT-20	№	MAT-50	Перевод
2	I am just a little uncomfortable with people unless I feel that I can understand their behavior.	37	I am just a little uncomfortable with people unless I feel that I can understand their behavior.	Я испытываю дискомфорт в отношениях с людьми до тех пор, пока не пойму их поведение.
6	I get pretty anxious when I'm in a social situation over which I have no control.	33	I get pretty anxious when I'm in a social situation involving me which I have little control of.	Я очень волнуюсь, когда нахожусь в социальной ситуации (в которую я включен), которую не могу контролировать.
8	It bothers me when I am unable to follow another person's train of thought.	11	It really disturbs me when I am unable to follow another person's train of thought.	Я испытываю беспокойство, когда не могу следовать за ходом мысли другого человека.
10	It bothers me when I don't know how other people react to me.	16	It bothers me when I don't know how strangers react to me.	Я испытываю беспокойство, когда не знаю, как другие люди / незнакомец реагируют на меня.

Таблица 2

Шкала Межличностной интолерантности к неопределенности Нового опросника толерантности к неопределенности [Корнилова, 2010]

№	МИТН
7	Задача для меня малопривлекательна, если я не считаю ее решаемой
8	Я испытываю дискомфорт в отношениях с людьми до тех пор, пока не пойму их поведение
9	Я начинаю довольно сильно волноваться, если оказываюсь в ситуации, которую не могу контролировать
11	Меня смущает, если я не могу следовать за ходом мыслей другого человека
13	Меня беспокоит, если я не знаю, как другие люди реагируют на меня
19	В долговременной перспективе добиться большего возможно, решая маленькие и простые проблемы, чем большие и сложные
20	Человек, который ведет ровную, размеренную жизнь (без особых сюрпризов и неожиданностей), на самом деле, должен быть благодарен судьбе
26	Я больше люблю вечеринки со знакомыми людьми, чем те, где большинство людей мне совершенно незнакомы

Бодрова Лариса Анатольевна – преподаватель кафедры психологии личности Новосибирского государственного университета

Голубев Андрей Михайлович – ведущий психолог, старший преподаватель кафедры психологии личности Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия

Грабельникова Ульяна Сергеевна – студентка УНЦП Новосибирского государственного университета

Дорошева Елена Алексеевна – кандидат биологических наук, старший преподаватель кафедры сравнительной психологии Института медицины и психологии Новосибирского государственного университета

Злобина Марина Владимировна – ассистентка кафедры психологии личности Новосибирского государственного университета

Киселёва Оксана Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности Новосибирского государственного университета

Колупаева Софья Геннадьевна – магистрант кафедры социологии Новосибирского государственного университета

Нечунаев Виктор Васильевич – кандидат философских наук

Одновал Ирина Александровна – переводчик литературы по психологии, Издательство «СветЛо»

Первушина Ольга Николаевна – кандидат психологических наук, заместитель директора Института медицины и психологии, заведующая кафедрой психологии личности Института медицины и психологии Новосибирского государственного университета

Первушин Николай Сергеевич – преподаватель кафедры психологии личности Новосибирского государственного университета

Резникова Жанна Ильинична – доктор биологических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной психологии Новосибирского государственного университета, заведующая лабораторией поведенческой экологии сообществ Института систематики и экологии животных СО РАН, Новосибирск

Санталова Елизавета Алексеевна – выпускница Института медицины и психологии Новосибирского государственного университета

Фёдоров Александр Александрович – кандидат психологических наук, заведующий кафедрой клинической психологии, доцент кафедры психологии личности Новосибирского государственного университета

Авторы представляют статьи на русском языке объемом до 1 авторского листа (40 тыс. знаков, шрифт 14, межстрочный интервал 1,5), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм = 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков).

Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором.

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

К рукописи необходимо приложить сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы, а также контактный телефон, электронный и почтовый адрес автора.

Обязательным требованием является индекс УДК (Универсальной десятичной классификации), аннотация статьи (3–4 предложения) и ключевые слова на русском языке, а также авторский перевод названия статьи, аннотации и ключевых слов на английский язык.

Порядок оформления рукописи:

УДК 159.9.01

А. В. Иванов

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

ivanov@fp.nsu.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ИСКУССТВА

Аннотация на русском языке

Ключевые слова на русском языке

Основной текст статьи

Список литературы

Материал поступил в редколлегию 01.03.2010

ФИО автора (авторов) на английском языке

Название статьи на английском языке

Почтовый адрес на английском языке

Аннотация на английском языке

Ключевые слова на английском языке

Подпись автора (авторов)

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания работы, при необходимости номер страницы, например: [Иванов, 1999. С. 129]. В случае совпадения года издания ему присваивается буквенное обозначение, например: [Иванов, 1999а; 1999б]. В конце статьи помещается список литературы в алфавитном порядке. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи). Общее количество страниц для монографии является факультативным элементом и может не включаться в библиографическое описание. Авторские примечания оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы). Библиографические описания на разных языках группируют в два алфавитных ряда: в начале на русском языке или языках с кириллической графикой, затем на иностранных языках.

Образцы составления библиографического описания

Смит Н. В. Современные системы психологии. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.

Стиль человека: психологический анализ / Под ред. А. В. Либина. М.: Смысл, 1998. 310 с.

Ожиганова Г. В. История психологии: концептуальные подходы и методы исследования // Психологический журнал. 2004. Т. 25, № 3. С. 5–16.

Hearnshaw L. S. A short history of British psychology, 1840–1940. New York: Barnes & Noble, 1964.

Wardell D. M., Royce J. R. Toward a multi-factor theory of styles and their relationship to cognition and affect // Journal of Personality. 1978. Vol. 46 (3). P. 474–505.

Иллюстрации (рисунки, черно-белые и цветные фотографии) следует предоставлять в оригинале. Размер изображения не должен превышать 190 x 270 мм. Рекомендуемый размер черно-белых фотографий 100 x 150 мм.

При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что к электронным версиям рисунков (только в форматах .gif, .jpg, .tif, .cdr) следует приложить их распечатки высокого качества на белой бумаге. Просим Вас **не изменять исходный электронный формат** создаваемого Вами графического объекта. Рисунки, графики и диаграммы должны быть только черно-белыми, без цветных элементов и мелких (сплошных) заливок. На обороте каждой иллюстрации необходимо написать фамилию автора, усеченное название статьи, номер иллюстрации.

Допускается создание таблиц и диаграмм в MS Word и MS Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Максимальное поле изображения 190 x 270 мм.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в ходе редакторской правки должны сниматься авторами в ходе электронной переписки в строго определенные для этого редколлегией сроки. Нарушение сроков ведет к отказу в опубликовании статьи.

Требования к содержанию публикуемых материалов

В журнале «Reflexio» публикуются материалы, соответствующие основным рубрикам журнала:

- методология, теория и история психологии;
- психологические исследования;
- психологический инструментарий;
- психология и Время;
- иностранная психология;
- психология глазами философа.

Публикуются также материалы, содержащие критический обзор ранее не известной или малоизвестной российскому читателю научной психологической литературы.

Статьи иностранных авторов, выполненные на иностранных языках, публикуются по согласованию с автором в переводе на русский язык.

Недопустимо представление в редакцию ранее опубликованных статей, а также рукописей, скомпилированных из цитат и пересказов ранее опубликованных научных работ.

Редакция оставляет за собой право редактирования, сокращения (по согласованию с автором) и адаптации публикуемых материалов к рубрикам журнала.

Все статьи проходят *обязательное рецензирование*, о результатах рецензирования авторы извещаются по указанному адресу электронной почты.

Доставка материалов

Представляемые в редакцию материалы можно передать лично (ауд. 3110, главный учебный корпус НГУ) или переслать по электронной почте или традиционной почтой.

Адрес редакционной коллегии журнала «Reflexio»: Новосибирский государственный университет, Институт медицины и психологии, ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (383) 363 40 26

E-mail: olgap@yandex.ru, tumidus@yandex.ru

Журнал распространяется по подписке, подписной индекс 81563 в каталоге ОАО «Роспечать».

Сроки выхода журнала в свет с 2008 года – июнь, декабрь.